

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

А. С. КЛЕЙН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ **ИСТОЧНИКИ**

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1978

Книга рассчитана на студентов и преподавателей университетов и пединститутов, а также на всех интересующихся методикой использования археологических материалов в историческом исследовании. В книге дается представление о познавательных возможностях археологических источников и об их специфике по сравнению с разными видами исторических источников. Рассматриваются также те ограничения, которые специфика археологических источников накладывает на их использование и которые поэтому необходимо иметь в виду историку, когда он обращается к археологическим источникам.

Пособие предназначено для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

Рецензенты: проф. *М. П. Грязнов*, проф. *Э. Д. Фролов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В археологии уже давно стали необходимы унификация терминологии, уточнение основных понятий и их теоретическое обоснование: неразработанность понятийного аппарата затрудняет развитие археологии как науки.

Книга Л. С. Клейна «Археологические источники» — первая в советской археологической литературе обобщающая работа, посвященная исследованию одного из фундаментальных понятий археологии. Анализ понятия «археологические источники» дается автором в двух аспектах — историческом и логическом, которые рассматриваются в единстве, чтобы вскрыть смысл этого понятия с учетом развития исторической науки и теоретической основы археологии.

Выдвинутые Л. С. Клейном проблемы и предлагаемые им решения, часто полемически заостренные, имеют несомненный научный интерес. Разумеется, не все его выводы могут быть безоговорочно приняты. Это связано с многоплановостью терминов, с особым теоретическим подходом автора и некоторой абсолютизацией терминологического анализа. А главное — таково состояние проблематики.

Вряд ли можно сомневаться в том, что археологические источники — основа исторической информации. Из практики советской исторической науки мы хорошо знаем, что археологические материалы стали основными при написании древнейшей истории народов Советского Союза. Чтобы археологические данные стали полноценным источником, они, безусловно, требуют специальной и разнообразной методики. Соотношение теории и методики (археологи часто путают термины «методика» и «методология») — важнейший вопрос, позволяющий правильно подойти к исторической информативности памятников материальной культуры.

Книга написана увлекательно, живо, остро, она содержит громадный материал, излагает различные точки зрения, выдвигает фундаментальные теоретические вопросы; она не оставляет читателя равнодушным, а побуждает задуматься над важными проблемами. Их неразработанность в науке делает неизбежной в ряде мест дискуссионность, но студентов необходимо вводить в курс нерешенных проблем науки. Приходится совмещать в книге задачи учебного пособия и научно-исследовательской монографии.

При современном состоянии понятийного аппарата археологической науки книга Л. С. Клейна актуальна и полезна и для археологов-ученых и для студентов — для всех тех, кто хочет работать в археологии и стремится поднять археологию как науку на более высокий теоретический уровень. Без этого не получить надежную базу фактов для изучения закономерностей прогрессивного развития культуры.

Академик *Б. Б. Пиотровский*

«АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ» — ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ АРХЕОЛОГИИ

— И все это в одном слове? —
спросила с недоумением Алиса. —
Не слишком ли это много для одного!

— Когда одному слову так достается, я плачу ему свехурочные, —
сказал Шалтай-Болтай.¹

Понятие «археологические источники» принадлежит к числу фундаментальных понятий археологии. Это значит, что археологам то и дело приходится им пользоваться, что без него не обойтись во многих исследовательских операциях и что с его помощью, через него, определяются многие другие понятия, общие для разных отраслей этой науки, т. е. для первобытной, восточной, античной и средневековой археологии. Из оценки содержания этого понятия выводятся методические принципы археологических исследований и даже иной раз само определение археологии.²

Понятие это столь общее, столь широкое, что его связи и отношения выходят за рамки археологии. Им пользуются и представители смежных дисциплин — историки, искусствоведы, этнографы и др., — когда обращаются за содействием к археологии.

Все они в общем и целом понимают друг друга и, очевидно, представляют хотя бы приблизительно, о чем идет речь, когда применяется этот термин. Значения составляющих его слов в литературном языке, повседневная практика научных контактов, контексты применения этого термина — вот чем формируется понимание. Однако такое понимание неизбежно остается неполным, неточным, неглубоким. Границы понятия выходят нечеткими, расплывчатыми, объем получается изменчивым, употреблению нехватает строгости. Трудно предотвратить и заметить нечаянные сдвиги значений. Строгая научная методика не может строиться на такой основе. В конкретных обстоятельствах возникают трудности и споры, для разрешения которых нужны теоретические разработки понятия «археологические источники».

Входят ли такие-то вещи в археологические источники и, следовательно, подпадают ли под действие соответствующих юридических по-

¹ Все эпитафии к разделам этой книги взяты из сказок Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Сквозь Зеркало (В Зазеркалье) и что там увидела Алиса».

² Равдоникас В. И. История первобытного общества, ч. 1. Л., 1939, с. 11, с. 38; Амальрик А. С., Монгайт А. Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966, с. 9—10, 33, 137—144; Захарук Ю. Н. 1) О методологии археологической науки и ее проблемах. — «Советская археология», 1969, № 3, с. 11—12, 16; 2) Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. Сб. статей. М., 1970, с. 9—14; ср.: Боряз В. Н. Природа археологического источника и объект археологии как науки. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 6—11.

становлений и методических инструкций? Являются ли археологические источники историческими источниками, и распространяются ли на них методологические характеристики тех (скажем, в оценке познавательных возможностей)? При извлечении информации из археологических источников на чем кончается компетенция историка? Сколько времени должно пройти с момента гибели вещи, чтобы она стала археологическим источником? Иначе говоря, есть ли хронологический предел у археологических материалов, если проследживать их простираание от давних времен к современности?

Более ста лет назад в Русском археологическом обществе этот вопрос решали голосованием и единодушно остановились на 1700 г.³ Согласиться ли с этим решением или расценить его как один из курьезов истории науки? В 1952 г. в Таможенном переулке в Ленинграде проводились раскопки академических зданий ломоносовской поры.⁴ Включить ли результаты безоговорочно в археологические источники или расценить как один из казусов научной практики — вылазку за границы археологии?

Все эти и подобные вопросы показывают, что мы нуждаемся в продуманных определениях и детальных теоретических разработках. Между тем в наличных общих руководствах это понятие либо оставлено без определения, либо вводится беглым определением, которое не мотивируется. Исследований, посвященных специально разработке этого понятия, нет, и всего несколько статей затрагивают отдельные аспекты темы.⁵

Понятием «археологические источники» характеризуется главное средство обеспечения археологических исследований базой фактов. Любопытно, что как раз те средства такого обеспечения, которые занимают в археологии, при всей их важности, подчиненное место (эксперимент, лабораторные анализы), подверглись детальной разработке⁶ раньше: повлиял пример наук, в которых они преобладают (физика, химия, биология). В археологии же к детальной разработке ее главного средства подошли сначала со стороны не теории, а методики исследований:⁷ в научной практике более наглядно и непосредственно ощущается потребность в методических предписаниях, чем в тех теоретических разработках, которые стоят (или должны стоять) за ними, генерируют и обосновывают их.

Фундаментальные понятия — это те, на которых держится вся система общих понятий данной науки. Поэтому, определяя фундаментальные понятия, бессмысленно искать опору среди этих производных понятий внутри данной науки. Приходится выходить за ее пределы — в общенаучную методологию, в философию, в историю науки, обращаться к опыту научной практики.

³ Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851, с. 3.

⁴ Грач А. Д. Археологические раскопки в Ленинграде. М.—Л., 1957.

⁵ Trudzik Z. Źródła archeologiczne na tle problematyki kultury. — «Archeologia Polski», 1965, t. 10, s. 42—74; Генинг В. Ф. Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии. — В кн.: Вопросы археологии Урала, вып. 13. Свердловск, 1975, с. 10—11.

⁶ Семенов С. А. Первобытная техника. М.—Л., 1957; Ascher R. Experimental archaeology. — «American Anthropologist», vol. 63, 1961, p. 739—816; Coles J. M. Experimental archaeology. — Proceedings of the Soc. of Antiquaries of Scotland, vol. XCIX, 1968, p. 1—20; и др.

⁷ Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1957 (рец.: Клейн Л. С. — Советская археология, 1977, № 3, с. 309—317).

В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

1. Современная ситуация и исторические корни

Термин «археологические источники» широко употребителен в советской археологии и в археологии социалистических стран; он фигурирует и в общих руководствах и в названиях специальных работ.¹ В силу привычности термина у нас даже сложилось впечатление о его естественности и общепринятости, о его понятности и о том, что он применялся в этом само собой разумеющемся значении всегда и везде. А это не так.

Достаточно пролистать основные дореволюционные российские руководства по археологии (А. И. Уварова, В. А. Городцова, А. А. Спицына) или Труды археологических съездов, чтобы убедиться, что там речь идет об «археологических памятниках» или «археологических материалах», но «источниками» они обычно не называются. В современной западной науке термины, соответствующие нашему «археологические источники», в общем-то известны, имеются в терминологическом словаре (в немецком «archäologische Quellen», в английском «material sources» или «archaeological records»)² и применяются, но не в археологическом обиходе, а в общетеоретических разработках по философии и методологии истории. Практически этих терминов в зарубежной археологической литературе не встретить или почти не встретить (исключения рассмотрим далее). В контекстах, где их можно было бы ожидать, оказываются другие термины: «археологические свидетельства» (англ. archaeological evidence), «археологические данные» (англ. archaeological data), «археологические памятники», «археологические находки» (нем. Bodendenkmäler, Bodenfunde), «археологические документы» (нем. archäologische Urkunden) и т. п.

Отсутствие специального термина говорит о невыделенности особого понятия, о том, что нет потребности отличать его от смежных понятий, что не чувствуется необходимость подчеркивать и обособлять соответствующий аспект изучения объектов археологии. Этот аспект считается либо ненужным, либо естественным и единственно возможным.

Вообще понятие «археологические источники» появилось в археологии как проекция понятия «исторические источники» на археологический материал, т. е. под несомненным воздействием исторической науки. Это стало возможным, когда археология вступила в тесную связь с историей и стала рассматриваться то как вспомогательная историческая дисциплина, то как отрасль истории.

Археологии далеко не всегда отводилось такое место в системе наук и не везде отводится сейчас. Некогда *археология* была частью *географии* — описывала древние достопримечательности края. В эпоху Возрождения археология стала частью *музейно-антикварного дела* и иллюстрировала *классическую филологию*. В эпоху Просвещения она превратилась в техническую экспертизу *антиковедческого искусствозна-*

¹ Археология СССР. Свод археологических источников. М. (многотомное издание, выходит с 1961 г.); Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975; Hołubowicz W. Jak publikować źródła archeologiczne. Warszawa—Wrocław, 1961 («Как публиковать археологические источники»).

² «Record» — букв. «сообщение», «запись». Если в слове «источник» подразумевается возможность использования информации, то слово «record» отвлечено от этого аспекта, здесь подчеркнуто лишь внедрение информации в объект.

ния. Романтики XIX в. связали ее с *этнографией*, сделали продолжением этнографии вглубь времен и придали морально-этическую направленность. Идеализацию тех или иных сторон прошлого желательно было подкрепить материальными памятниками. Такой установке, разумеется, был совершенно чужд взгляд на эти памятники как на объективные источники сведений о прошлом. В этом просто не было потребности. Однако во второй половине XIX в. размах и сила революционного движения повернули историков от деяний королей и министров к жизни широких народных масс, плохо освещенной в письменных источниках. Тогда же развитие капитализма и экономические требования пролетариата интенсифицировали интерес к истории хозяйства, а разработка изощренной критики текстов и их содержания подорвала доверие к письменным источникам. Вот тогда и понадобились данные вещественных источников, тогда историки обратились за помощью к археологии, и тогда археология превратилась в *историческую дисциплину*.

В России интерес к древностям возник позже, чем в странах Западной Европы (хотя и раньше, чем в Америке), и археология здесь прошла этот путь развития ускоренным темпом, но через те же этапы и в той же последовательности.³

2. Выделение понятия «исторические источники»

— Ну, это уж слишком! — закричал Шалтай-Болтай сердито. — Ты подслушивала за дверью... за деревом... в печной трубе... А не то откуда бы тебе об этом знать!

— Нет, я не подслушивала, — сказала тихонько Алиса. — Я узнала об этом из книжки.

В исторической науке понятие «*исторические источники*»⁴ кристаллизовалось в тесной связи с двумя явлениями: а) возникли четкие представления об авторстве и, б) появилось критическое отношение к сведениям о прошлом.

Конечно, и до того в исторических сочинениях давались иногда указания на источник сведений, но, во-первых, это не было обязательным, а во-вторых, этому не придавался тот узкий смысл, без которого просто нет понятия «исторический источник». Любой текст и любой слух без разбору принимались как пригодные и равноценные источники сведений. Список с текста или пересказ с любыми переделками, пропусками и добавками сразу же становился таким же источником для последующих переписчиков и пересказчиков. Что и у кого списано, что добавлено — не требовалось отмечать. Так писалась история в средние века. Естественно, не было необходимости отличать источники от

³ Это живо показано в увлекательной книжке А. А. Формозова «Очерки по истории русской археологии» (М., 1961).

⁴ Современные обобщающие работы, в которых рассматривается понятие «исторические источники» и обсуждаются связанные с ним методические проблемы (на рус. яз.) см.: Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов, 1971; Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969. — Из аналогичных изданий социалистических стран наиболее известны: Esker mann W., Mohr H. Einführung in das Studium der Geschichte. Berlin, 1966; Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1968. — Среди западных изданий наиболее авторитетны: L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961 (см. рец.: «Вопросы архивоведения», 1963, № 2, с. 109—115; «Вопросы истории», 1964, № 7, с. 79—82; 1964, № 8, с. 77—88); Salmon P. Histoire et critique. Bruxelles, 1969 (см. рец.: «Вопросы истории», 1971, № 10, с. 189—192).

неисточников, не требовалось особо обозначать те сочинения, которые вправе считаться «источниками», — не было, стало быть, и нужды в специальном понятии «исторические источники».

В эпоху Возрождения, в XIV—XV вв., когда зашатался уклад догматического подавления мысли и чувств и стало слабеть слепое доверие ко всему освященному традицией, историки-гуманисты начали подвергать сомнению надежность дошедших до них переложений истории — письменных и (особенно) устных. Гуманисты осознали необходимость отделять основу своих изысканий — первичные сообщения солидных древних писателей (нередко свидетелей и участников событий) — от смутных слухов и позднейших домыслов или толкований, предлагаемых современниками ученого и читателя.

В то же время ломка средневековых оков вела к становлению мыслящей личности, к осознанию самоценности личности. На этой основе зарождалась идея личного авторства и авторского права на ученые труды, на признание личного вклада ученого в науку, на закрепление доброго имени чем-то вроде индивидуального клейма ремесленника. Формальным выражением этих новых требований явилось изобретение «*ученого аппарата*» (иногда говорят «*научного аппарата*»). Так называются средства выделения цитат, ссылки в сносках и примечаниях, словом, способы выделения чужих слов, мыслей и сообщений среди своего текста и технические приемы литературного подтверждения сведений. Впервые эту технику применил флорентийский ученый XV в. Флавио Биондо.

Внимание к имени и мыслям современного автора, проецируясь на прошлое, обернулось уважением к личности древнего автора. Теперь историки перестали сливаться с древним текстом не только свои примечания к древним сообщениям, но и гипотетические вставки (*конъектуры*) на места пробелов. Это, со своей стороны, способствовало четкому отделению современных толкований и оценок от древних сообщений.

Тогда-то и возникло разделение *исторических сочинений* на «*исторические источники*» и «*исторические пособия*». Статус исторических источников получили первичные надежные изложения сведений солидными, ответственными, знающими людьми. Преимущественно это сочинения древних писателей и средневековых летописцев, старинные документы и т. п. Однако такой же статус получают поздние списки и отрывки из них в поздних сочинениях, даже их пересказы — при условии, что это самые ранние из дошедших до нас звеньев передачи древнего сообщения, а более ранние звенья, которые могли бы служить источниками, утрачены. Если же те сохранились, то последующие списки с них, пересказы и т. п. являются не историческими источниками, а историческими *пособиями*. Они могут быть во многих отношениях более пригодными, чем источники, — понятнее, четче, красочнее, доходчивее. Но в одном отношении они слабее: по содержанию исходной информации о прошлом. Ее они не могут ни пополнить, ни улучшить. В идеале (практически недостижимом) они могли бы ее сохранить неповрежденной, на деле же, как правило, искажают, портят и теряют. За нею надо обращаться к источникам.

Исторических пособий немало создавалось и в древности и в средние века. Но в эпоху Возрождения среди пособий стали выделяться в особый жанр, а затем отделились от них *исторические исследования*. Для гуманистов исторические исследования — это уже не просто переложение сообщений и описание событий в хронологическом порядке, а сочинения, в которых проводятся проверка, сопоставление, истолкование сообщений о прошлом; по обрывочным данным восстанавливается связанная цепь событий; прослеживаются истоки явлений, выясня-

ются причины и следствия, выделяются и оцениваются с разумных и моральных позиций описываемые деяния; извлекаются «уроки истории», а над всем этим витает поиск единства, смысла и направленности всего движения человечества.

Геродот, Фукидид, Цезарь, Цицерон, Плиний, Тит Ливий, средневековые хроники, «Оттоновская привилегия» и т. п. — вот исторические источники! Конечно, в свое время некоторые из этих текстов (например, труды Геродота или Фукидида) были пособиями, даже по некоторым качествам исследованиями, но к эпохе Возрождения они уже стали источниками, а исследованиями теперь надлежало считать такие труды, как «История Юлия Цезаря» Петрарки и «О генеалогии богов» Боккаччо. Приобретут ли и они через несколько веков функции источников по античности? Нет, если сохранятся те сочинения, которые служили им источниками.

Из-за своей удаленности во времени от исследователя, из-за разнородности и нередко плохой сохранности исторические источники далеко не всегда легки для понимания. Чтобы правильно извлечь из них историческую информацию, их нужно к этому специально подготовить, так сказать, отпрепарировать — определить возраст, авторство, тему, понять язык и т. д. С этой стороны они подлежат заботам особой исторической дисциплины — *источниковедения*.⁵ Исторические исследования быстро накапливаются. Они оказываются различными по уровню и направлению в зависимости от времени, места и условий создания, от социальной позиции, знаний и таланта автора и т. п. В этом плане их упорядочивает, осмысливает и критически оценивает другая историческая дисциплина — *историография* (это литературная канва *истории исторической науки*).⁶

Трудами Геродота и Фукидида ведают и источниковедение и историография. Евангелием и «Оттоновской привилегией» — только источниковедение. Реконструкциями гуманистов — только историография.

Источники обычно издаются иначе, чем исследования. Теперь нередко и ссылки на источники оформляются иначе, чем ссылки на исследования (например, ссылки на источники — сокращенно и в тексте, а на исследования — полностью и в сносках).

3. Ограничение понятия с появлением и развитием критики источников

— Как бы не так! Ни за что не уйду, — сказала Алиса. — И потом это не настоящее правило. Вы избрели его только что.

— Это самое старое правило в книге, — сказал Король.

— Тогда оно шло бы не сорок вторым, а под номером один, — сказала Алиса.

Король побледнел и поспешно захлопнул свою записную книжку.

Не очень доверяя устному преданию, гуманисты еще вполне полагались на письменные источники, поддерживаемые незыблемым авторитетом античных классиков, святых отцов церкви и самого Священ-

⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР, вып. 1. М., 1962; Источниковедение истории СССР. Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973; Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955; и др.

⁶ Историография истории СССР. Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудряшова. Изд. 2-е. М., 1971; Косминский Е. А. Историография средних веков. М., 1963; Вайштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964; и др.

ного писания. Потребовался очистительный ветер Реформации, чтобы развеять это доверие. Уже в первой половине XVI в. независимо друг от друга Лоренцо Валла и Николай Кузанский в Италии и Реджинальд Пикок в Англии разоблачили как подделку знаменитый «Константинов дар» (грамоту византийского императора Константина Великого папе Сильвестру) — обоснование папских «прав» на Рим и претензий на верховенство папской власти над императорской. Появились и первые руководства по критике (например, «Об искусстве критики» Каспара Шоппе, 1597 г.). Однако методы такой *критики источников* были подробно разработаны позже — в XVII в.

Этому способствовали возникшие в условиях промышленной революции новые философские доктрины Ф. Бэкона (эмпиризм или индуктивизм) и Р. Декарта (рационализм). Первая учила исходить из опыта, из фактов, вторая — добиваться ясности посредством сомнения и аналитического расчленения. Новые идеи воодушевляли не только научную революцию в естествознании (труды Ньютона, Бойля, Гюйгенса и др.), но и политические революции буржуазии в Нидерландах и Англии.

В этой общей духовной атмосфере во второй половине XVIII в. плеяда затворников-эрудитов (Паперброх, Мабильон, Симон) в спорах о подлинности конкретных грамот разработала и применила на практике методы критики источников. Стало ясно, что содержание исторических источников нельзя приравнять к фактам естествознания и что содержащиеся в исторических источниках данные еще не способны удовлетворить критериям эмпирической науки. Теперь понятие «*исторические источники*», отделенное ранее только с одной стороны — от понятия «*исторические пособия*» (включая «*исторические исследования*»), было отделено и с противоположной стороны — от понятия «*исторические факты*».

В труде Жана Мабильона (1681) «De re diplomatica» («По делу дипломов») были заложены основы экспертизы подлинности, Ришар Симон в своей «Критической истории Ветхого завета» (1678) показал, как выявлять древние части текста и устанавливать их сохранность, а в анонимно вышедшем «Богословско-политическом трактате» философа Б. Спинозы (1670) появились и зачатки более глубокой критики источников — под сомнение была поставлена не их подлинность или сохранность, а истинность их содержания.

Эта отрасль критики источников получила новые стимулы в век Просвещения и Великой французской буржуазной революции. Просветители XVIII в., философы и историки (Вольтер, Вико, Кондорсе) уже умели в общем распознавать за утверждениями источников политические пристрастия их авторов, хотя и делали это только рационалистически — по здравому смыслу и интуиции.

Но этого уже было достаточно, чтобы понять, что критика источников не сводится к проверке подлинности текста или его частей, т. е. к определению возраста, авторства и сохранности, но включает в себя и оценку достоверности сообщений, соотношений между объективностью и тенденциозностью автора, оценку его компетентности и т. п.

Просветителем, вольтерьянцем умеренного толка был немец А. Л. Шлёцер, работавший и в России.⁷ Это он не только провел первую критическую разработку такого источника, как русская летопись, но и ввел в историческую науку сам термин «источник» (Quelle) (на немецком языке в книге 1768 г., в русском переводе появился

⁷ Валк С. Н. Исторический источник в русской историографии XVIII в. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 7—8, с. 33—35.

Таблица I. Структура исторического (текстового) источниковедения (обработка письменных источников)

РАЗДЕЛ	МАЛАЯ (ВНЕШНЯЯ) КРИТИКА		ТОЛКОВАНИЕ			ВЫСШАЯ (ВНУТРЕННЯЯ) КРИТИКА	
	ТЕХНИЧЕСКАЯ	ТЕКСТОВАЯ	ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ		ИСТОРИЧЕСКОЕ	КОММУНИКАЦИОННАЯ	СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ
Содержание (методические операции)	Экспертиза подлинности	Проверка сохранности и восстановление подлинного текста	Перевод с чужого языка на родной язык исследователя	Перевод с древнего языка на современный	Соотнесение сведений с известными	Выявление первоисточника, история информации до ее аккумуляции в тексте	Установление объективности и полноты информации
Вспомогательные дисциплины и операции	Археография эпиграфика дипломатика палеография сфрагистика	Текстология	Дешифровка реконструкция языка опознание языка прочтение перевод	Прочтение перевод	Герменевтика геральдика историческая география хронология историческая метрология историческая эвристика генеалогия	Палеонисториография фольклористика	Историческая гносеология (раздел философии истории)

с 1809 г.).⁸ Шлёцер первым предложил и ясное различие между последовательными (по глубине проникновения в источник) задачами критики и соответственно между ее отраслями.

В начале пути он поместил «*малую критику*», или «*критику слов*», направленную на оценку подлинности и сохранности текста и на восстановление элементов оригинала. За этим у Шлёцера следует «*толкование*» текста, «*грамматическое*» и «*историческое*», нацеленное на то, чтобы верно прочесть восстановленный текст, разобраться в его языке (перевести на современный) и соотнести с определенными историческими событиями, местами, фигурами и т. п., словом, установить истинный смысл, вложенный некогда в текст его автором. Наконец, «*высшая критика*», или «*критика дел*», проводится с целью установить достоверность самих сведений, сообщаемых автором, и опирается, с одной стороны, на оценку личности автора, на выявление его информированности и пристрастий, а с другой — на сравнение со сведениями иных источников.

В XIX в. структура источниковедения усложнилась (табл. I). Обе группы задач «малой критики» обособились. Первым шагом критики стала *экспертиза подлинности*. Эту функцию частично взяли на себя специальные дисциплины: *археография* (наука о рукописях), *эпиграфика* (наука о надписях на вещах), *дипломатика* (наука о документах, актах, грамотах), *палеография* (история шрифтов, стилей почерка, писчих материалов и т. п.), *сфрагистика* (наука о печатях).

Второй шаг «малой критики» (проверка сохранности и восстановление оригинала текста) оформился в особую дисциплину — «*критику текста*», или *текстологию*. Основы ее заложил в начале XIX в. немецкий филолог К. Лахман. Опираясь на сравнительный анализ «списков» (копий текста), он отыскивал родственные связи между ними и механически реконструировал все более общие предковые формы — всё более древние тексты. В конце XIX — начале XX в. А. А. Шахматов, исследуя русские летописи, коренным образом перестроил текстологию. В его представлении образ древнерусского летописца был уже далек от шлёцеровского Нестора или пушкинского Пимена, творившего, «добру и злу внимая равнодушно». По убеждению Шахматова, «рукою летописца управляли политические страсти и мирские интересы».⁹ Выявляя вставки, пропуски, перестановки, переделки, исследователь увязывал их по смыслу с политическими позициями и идеями различных составителей летописи, с воздействиями на них тех или иных исторических событий и восстанавливал не просто схемы родственных отношений между списками, а сложную историю текста. Его линию продолжили в советской текстологии М. Д. Приселков, Л. В. Черепнин, Д. С. Лихачев и др.

Та отрасль, которую Шлёцер называл «*толкованием*», также разделилась надвое.

«Грамматическое», или, как бы мы теперь сказали, лингвистическое, толкование текста включает в себя *дешифровку* (если письменность неизвестна), *реконструкцию языка* (если неизвестен язык), *опознание* письменности и языка (если они известны),¹⁰ *прочтение* и *перевод* с чужого языка на язык исследователя и с древнего

⁸ Schlözer A. L. Probe russischer Annalen. Bremen und Göttingen, 1768, S. 168; Шлёцер А. Л. Нестор. Русские рукописи на древнеславянском языке..., ч. 1. СПб., 1809, с. 394, 425. — Подробнее об этом см.: Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории..., с. 30—32.

⁹ Шахматов А. А. Повесть временных лет, ч. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, с. XVI.

¹⁰ Существуют даже определители языков по образцам текста.

или архаичного на современный. Все эти задачи отошли к лингвистам.

Историческое же толкование текста позволяет исследователю реально представить себе смысл, вложенный в текст давним автором, опознать в сообщении реальные исторические фигуры, места, события и процессы, найти им соответствия в других источниках и даже в других видах источников. Все это, конечно, осталось на обязанности историков-источниковедов, но не оформилось в особую дисциплину. Формальные результаты этой проработки обычно сводятся к научному *комментированию* текста и к *иллюстрированию* его соответствующими изобразительными материалами — старыми рисунками, картами, фото-снимками или чертежами археологических реалий и т. п., — а также к составлению *исторической энциклопедии*, словарей и справочников. Из подсобных дисциплин, связанных с этими задачами, слабо оформленная *герменевтика* ведаёт систематизацией вышедших из употребления образов, сюжетов, атрибутов, аксессуаров, регалий и т. п. и способами их опознания. Одна категория этого материала (гербы) подлежит ведению особой четко оформленной дисциплины — *геральдики*; опознанию мест помогает *историческая география*; установлению дат — *хронология* (дисциплина, изучающая измерение и обозначение времени, календари и ведущая разыскания о возрасте). Этим трем дисциплинам противоположна *историческая эвристика*, охватывающая операции обратного порядка: по заданным темам исследования отыскивать источники с необходимой информацией.

Надвое разветвилась и «высшая» шлецеровская критика.

В начале XIX в. историки романтического направления с их интересом к «родной старине», к «историческим корням» и «народному духу», к фольклору осознали, что во многих случаях даже вполне подлинный или хорошо восстановленный текст содержит не сообщение очевидца, а запись молвы, устного предания, развивавшегося по своим особым законам, и, таким образом, не является первоисточником. Понятие *«исторический источник»* получило новое ограничение: от него отделилось понятие *«первоисточник»*. Стало ясно, что еще до того, как выявлять идейные позиции и тенденциозность информаторов, т. е. еще на первом этапе высшей критики, надо установить, откуда и примерно в каком виде эта информация ими получена.

С конца XVIII в. немецкий филолог Ф. Л. Вольф и его школа занялись, например, выявлением эпических сказаний, исторических легенд и даже мифов, из которых, по мнению этих исследователей, сложились представления Гомера о Троянской войне. В начале XIX в. немецкий историк Б. Г. Нибур выдвинул положение, что у истоков всякой исторической традиции лежит «баснословный период», что все повествовательные источники о заре письменной истории содержат много фольклорных мотивов и что, следовательно, надежность этих источников сомнительна. В России второй четверти XIX в. эти идеи исповедовали М. Т. Каченовский и его «скептическая школа». В критическом задоре и в ужесточении критериев достоверности многие из критиков — от Вольфа до Каченовского — зашли так далеко, что стали полностью отвергать реалистичность даже таких источников, надежность которых была впоследствии доказана: «мифическую», по Вольфу, Трою откопал Г. Шлиман. Но разрушительными были только перегибы, критика была созидательной — очищала строительный материал от брака.

Однако и в тех случаях, когда древний автор опирался не на фольклорное предание, а на письменную традицию, на литературу, его текст даже в первоначальном и неповрежденном виде — не перво-

источник. Между тем, если автор не переписывал, а вольно перелагал или просто знал и учитывал тексты своих предшественников, то текстология своими методами не в силах проследить истоки его сведений и представлений. Нужно сопоставить его труд с трудами других древних авторов, его предшественников, — выявить источники источников, реконструировать древние русла передачи идей и фактов, древние литературные традиции. Именно таким способом тот же Нибур расчленил информацию, переданную римским историком Титом Ливием, приступив к созданию как бы «палеоисториографии». Это и стало задачей первого этапа высшей критики источников — *коммуникационного*.

Изоощренную методику этой отрасли критики источников разработали и применили, построив сложную и детальную систему «палеоисториографии» античности и средневековья, Л. Ранке и его преемники — корифеи «немецкой исторической школы» второй половины XIX в. Я. Буркхардт, К. Лампрехт, Т. Моммзен и др.

Именно Ранке сформулировал и принцип второго, последнего этапа высшей критики источников, на котором определяются объективность показаний, полнота и точность сведений — «правильность» фактов. Только на этом последнем этапе критик оценивает само содержание информации с точки зрения ее соответствия прошлой действительности, так что этот этап и стоило бы называть *содержательной критикой* источников.

Эмоциональные оценки, проникновение в сущность процессов, гипотезы о причинах и следствиях претили всему складу мышления Ранке, так как идейной основой этого мышления был плоский эмпиризм. Конечную цель историка Ранке сформулировал просто: установить, «как оно на самом деле происходило». Сами факты должны сложиться в целостную и разумную картину. Надо лишь отойти от мелочного следования зигзагам политической истории, заинтересоваться медленным ходом изменений в экономике и быте, проследить смену юридических норм, учил Ранке. Его последователи Буркхардт и Лампрехт, двигаясь в этом направлении, пришли к задуманной еще Вольтером *истории культуры*.

Ранке считал необходимым для современного историка отрешиться от партийных точек зрения, встать над классовыми позициями. Претендуя на это, считая это вполне достижимым (и не замечая собственной буржуазной и националистической ограниченности и тенденциозности), Ранке, естественно, стремился «очистить» от такой тенденциозности и сохранившиеся сообщения источников. Поэтому он и его преемники стремились выяснить не только осведомленность и истоки информации древних авторов, но и взгляды этих авторов, их интересы и мировоззрение, их пристрастия, цели и мораль. Такая установка требует увязывать «палеоисториографию» со всем историческим процессом изучаемого периода. Впрочем, Ранке и его школа не шли далеко в этом направлении, так как не умели видеть зависимость взглядов историка от его среды, от общего уровня эпохи и от социально-экономических интересов тех или иных слоев общества. Искажения информации казались им хаотическими. Теряясь перед их пестротой, Ранке вообще старался уменьшить зависимость историка от *нарративных* (повествовательных) источников — летописей, «историй», мемуаров и т. п., предпочитая им *документальные* источники — акты, грамоты, договоры и т. п.

Первые, по его мнению, ненадежны, потому что предназначены специально для передачи исторической информации. Поэтому в них события намеренно подаются в желательном и выгодном для кого-то освещении. Вторые же возникают для удовлетворения потребностей

текущей жизненной практики и не сопряжены с такой односторонней подгонкой отражения действительности к заданным образам. Правда, накопления документов в целом беднее и обрывочнее, чем повествовательные источники, и в собираемые из них сведения приходится вносить связь, извлеченную из нарративных источников. Все же Ранке повернул интерес историков от библиотек к архивам, от намеренных исторических сообщений к ненамеренным.¹¹

4. Остатки и предание

— Я еще не распечатал его, — сказал Белый Кролик, — но, кажется, это письмо, которое обвиняемый написал... кому-то.

— Оно так и должно быть, — сказал Король, — если только оно не было написано никому, а это, ясное дело, не часто встречается.

Позже идея такого деления, первоначально ограниченная письменными источниками, была распространена на всю совокупность исторических источников. Это осуществили историки последней трети XIX в.: немцы И. Г. Дройзен и Э. Бернгейм, французы Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос и др. На их методологических установках сказалась больше всего позитивистская философия, которая, развивая принципы эмпиризма, признавала только наглядные факты, отвергала поиски скрытых связей и закономерностей и учила презирать гипотезы.

Конечно, этих историков отталкивала неизбежная гипотетичность «высшей» критики источников. Отсюда стремление ограничить ее, отыскать побольше источников, не подлежащих ее обработке. К этому времени, не без воздействия марксизма, история смены социально-экономических отношений, история общества и культуры сильно потеснили чисто событийную историю. Это усилило тягу к расширению круга источников, стимулировало спрос на источники более «наблюдательные» и более объективные.

Немецкие позитивисты И. Г. Дройзен и Э. Бернгейм задались целью так разграничить исторические источники, чтобы на первый план выступила степень объективности, с которой в этих источниках отражена реальность прошлого.

Для этого пригодился намеченный вчерне еще у Ранке критерий деления, только уже применительно не к одним лишь письменным источникам. Все исторические источники оказалось сподручным распределить по двум большим категориям: «остатки» и «предание» (или «традиция»). Имелось в виду, что эта разбивка источников на группы по характеру отражения действительности есть одновременно разбивка по познавательной ценности. Это деление приняли и видные русские историки (В. О. Ключевский, Н. И. Кареев, А. С. Лаппо-Данилевский).

К преданию относятся любые сообщения об исторических фактах, специально предназначенные для сохранения и передачи знания об этих фактах — хроники, мемуары, повести. Они описывают факты, говорят о них, но самих этих фактов непосредственно в их материальности не фиксируют и в современность не переносят. Геродот рассказывает о скальпах, которые скифы снимают с врагов, но ни один скальп не подшит к поздним спискам геродотовых «историй»; не был он при-

¹¹ Бузескул В. П. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель. — Изв. АН СССР, 1926, т. XX, № 12, с. 1121—1138.

ложен, конечно, и к самой рукописи Геродота. Материальность источников здесь не совпадает с материальностью описываемых фактов. Здесь в источниках перед нами предстают не сами факты и не их части, а только их отражение в сознании неких информаторов и соответственно материализация этого отражения в знаковой системе естественного языка — устного или письменного.¹² Конечно, сознание отражает факты действительности избирательно, односторонне и передает с субъективными изменениями. Наличие авторства и специального адресата создает специфическую «намеренность» отражения, тенденциозность. Для ее распознавания и «очистки» от нее информации и требуется «высшая» критика источников.

К остаткам принадлежат сохранившиеся части самих исторических явлений — останки людей, материальные следы событий, употреблявшиеся в событиях вещи, составленные тогда для текущих нужд документы; сюда же относятся язык, песни, пережиточно бытующие старые нормы, обычаи, идеи. Все это не создавалось специально для передачи нам информации о прошлом, не подчиняет передачу фактов задачам намеренного воздействия на нас, содержит лишь «ненамеренное» сообщение и, следовательно, не подлежит высшей критике.

Внедрение этой дихотомии привело теоретиков источниковедения к тому, что и в методической процедуре они стали различать только два этапа критики источников. Первый — общий для всех источников. Это — «малая», или, как ее теперь стали называть, «внешняя», критика источников («внешняя»), ибо она не углубляется в содержание информации, проверяя только форму ее передачи). Второй этап — необходимый лишь для обработки предания. Это «высшая», или, по-новому, «внутренняя», критика источников.

Среднее звено шлецеровской критики — толкование «грамматическое» и историческое — как-то ускользнуло из методической процедуры исторического источниковедения. Кроме дихотомии сказалось еще кое-что.

Во-первых, с самого начала «толкование» как-то выпадало из всей последовательности операций, отличаясь от других меньшей негативностью результатов — меньшей «критичностью». Шлецер даже не решился использовать в названии этого звена термин «критика»: между «малой критикой» («критикой слов») и «высшей критикой» («критикой дел») у него вместо какой-нибудь «средней критики» (или критики чего-то промежуточного между «словом» и «делом») оказывается «толкование».¹³

Во-вторых, практика исследований все больше подтачивала срединную позицию обоих этапов толкования в методической процедуре: становилось все яснее, что «грамматическое» толкование логически не продолжает проверку подлинности и сохранности, а сопутствует, помогает и даже нередко по необходимости предшествует ей; «историческое» же толкование не обязательно должно предшествовать оценке достоверности информации — нередко оно сопряжено с ней или вытекает из нее.¹⁴ Таким образом, оба этапа «толкования» разведены по противоположным концам процедуры, и «толкование» стало параллельным критике (табл. VII, верхн. часть).

¹² Термины «предание» и «традиция» обычно применяют без различия, но иногда термин «предание» связывают с устной передачей информации, а «традиция» — с письменной.

¹³ Французы Ланглуа и Сеньобос назвали этот раздел «объяснительной критикой», или «критикой толкования», «положительной критикой».

¹⁴ Свою «положительную критику толкования» Ланглуа и Сеньобос включают во «внутреннюю критику» в качестве ее первого шага — перед «отрицательной критикой достоверности».

В-третьих, историки почти выпустили «толкование» из своих рук: «грамматическое» толкование отошло к филологии, а «историческое» толкование — к техническим вспомогательным дисциплинам. Трудности исторического толкования долгое время казались сугубо техническими: факты истории представлялись твердыми и однозначными, каждому факту могло соответствовать одно и только одно место в истории, одно и только одно значение и название. Такова была устоявшаяся, респектабельная, образцовая методология буржуазной исторической науки к концу XIX в., ставшая основой для дальнейшего развития в XX в.¹⁵

5. Обособление понятия «археологические источники»

— Ах, Лилия, — сказала Алиса, глядя на Тигровую Лилию, которая легонько покачивалась на ветру. — Как жалко, что вы не умеете говорить!

— А кто тебе сказал, что мы не умеем говорить? — ответила Лилия.
— Было бы только с кем!

Сначала рассматривать вещественные памятники (преимущественно культурные, не природные) как исторические источники стали теоретики исторической науки, занимавшиеся классификацией исторических источников и сравнительной оценкой их познавательных возможностей. Подобные представления, однако, очень туго проникали в среду археологов. Ведь для этого требовалась реальная деловая увязка обеих дисциплин. Между тем, хотя издавна не было недостатка в декларациях близости, связи, родства, общности и даже единства археологии с историей (обе направлены на прошлое человечества, обе связывают народ с его предками, обе выявляют исторические корни современных явлений и т. д.), дальше деклараций дело не шло. И во второй половине XIX и в XX в. для большинства направлений и школ истории оставалась прежде всего событийно-повествовательной дисциплиной, индивидуализирующей и сосредоточенной на деяниях героев.¹⁶ Археология же как раз этих способностей не могла проявить. В материалах первобытной археологии отсутствует разделение по конкретным событиям и не получается индивидуализации, которая бы выявляла роли личностей. А исследования по античной (классической) археологии дополняют в этих аспектах информацию письменных источников лишь изучением предметов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи). Поэтому история простиралась вглубь времен лишь до начала письменности, первобытная археология ассоциировалась с «преисторией» («доисторией»), понимаемой как «не-история» и сближаемой по методике с «естественной историей», т. е. биологией, а «классическая археология» отождествлялась с историей монументального и изобразительного искусства древних греков и римлян. Все это остается во многих научных кругах Запада актуальным и респектабельным до сих пор.

¹⁵ Классические труды мэтров этого поколения изданы и в русских переводах: Ланглюа Ш., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1899; Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908. — Критику их взглядов см.: Гуревич А. Я. 1) Что такое исторический факт? — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 61—67; 2) М. Блок и «Апология истории». Послесловие к кн.: Блок М. Апология истории. М., 1973, с. 177—180, 188—190; Иванов Г. М. Кризис позитивистской концепции исторического источника и Б. Кроче. — «Вопросы истории», 1974, № 1, с. 91—106.

¹⁶ Это традиционное понимание отразилось и в терминах — ср. нем. «Geschichte» («история») от Geschehen («событие») или польское «dzieje» («история» и «деяния»).

Передача методических идей от истории к археологии предполагает концепцию методологического родства обеих наук. Такие представления как раз и сложились при переориентации истории с индивидуализирующего изложения событий, деяний героев на генерализирующее прослеживание перестройки отношений, выявление законов процесса. Для ряда историков последней трети XIX в. ведущим направлением исследования стала *история культуры*. Все более заметным в исторической литературе становится влияние *марксистской концепции*, по которой исторический процесс раскрывается прежде всего как закономерная смена социально-экономических формаций, а на первый план в истории выступают прогресс производительных сил общества, перестройка экономических отношений, классовая борьба и политические революции — «локомотивы истории». Поступки же исторических личностей, династические браки и дворцовые перевороты, освещаемые почти исключительно письменными источниками, перестали быть единственной или определяющей тематикой исторических исследований. Главное внимание ряда ученых, не только марксистов, сместилось на народные движения, на массовые процессы в хозяйстве, в социальных и этнических отношениях, в идеологии народных масс. Подобно истории культуры, *общая история* в этой трактовке не ограничена письменными источниками информации и не замыкается в пределах нескольких последних тысячелетий. Вот у этих-то историков резко сократился методологический разрыв между историей и преисторией. Последнюю стали понимать просто как дописьменную историю. Естественно, что первыми заговорили об археологических памятниках как исторических источниках те археологи, которые оказались в контакте с этими направлениями истории.

В конце XIX в. один из виднейших археологов Европы датчанин Софус Мюллер объявил конечной целью археологии «всю преисторию края в ее внутренней связи и хронологическом ходе, как она представлена в современных источниках — сохранившихся древних остатках всякого рода. Что допустимо описать по этим источникам, это прежде всего история культуры... Это история особого рода, покоящаяся на особенной природе источников (разрядка моя. — Л. К.)».¹⁷ И археологи все больше направляли свои усилия на построение истории культуры. Один за другим выходили хронологические обзоры ранней истории различных сторон культуры по археологическим данным — хозяйства, техники, искусства. Логика хода истории, развитие социально-экономических отношений, связь материальной культуры с идеологией — все это оставалось вне археологического мышления.

Советские археологи 20—30-х годов, приступая к перестройке археологической науки, к переводу ее на марксистские рельсы предприняли критический пересмотр устоев старой археологии, осудив ее ограниченность и отвергнув постановку задач и методы.¹⁸ Именно тогда, в связи с внедрением историзма во все социально-исторические науки понадобилось полнее, основательнее и результативнее увязать археологию с историей. Поэтому задача превратить археологические памятники в исторические источники была поставлена как особая методологическая проблема.¹⁹ Лишь позже два выражения — «исторические источники» и «археологические памятники» — были совмещены и, слив-

¹⁷ Müller S. Nordische Altertumskunde. Bd. 1. Straßburg, 1897, S. 293.

¹⁸ Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры. — Изв. ГАИМК, 1930, т. 7, вып. 3—4.

¹⁹ Там же, с. 11, 38, 55, 59—61; Кипарисов Д. В. Вещь — исторический источник. — Изв. ГАИМК, 1933, вып. 100, с. 3—22.

шись, породили одно — «археологические источники». Но база для этого терминологического неологизма была заложена еще тогда.

Почему советские археологи не сразу решились ввести для нового понятия новый термин и долго обходились громоздкими словосочетаниями: «археологические памятники в качестве исторических источников», «материальные древности как вещественные исторические источники» и т. п.? Дело в том, что тогда у нас методологическое обособление археологии еще считалось предосудительным, приравнивалось к отрыву от истории. Преобладало упрощенное понимание историзма археологии: она должна пользоваться методами и понятиями истории, которые разрабатываются историческим материализмом; других не требуется. На философское и социологическое учение — исторический материализм — возлагались непосредственно и функции специально-научной методологии ряда наук (хотя философия не может и не должна ее подменять). При этом упускалась из виду специфика разных общественных наук, нужда каждой из них не только в общефилософской методологической основе, но еще и в собственной теории, методологии и методике. Своей громоздкой терминологией археологи подчеркивали, что вещественные и письменные источники — равно исторические, что у древних вещественных источников нет каких-либо принципиальных отличий, которые бы им давали право на особое название, созвучное с названием науки (в параллель с историческими источниками). Археологи опасались (и не без оснований!), что термин «археологические источники» составит как бы оппозицию и конкуренцию термину «исторические источники» в археологии, потянет за собой представления о неких особых качествах археологических источников...

Первое полноправное, громоздкое и влиятельное употребление этого термина в советской науке засвидетельствовано в 1957 г. публикацией доклада акад. Б. А. Рыбакова, директора Института археологии АН СССР (тогда еще — Института истории материальной культуры), с проектом корпуса археологических источников нашей страны.²⁰ Практика, исходя из своих потребностей, подталкивала теорию к уточнению, переоформлению и новому осмыслению фундаментального понятия.

Лишь в послевоенное время понятие «археологические источники» стало систематически применяться в археологии Запада, да и то лишь в некоторых школах и только в теоретических трактатах, но не в рабочем обиходе массы исследователей.

По-видимому, внедрением в обиход на послевоенном Западе это понятие в значительной мере обязано тому, что им стал пользоваться профессор Гордон Чайлд — очень влиятельный в академических кругах британский археолог марксистской ориентации, историк культуры с широким кругозором, штудировавший и старую европейскую и советскую литературу. В 1955 г. Чайлд в лекции студентам Лондонского университета говорил: «Плохо привинченная гайка, выпавшая из моего автомобиля сегодня утром на холме Хаверсток, банка от сардин, которую я аккуратно закопал после завтрака на лужайке в общественном парке Эшер, и воронка, оставленная немецкой бомбой, угодившей мимо цели, — это археологические источники точно так же, как лавровый листный наконечник, сломанный и выброшенный солжурейским охотником на северных оленей, флорданская стена вокруг Эдинбурга и Рамесей в Карнаке... Если дождь водородных бомб уничтожит письменные источники Европы и Северной Америки, то какой-нибудь фид-

²⁰ Рыбаков Б. А. О корпусе археологических источников (тезисы доклада на пленуме ИИМК АН СССР в марте 1957 г.). М., 1957. 8 с.

жийский археолог в 5555 г. будет ограничен такого сорта хламом, восстанавливая историю того, что мы нынче называем Англией». ²¹

Следом за Чайлдом и вместе с Чайлдом также и другие западные археологи обратились к понятию «археологические источники». В основном этим понятием заинтересовались три группы археологов Запада.

Во-первых, несколько видных английских теоретиков «скептического направления» (Г. Даниел, С. Хокс, С. Пиготт), которым сравнительная оценка познавательных возможностей письменных и археологических источников пригодилась, чтобы из ущербности археологических данных вывести непознаваемость важнейших сторон далекого прошлого. ²²

Во-вторых, влиятельная школа археологов-преисториков ФРГ (Г. Ю. Эггерс, Э. Вале, Р. Гахман), которая возникла в результате кризиса и ломки расистской археологии прежней Германии, в ходе частичного преодоления старых методологических устоев. Расистская археология пыталась в свое время обосновывать геополитику нацизма реконструкциями этногенетических связей с помощью лингвистики и антропологии. Поэтому особенно радикального пересмотра потребовали принципы кооперации этих наук, методы синтеза разнородных источников — археологических, лингвистических, антропологических, письменных. Встал вопрос о том, какой обработке необходимо подвергнуть каждый из этих видов источников перед их сопоставлением, в частности, как готовить к этому археологические источники. Проще ли критика археологических источников, чем письменных? Естественно, что понятие «археологические источники» вошло в методические разработки и в учебники этого направления. ²³

В-третьих, теоретики «новой археологии» — современного направления, увлекшего молодых археологов США и (в меньшем количестве) Англии. Они обратились к той же проблеме, что и «скептики», но с противоположным убеждением: археологические источники ничем не слабее письменных и вполне достаточны для реконструкции важнейших особенностей прошлого. Несмотря на истерность от времени, они содержат всю необходимую информацию: из каких-то фактов прошлого они просто сами состоят, а остальные факты в них так или иначе отражены. ²⁴ Нужно лишь уметь извлечь эту информацию, а для этого необходимо изучить природу археологических объектов как источников информации. Понятие ²⁵ оказалось нужным.

6. Осознание сложностей

Очень долго изучение информационной природы археологических источников шло по руслу их сопоставления с письменными источниками. Археология оказывалась в выигрыше: ее источники воспринимались как более объективные, более надежные, чем основные виды

²¹ Child V. G. Piecing together the past. London, 1956, p. 3.

²² Daniel G. E. A hundred years of archaeology. London, 1950, p. 9, 321; Hakes C. F. C. Archaeological theory and method: some suggestions from the Old World.—«American Anthropologist», 1954, vol. 56, p. 155—168; Piggett S. Approach to archaeology. London, 1959, p. 1—14.

²³ Eggers H. J. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte.—In: Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft (Wahle-Festschrift). Heidelberg, 1950, S. 49—59; Wahle E. Ur- und Frühgeschichte im mitteleuropäischen Raum.—In: Handbuch der deutschen Geschichte, 9. Aufl. Bd. 1. Stuttgart, 1970, S. 6—14; Müller-Karpe H. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1975, S. 42.

²⁴ Binford L. R. Archaeological perspectives.—In: Binford S. R. and Binford L. R. (eds.). New perspectives in archaeology. Chicago, 1968, p. 18—25.

²⁵ В данной среде прижился в этом значении термин «archaeological record».

письменных источников. Прежде всего это помогало утвердиться авторитету археологии. Кроме того, упрощало методическую процедуру археологического исследования — не возникала необходимость в содержательной, внутренней критике источников: она же неприменима к остаткам! Задачи толкования тоже облегчались такой трактовкой: ведь остатки связаны с фактами прошлого как часть с целым. Это очень тесные связи, и отыскивать их гораздо легче, чем увязывать отражения (предание) с отражаемыми объектами (сюжетами повествования).

Представления о благодатной специфике археологических источников наслаивались на общую убежденность в том, что исторические факты однозначны, процессы истории регулярны, а связи между фактами стереотипны. Усугубляя схематизм в трактовке остатков, эти представления составляли основу для накопления устойчивых шаблонных археологических толкований, годных на любые круги материала и любые разрезы исследования: скажем, кремневые листовидные пластинки всегда опознаются как наконечники дротиков, а их боковые выемки — как средство для крепления на древко; в круглых легких дисках с центровым отверстием всегда узнаются «пряслица» (насадки на веретена) и, стало быть, свидетельства прядения и т. д. Как было удобно! (Теперь-то мы знаем, что соответствия не всегда оправдываются: многие «наконечники» оказались по следам использования ножами.)

Все эти простые рецепты утратили авторитет к рубежу XX в. Кризис, охвативший буржуазную историческую науку, затронул и историкоповедение. В этих кругах пала вера в закономерность хода истории, в ее регулярность и предсказуемость. Философы-неокантианцы Г. Риккерт и В. Виндельбанд внушали историкам идеи абсолютной индивидуальности, неповторимости явлений социального бытия и культуры. Следуя этим принципам, историки «критического направления» — англичанин Ф. Мэтланд, немцы Э. Мейер, В. Зомбарт, австриец А. Допш, русские А. С. Лаппо-Данилевский, Р. Ю. Виппер и др. — открыли многозначность, текучесть фактов истории и, подавленные своим открытием, усомнились в правомерности любых крупных обобщений, любых дефиниций.²⁶

Противопоставление остатков (как объективных и надежных источников) преданию (как источникам тенденциозным и ненадежным) потеряло смысл: согласно новому пониманию и остатки сами по себе не складываются в полную и адекватную картину прошлой действительности; и они тоже отражают жизнь односторонне, избирательно, зачастую неупорядоченно; и они нуждаются в осмыслении с помощью интуиции, а это по необходимости — субъективная процедура.

С другой стороны, материалистические философы и историки, отстаивая познаваемость исторического прошлого по источникам, отметили, что и в предании почти всегда можно выявить непреднамеренную часть информации, а в «намеренной» части отнюдь не все безнадёжно искажено. Характерны сами умолчания таких источников. «Тор-

²⁶ Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903; Виндельбанд Д. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904; Мейер Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Изд. 2-е. М., 1911; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. 1—II. СПб., 1910—1913; Виппер Р. 1) Очерки теории исторического знания. М., 1911; 2) Кризис исторической науки. Казань, 1921. — Труд А. С. Лаппо-Данилевского считается вершиной буржуазной методологии истории как для дореволюционной российской, так и для зарубежной науки того времени. Общую критику взглядов ученых этого направления см.: Айзенберг А. Марксистская критика Риккерта или риккертанская интерпретация марксизма. — «Проблемы марксизма», 1930, № 5—6, с. 48—64; 1931, № 1, с. 41—63; Гулыга А. В. История как наука. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 15—27.

жество исторической критики, — по знаменитому афоризму В. О. Ключевского, — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали».²⁷ Ключевский, ученый конца XIX — начала XX в., был замечательным мастером такого «подслушивания». Предание становилось у него откровенным, как остатки, а остатки — красноречивыми, как предание.

Разбивка источников на остатки и предание подверглась серьезной критике, особенно — приписываемые этим группам ценностные характеристики.

Отмечалось, что рубеж между обеими группами на деле оказывается сбивчивым: например, договоры и коммерческая переписка участвовали в событиях прежней жизни, это части тогдашней реальности, но в то же время они имеют авторов и передают сообщение письменным языком. А любые летописи, выполняющие роль предания по отношению к описываемым в них временам, в то же время служат остатками того времени, когда они написаны. Еще труднее определить положение мемуаров.

Вообще последовательное применение избранного критерия требует, по-видимому, выделить кроме остатков и предания еще одну крупную группу источников — *идейно-творческих*, т. е. нацеленных на отражение и осмысление действительности, но не претендующих на ее копирование (художественная литература и изобразительные искусства, философия и другие науки, религия). Их относят то к остаткам, то к преданию, но они отличаются от остатков тем, что специально нацелены на отражение, а от предания — тем, что не претендуют на изоморфную («один в один») передачу информации о жизни. Это, конечно, особая форма или даже особые формы отражения.

Однако не это главные возражения: ведь сообщения коммерческой переписки не предназначались для историков, и ее можно отнести к остаткам; в летописях нетрудно расчленить их функции, а если в мемуарах мы усмотрим переплетение признаков обеих групп, то это не разрушит основу группировки. Объекты переходные и двойственной природы слишком часты в жизни, чтобы пытаться устранять или обходить их классификацией.

Другое важно. Если у остатка нет адресата в грядущих поколениях или даже если ему вообще не предназначалось служить сообщением, то это еще не равнозначно отсутствию преднамеренности и субъективности вложенной в него информации, это еще не гарантирует полного и точного отражения былой действительности.

Все произведения культуры имели своих создателей, обладавших какими-то пристрастиями; любые комплексы вещей — это тоже результат отбора, а если многие из этих вещей и комплексов предназначались не для воздействия на грядущее поколение (хотя некоторые не исключали и эту цель), а на тогдашнее окружение, то от этого они не становятся менее тенденциозными. И, с другой стороны, как бы ни был тенденциозен летописец, он невольно, незаметно для себя проговаривается, выдает правду, которую хотел скрыть, и в его сочинение всегда проскальзывает та информация, которая не была ни преднамеренной, ни самому ему понятной.

Поэтому некоторые советские источниковеды отказались делить источники на остатки и предание, а критику источников на внешнюю и внутреннюю.²⁸ Но другие советские ученые признают это деление тео-

²⁷ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 349.

²⁸ Авдеев Н. О научной обработке источников по истории РКП(б) и Октябрь-

ретически оправданным и практически ценным, хотя и отводят ему ограниченное место в методике.

Эта неопределенность деления сказалась на судьбе понятия «археологические источники». В условиях возрастающей роли археологии на него вскоре стали переносить почти все свойства понятия «исторические источники». Вещественные и письменные источники были уравнены в возможностях и объявлены равноправными: в тех и других отражена прошлая действительность, те и другие содержат историческую информацию, те и другие надо расшифровывать. Но применительно к глубокому прошлому преимущество на стороне вещественных источников (там они и выступают как археологические), а близкое прошлое полнее освещают письменные (они-то и оказываются собственно-историческими). Для кембриджского профессора Г. Даниела «преистория и первобытная археология означают почти одно и то же».²⁹ Археология принимает на себя функции истории применительно к древним временам, а археологические источники понимаются просто как палеоисторические (преисторические и раннеисторические). Однако такое обособление этого понятия не остается ни прочным, ни общепринятым.

В конце XIX и начале XX в. с наступлением эпохи империализма и пролетарских революций буржуазные историки в массе отшатнулись от прогрессивных идей и от выявления закономерностей развития, углубились в описательные штудии. Несоответствие этого состояния истории потребностям социальной практики вызвало в археологии тенденции к перестройке и переориентировке.

В молодой советской науке 20—30-х годов это выразилось в требованиях перестроить изучение археологических источников — поставить их на службу социологическому выявлению закономерностей в рамках истории, особенно закономерностей в определяющей сфере социального бытия — в сфере материального производства. Путь к реализации этой установки казался тогда очень простым: расположить археологический материал в хронологическом порядке, обобщить, подвести под объяснительные социологические схемы. Археология превращалась в *историю материальной культуры*. Позже пришло осознание бесплодности такой установки: и сама задача не исчерпывает возможностей, предоставляемых археологическими источниками, и намеченная методическая процедура оказывается чересчур упрощенной.

В современной науке США разочарование археологов нашло иное выражение: археология порвала связи с историей и вошла в состав *антропологии*. Антропология в американском понимании — это комплекс наук о человеке, выявляющих закономерности поведения и развития. Сюда входят «социальная антропология» англичан, «культурная антропология» американцев (близкая к этнографии в нашем смысле), «физическая антропология», лингвистика и преисторическая археология (античную, или «классическую», археологию сюда не принято включать). Такая группировка наук продолжает давнюю традицию в английской и американской науке, связанную с биологизацией и «дегуманитаризацией» изучения социальных и культурных явлений. Особенно радикально проводит эти установки новейшее течение в английской и главным образом в американской науке «новая археология».

ской революции. — «Пролетарская революция», 1925, № 1, с. 150—159; Бьюковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 65—69. — Акад. М. Н. Тихомиров, еще в 1940 г. придерживавшийся деления на «остатки» и «предание», отказался от него в 1958 г. (см. об этом: Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 128).

²⁹ Daniel G. E. The origins and growth of archaeology. Baltimore (Maryland), 1967, p. 24.

«Новая археология» считается в США частью антропологии.

Исключая из этой системы наук историю, американский подход стимулирует непосредственные сопоставления первобытности и современной цивилизации, что приводит к модернизации первой и упрощению второй. При таком подходе археологические источники перестают считаться историческими источниками; из-за полного отрыва археологии от истории они и не могут таковыми стать. В обиходном американском понимании разделение источников на «исторические» и «археологические» в известной мере совмещается с разделением на «письменные» и «вещественные». История лишается помощи археологии в изучении первобытности или вовсе отрывается от изучения этой эпохи, а археология «распредмечивается» (лишается собственного логически целостного предмета).

Последнее выражается в том, что археология теряет определенность задач, утрачивает ощущение сравнительной актуальности запросов на свою информацию, разучается реалистически оценивать ее приложимость и значимость — «релевантность», как любят выражаться американские ученые. Археологов призывают с равным тщанием изучать поведение животных, керамику индейцев или боевые топоры и недавно функционировавшие мануфактуры.

7. Есть ли в археологических источниках историческая информация?

— Выпей вина, — сказал Мартовский Заяц любезно.

Алиса посмотрела на стол, но не увидела ни бутылок, ни рюмок.

— Я что-то его не вижу, — сказала она.

— Еще бы! Его здесь и нет! — отвечал Мартовский Заяц.

— Зачем же вы мне его предлагаете? — рассердилась Алиса.

Однако и в советской науке исчезла прежняя простота в понимании связей археологии с историей, археологических источников с историческими. По этому вопросу обнаружили резкие расхождения, обозначились крайние позиции.

Г. П. Григорьев четко утверждает новую для советской археологии точку зрения: «... ископаемые объекты суть археологические источники, а не исторические источники. В них исторической информации не содержится. Прямо никакой археологический источник не способен дать ответы на вопросы историка. Другое дело, что историк, взяв из рук археолога исторические выводы, может их использовать как исторический источник, но это ни в коей мере не означает, что наши источники — исторические».³⁰ К его позиции близки высказывания некоторых других советских археологов (В. С. Бочкарева, Г. С. Лебедева, В. Ф. Генинга), хотя они и не выводят столь радикально археологические источники из круга исторических, не отвергают связь их с исторической информацией. В самом деле, у Григорьева остается неясным, откуда же берется историческая информация археологом, если ее в археологических источниках не было? И что за информация — та, которая в них все-таки была?

³⁰ Григорьев Г. П. О предмете археологии. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973, с. 41.

Противоположную позицию, традиционную в нашей науке, отстаивает М. В. Аникович. «В последние годы, — констатирует он, — в советской археологической литературе распространяются взгляды, противопоставляющие вещественные источники («археологические») письменным («историческим»)». По мнению Аниковича, «использовать археологические выводы как исторический источник можно, лишь восстановив разорванную связь: материальная культура — общественное развитие. На практике это означает... возврат к исходному материалу («археологическим источникам») и попытка извлечь из него историческую информацию».³¹ Ту же позицию отстаивали многие участники конференции «Историзм археологии».³² Между тем в их аргументации есть свои слабости. Чтобы «извлечь» из археологических источников историческую информацию, нужно, чтобы она в них предварительно содержалась, а именно этого никто не доказывал.

Во всяком случае, ясно, что при современной постановке проблемы уже нельзя аттестовать археологические источники просто как одну из разновидностей исторических источников. Ведь не только археология, но и этнография и криминалистика изучают вещи как источники информации. Далее, историки, свободно пользуясь письменными источниками и самостоятельно проводя их источниковедческую обработку, не в силах столь же квалифицированно препарировать вещественные источники, особенно археологические, не говоря уже о том, чтобы запросто извлекать из них информацию. Историки нуждаются в предварительной обработке археологического материала специалистами-археологами. Методы источниковедческого препарирования (установления подлинности, авторства, сохранности, объективности и т. п.) письменных источников непосредственно к археологическим источникам неприменимы. Методы археологов неприменимы к результатам работы историков над письменными источниками. Уже один этот факт говорит о том, что археологические источники не могут быть поставлены в один ряд с теми, которые искони выступают как исторические, т. е. с письменными. К тому же теперь извлекаемая из археологических источников информация применяется не только в истории, но и в социологии. Стало быть, археологические источники — и не безоговорочно исторические, и не только исторические.

Соотношения понятий оказываются значительно более сложными, чем представлялось еще недавно. Археологические источники то частично совпадают в своих функциях с историческими, то совершенно отмежевываются. Но остается ли понятие «исторический источник» всегда одним и тем же? Историческая информация двойственна: и как-то связана с археологическими источниками и не может быть запросто извлечена из них. Но есть ли историческая информация нечто статичное, изначально данное или сразу сформированное? Вопрос, сформулированный в заголовке этого раздела, оборачивается другим: *а есть ли в исторических источниках историческая информация?*

Мы не вырвемся из развилки между двумя крайними позициями, пока не сумеем отойти от упрощенной недифференцированной, нерасчлененной версии понятия «исторический источник» и не уясним диалектическую природу «исторической информации», подвижность и изменчивость также и этого понятия. Только тогда яснее станет позиция «археологического источника» в системе понятий исторических наук, а также и его роль как фундаментального понятия археологии.

³¹ Аникович М. В. Первобытная археология — конкретная историческая наука (к постановке проблемы). — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 16—17.

³² Историзм археологии: методологические проблемы. Конференция. Тезисы докладов (Отделение истории АН СССР). М., 1976.

В СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ

1. Источники в познании прошлого

И она постаралась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свеча потухнет. Насколько ей помнилось, такого она не видывала.

Чтобы понять, что такое археологические источники и научиться с ними правильно обращаться, нужно прежде всего определить их место среди других источников информации, выявить специфику археологических источников и уяснить их соотношения с понятием «исторические источники».

Всякая позитивная наука имеет свою *фактуальную базу*. Составляют эту базу те *факты*, те исходные данные, те конкретные сведения об объективной реальности, которые эта наука обрабатывает своими методами и освещает своими теориями.¹ Каждая из этих наук особо выделяет, заботливо разыскивает и систематизирует те объекты и процессы, в которых необходимые ей данные содержатся. Это ее *средства* получения информации. Они различны по структуре. Как правило, та или иная наука не ограничивается одним видом средств, но все же какой-то из них обычно оказывается для нее основным.

Так, есть науки о функциональных зависимостях, поведении и т. п. (биология, социология, психология), для которых основным таким средством является *натуральное наблюдение*. Те же науки, но больше другие (физика, химия), опираются на *эксперимент* — исследователь вмешивается в изучаемый процесс и изменяет его условия, чтобы проследить, как это скажется, и тем обеспечить познание скрытых механизмов. Есть такие науки, которые (как лингвистика, география) мало нуждаются в специальной организации наблюдения. Они пользуются главным образом наличными *материалами*, всегда доступными для описания и непосредственно представляющими собой главный предмет изучения. Есть иные науки — для них доступные непосредственной обработке объекты сами по себе имеют вторичный интерес, а важны они (для данной науки) прежде всего как посредники, передающие информацию, иными словами, как *источники*, а уж из источников можно извлечь сведения о тех явлениях, которые эта наука и стремится познать. Таковы науки о процессах развития, о прошлом (исто-

¹ Науки о наиболее общих законах мира и правилах мышления (философия, логика, математика) связаны с объективной реальностью иначе, более сложным образом, но этот вопрос выходит за рамки данной темы.

рия, историческая геология, историческое литературоведение и др.).²

Слово «источник» вообще обозначает в русском языке любой резервуар, любое отверстие, из которого нечто вытекает или нечто можно почерпнуть. В прямом смысле «источник» — это родник, ключ, начало ручья. В переносном смысле это *объект, из которого можно извлечь информацию (сведения, знание) о другом объекте, при чем первый нас в некотором контексте только этим и интересует*. В этом контексте он и выступает источником. В таком именно смысле используют это слово газеты, когда ссылаются на «дипломатические источники» или на «правительственные (официальные) источники» и т. п.³

Стало быть, называя так свои средства добывания фактов, историки характеризуют специфику своей науки, своеобразие и трудность исходной методологической ситуации нормального исторического исследования: интересующие ученого факты чаще всего недоступны его непосредственному наблюдению и воздействию. В то же время этой констатацией подчеркивается и сложность, познавательная глубина тех объектов, которые доступны и подлежат непосредственному обследованию историка, — летописей, договоров и т. п. Ведь будучи сами тоже фактами прошлого — продуктами определенного времени, определенной среды и определенных действий (творчеством летописца, записью дипломатических переговоров и т. п.), — они содержат информацию и о неких иных, более удаленных фактах прошлого, зачастую особенно важных для историка: о давних переселениях народов, об исчезнувших ко времени записи обычаях и происшествиях, о войнах, дарах и т. д. Эта глубинная информация аккумулирована сознанием давних информаторов и выражена в знаковых системах, специально предназначенных для передачи информации (в основном на естественном, словесном языке человеческого общения). В других случаях эта глубинная информация сопряжена с закономерной связью явлений, когда по одним явлениям можно судить о других. Тогда она опознается лишь сознанием исследователя-историка, приравнивающим эту закономерную связь к знаковой системе. Через нее он переходит от непосредственных сведений к выводным. Такими путями эта давняя действительность становится доступной историческому познанию.

Историческое познание — один из видов общественного познания (наряду с познанием философским, естественнонаучным, художественным и др.). «...В основе теории познания диалектического материализма, — указывал В. И. Ленин, — лежит признание внешнего мира и отражения его в человеческой голове...»⁴ В системе марксистско-ленинской философии — диалектического материализма — *отражение* рассматривается как свойство всякой материи, реализуемое в различных формах и составляющее реальную основу информационных процессов в природе и обществе. «Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение».⁵ Ленинская теория отражения утверждает независимость и первичность отражаемого объекта по отно-

² Ср., напр.: Бельчиков Н. Ф. Источниковедение как научно-вспомогательная дисциплина литературоведения. — Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, 1963, т. XXII, вып. 2, с. 89—95; Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 3—13.

³ В других языках для научного понятия, которое мы обозначаем термином «источник», нередко применяются слова с тем же прямым смыслом: англ. и франц. «source», нем. «Quelle», польск. «źródło» и др. Однако кое-где в том же или близком значении применяются другие слова: «сообщение» или «запись» (англ. «record»), «документ», «свидетельство» и др.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 5.

⁵ Там же, с. 346.

шению к отражающему, но не сводит результат отражения (*образ*) к отражаемому объекту, не признает образ и объект тождественными друг другу — она учитывает активность процесса познания, возможность отлета образа от объекта, познания от действительности.

Формулируя общие принципы действительно материалистического познания, ленинская теория отражения выступает ключом к научной разработке частных видов познания. В этом плане историческое познание надлежит рассматривать как *особую разновидность отражения*.⁶ Это есть отражение сугубо опосредованное (т. е., как правило без прямого контакта исследователя с объектом отражения), растянутое во времени, так сказать, с распределением по фазам, с фиксацией и запаздыванием (табл. II). Сначала объекты отражаются в сознании наблюдателей; эти образы фиксируются там и выражаются в знаковой системе. Позже образы передаются другим людям, пополняясь по пути новыми результатами отражения, и опять фиксируются снова и снова. *Одну из таких фиксаций, запечатлевшую не только старые образы, но и условия их подбора и закрепления* (все это вместе есть *источник*), через длительное время воспринимает исследователь-историк и вновь фиксирует в сознании и в знаковой системе. Отражение получается многоступенчатым, как в перископе, но зеркала этого перископа разнесены во времени и разобщены. К моменту, когда исследователь воспринял образы в их конечной форме, исходные объекты и многие промежуточные фазы фиксации уже не существуют. Когда луч достиг окуляра, многих зеркал, передавших его, не говоря о самих объектах, уже нет. Проверка чрезвычайно затруднена.

Таково историческое познание.

Источники — важное звено в механизме отражения, характерном для исторического познания. Именно они обеспечивают посредство между познаваемой действительностью (прошлым) и субъектом познания (историком-исследователем), держат связь времен. Заключенная в них информация о прошлой действительности имеет вид *образов*.⁷ Образ содержит данные весьма общие, выразимые абстракциями, широко приложимыми формулировками (например, утверждение о разорении ремесленников в условиях капиталистической промышленной революции). Но он соединяет их с чертами индивидуальными, своеобразными, присущими только данной реальности (например, на сколько поколений растянулась перестройка, какие ремесла пострадали больше, что стало с мастерами, к каким они прибегли формам сопротивления, кому принадлежали фабрики — местным богатым или приезжим, людям той же религии или иноверцам, кто персонально возглавил враждующие группы, каковы оказались личные качества и отношения лидеров и т. д.). Индивидуальность образов связана не только с уникальностью самих объектов (вещей, событий, процессов), но и с неповторимостью многих моментов отражения — исключительностью случаев наблюдения, монопольным доступом к передаче информации и т. п.

⁶ И в а н о в Г. М. 1) Своеобразие процесса отражения действительности в исторической науке. — «Вопросы истории», 1962, № 12, с. 18—35; 2) К вопросу о своеобразии исторического познания. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1963, с. 12—17; 3) Гносеологические основы источниковедения. — «Философские науки», 1973, № 3, с. 25—33; 4) Исторический источник и историческое познание (методологические аспекты). Томск, 1973; Д а н и л о в А. И. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. — В кн.: Средние века, вып. 24. М., 1963, с. 3—23; Пушкарёв Л. Н. Исторический источник в свете ленинской теории отражения. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 64—84.

⁷ Гулыга А. В. Понятие и образ в исторической науке. — «Вопросы истории», 1965, № 9, с. 3—14.

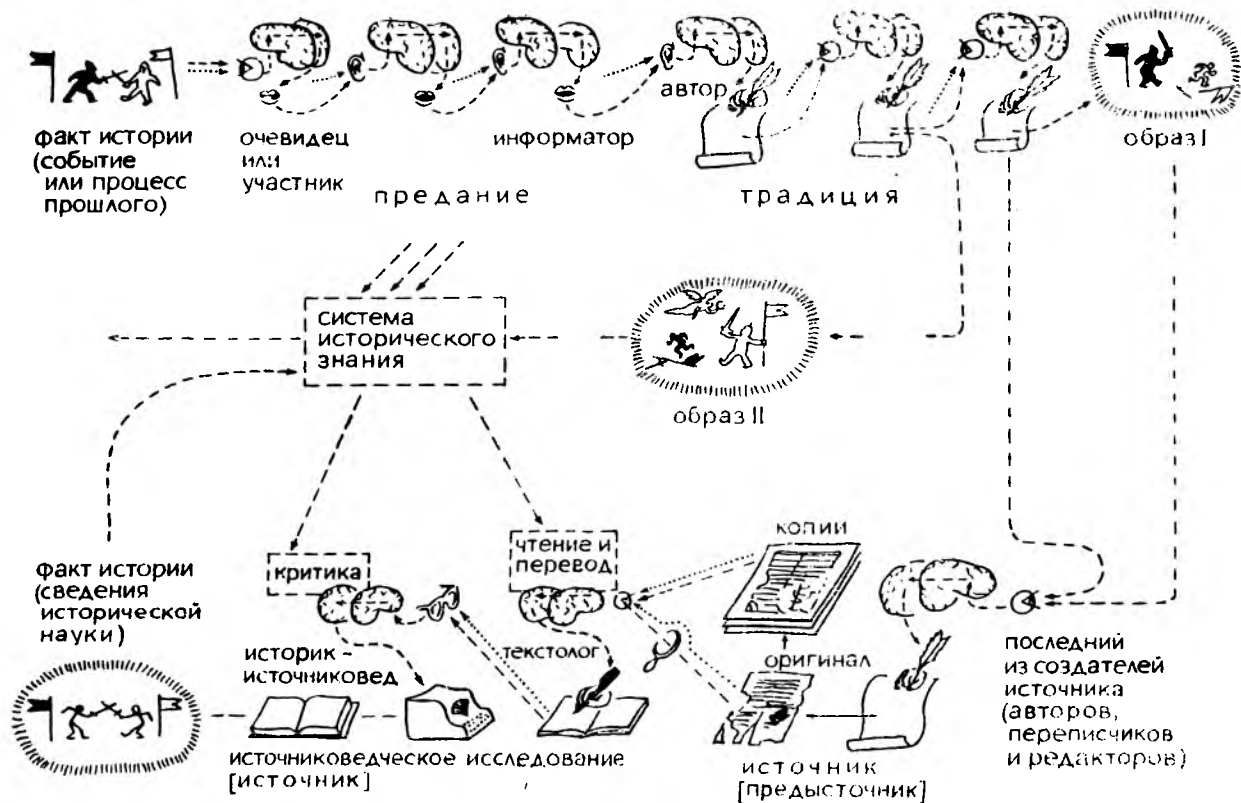

Таблица II. Схема исторического познания как особой разновидности отражения. *Очень упрощено.*

Как и при всяком отражении, в общем и целом образы не могли бы возникнуть в источниках, не будь в реальной действительности объектов (*прототипов, образцов*), готовых так отразиться, и не будь в ней систем, способных провести отражение. На ранних этапах развития буржуазной исторической науки реальность объектов представлялась самоочевидной, а достоверность образов не вызывала особых сомнений: отражающая система казалась простой, послушной и легко контролируемой.

Позже, к XX в., в буржуазной исторической науке возобладали скепсис и разочарование. Реальные прототипы стоят за всей суммой образов, но не обязательно за каждым в отдельности. Историки распознали активность и сложность *отражающей системы*, ужаснулись размерам ее вклада в формирование образов и утратили не только наивную доверчивость к образам, но и уважение к реальности их прототипов: что историк увидит в источнике, зависит от подготовленности, образованности и талантливости историка, от уровня и активности его сознания. Чем больше он знает, тем больше он увидит.⁸ А в источнике сказались наблюдательность и тенденциозность его автора: он видел то, что мог и хотел увидеть. За этим открытием вклада отражающей системы как-то поблекли и затушевались представления о необходимости реальных событий, процессов и вещей для того, чтобы тот и другой могли что-то вообще увидеть и решились это записать, не боясь потерять доверие читателей. Для историков-идеалистов (Р. Коллингвуд и др.) исторические факты стали лишь функцией исторической мысли, и вообще утратило смысл представлять реальные объекты прошлого за источниками, говорить об «отражении» и реконструкции. История стала условной, просто течением современного мышления, обыгрываемым условные факты источников, и только.

Отражающая система исторического познания действительно заслуживает внимания. В систему такого рода входят наблюдатели, информаторы (знатоки), создатели источников и сами источники, а также источниковеды и потребители исторической информации. Каждая такая система служит инструментом познания, помогает накапливать и осмысливать социальный опыт. Мы уверенно ждем сведений о крепостном праве от новооткрытых документов дворянской России, а не французской III Республики — и не ошибаемся. Ясно, что новооткрываемые источники не могли бы систематически оправдывать ожидания историков, если бы историческое отражение не было во многом верным, объективным, если бы оно не схватывало хотя бы некоторые существенные контуры сложной жизненной картины.

Но так как мыслительное отражение — не механическое, не зеркальное, а в истории вдобавок не прямое и не повторимое, и так как образы не тождественны в принципе объектам, то нельзя за каждым образом пытаться увидеть точно отчеканенный в нем объект. Образы могут быть более или менее близкими реальным прототипам, могут быть сугубо искаженными и вовсе фантастическими. Это зависит от четкости и освещенности самих отражаемых объектов, от условий отражения и от состояния отражающих систем: от богатства памятников, от полноты документации, от развитости летописания, от сторонности и широты кругозора авторов мемуарной литературы и т. п. Конечно, необходима проверка соответствия образов объектам (прототипам), а проверка эта в историческом познании, в силу его специфики, очень трудна.

Советской исторической науке на ранних ее этапах была свойственна некоторая недооценка этих сложностей, этой трудности. Когда

⁸ Collingwood R. The ideas of history. New York, 1956, p. 247.

историческое отражение мыслилось зеркальным или почти зеркальным, добыть объективную истину представлялось делом сравнительно простым, а успех — гарантированным для историка-марксиста. Гарантию должны были дать знание социально-исторических закономерностей, богатство и подлинность привлеченных источников и умение исследователя определять социальное происхождение и классово-партийную позицию авторов источника, а, следовательно, их способности и тенденциозность. Этого знания и умения считалось достаточно, чтобы откорректировать искажения истины в источнике и восстановить пробелы.

То было упрощение, естественное в пылу борьбы молодой советской науки с буржуазными агностиками и гиперскептиками. Борьба оказалась упорной и длительной, и поэтому пережитки упрощенного понимания удерживались долго; иной раз они проскальзывают и в современных трудах. Так, в солидной и полезной монографии А. П. Пронштейна сказано без обиняков: «Советские историки... считают, что нет никаких объективных препятствий для познания исторической действительности по фактам и явлениям, сохранившимся в источниках. Не имеется для этого препятствий и субъективного характера».⁹ Это либо неверное представление, либо неточное выражение мысли о том, что в общем и целом препятствия частью преодолимы, а частью локальны.

А препятствия, препоны, подвохи, конечно, есть — и объективные и субъективные. К *объективным* принадлежат: неполнота и разрозненность источников; многоступенчатость предания и традиции; неконтролируемость некоторых звеньев, некоторых фильтров в передаче информации — неизвестность некоторых факторов, приводящих к искажениям, и др. К *субъективным* препятствиям принадлежат: личные пристрастия историков (как древних, так и современных), а также неизбежная ограниченность способностей каждого из них; индивидуальные особенности в поведении людей (и историков и их героев) — отклонения от стереотипа. Усредняемые и нивелируемые в массе, они неустраняемы при восстановлении отдельных конкретных фактов, а ведь этим историку приходится заниматься на каждом шагу. Не столько субъективное, сколько объективное препятствие можно усмотреть в ограниченности исследователя и даже всей науки уровнем знаний данной эпохи. Словом, препятствий много, полная и абсолютная истинность каждой порции и даже всей суммы информации, извлекаемой из источников на каждом этапе, всякий раз не гарантирована, а проверка весьма трудна. Однако возможна, необходима и плодотворна.

В принципе есть две основных возможности такой проверки: либо сверить полученные образы с тем, что известно о тех же объектах по другим источникам, либо проконтролировать наиболее уязвимый момент отражения, приводящего к появлению образов, — создание источника. Данные для такого контроля частично содержатся в самом источнике, частично в других источниках, освещающих этот источник как факт прошлого. Таким образом, в каждом источнике содержатся минимум два рода сведений: а) образы неких объектов, по отношению к которым этот источник служит только средством отражения; б) образы-факты, частью которых является сам источник как событие жизни. Те и другие могут быть очень близки друг другу, могут сливаться воедино. В этом суть соотношений остатков и предания.

⁹ Пронштейн А. П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д, 1971, с. 22.

2. Исторические источники — границы и отбор

— Это очень важно, — сказал Король, повернувшись к присяжным. Они было уже начали записывать его слова на своих грифельных досках, когда Белый Кролик прервал его:

— «Не-важно», имели в виду Ваше Величество, конечно, — сказал он чрезвычайно почтительным тоном, но хмурясь и строя Королю при этих словах многозначительные мины.

— Разумеется, я имел в виду «не-важно», — поспешно сказал Король и стал вполголоса проговаривать про себя: «важно... неважно... важно... неважно... важно» — как если бы взвешивал, которое слово звучит лучше.

Некоторые из присяжных записали «важно», другие — «неважно». Алиса стояла так близко, что ей все это было отлично видно. «Но ведь это не имеет ни малейшего значения», — про себя подумала она.

Выясняя, почему термин «источник» оказался столь подходящим для характеристики средств исторического познания, мы рассмотрели отличия истории от тех наук, у которых иначе организована фактуальная база, не на основе источников. Но почти не затронули специфику исторического познания по сравнению с другими науками, опирающимися на источники. Между тем в этой специфике таятся значительные трудности в определении и классификации исторических источников и именно к ней необходимо обратиться при дальнейшем разборе соотношений археологических источников с историческими.

«Хотя слово „источник“ принадлежит к числу наиболее употребительных в исторической литературе, единства в понимании этого термина до сих пор не достигнуто», — так охарактеризовал положение В. А. Дьяков.¹⁰ Относить ли к категории «исторических источников» всякие накопления информации о прошлом или только выборки особо важной информации, включать ли сюда следы любого происхождения или только результаты человеческой деятельности, только самые ранние из сохранившихся звеньев в передаче информации или также и последующие звенья, только орудия непосредственного отражения или также средства косвенного познания и т. д. — все это вызывает споры. Нередко ученый выдвигает то или иное определение, возводя в абсолют и генерализуя качества какой-либо одной разновидности источников, наиболее близкой интересам данного ученого (например, повествовательные сообщения), или исключает самим определением те разновидности (например, природные явления), которые почему-либо внушают данному ученому опасение за методологическую выдержанность опирающихся на них исследований. Когда ученые называют источник «историческим», они нередко понимают под этим разные вещи: что источник не современный (принадлежит истории) или не природный, или (будучи письменным) не требует иных методов обработки, чем те, которыми владеет историк-гуманитарий, и т. п. А ведь критерии рационального определения понятия «исторические источники» коренятся в его главной функции — служить средством исторического познания. Понятие должно быть определено так, чтобы

¹⁰ Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 121.

обеспечить наилучшим образом полноту, целенаправленность и верность этого познания.

Вообще-то любые источники в известном смысле содержат информацию только о прошлом, потому что как только событие произошло, оно уже, строго говоря, стало прошлым, хотя бы и очень недалеким. С другой стороны, и историю мы не обрываем на давних событиях, а доводим до наших дней. Отсюда, казалось бы, вытекает, что всякая информация о прошлом и есть *историческая информация*. Но это лишь на первый взгляд.

Не все источники, содержащие информацию о прошлом, стоит называть «историческими», как это нередко предлагается. Во-первых, часть таких источников содержит сведения только о глубоком геологическом прошлом Земли, до начала человеческого рода, так что эти источники обслуживают геологию, палеонтологию, словом, «естественную историю», но никак не историю в обиходном понимании или в собственном смысле слова — историю человеческого общества и культуры. Во-вторых, вполне очевидно, что многие из современных источников текущей информации сейчас ничем нынешнюю историю как науку не обогащают.

Прежде всего явно отпадают все источники, предоставляющие информацию сугубо неподлинную, вымышленную: поддельные хроники, исторические романы и т. п. Уже в этом плане нужен отбор источников, которые можно включать в исторические.

Но даже из событий, которые действительно происходят (или происходили в отдаленном прошлом), не все достойны включения в историю: не может же история быть простым и полным воспроизведением, т. е. повторением, жизни. Второй раз пройти все события прошлого, во всех деталях, даже мысленно невозможно и ненужно. Чтобы писать историю, приходится производить отбор фактов и, следовательно, опять же отбор источников. Не все события прошлого имели историческое значение, не все факты о прошлом суть исторические факты, не все источники, достоверно информирующие о прошлом, — исторические источники.

В Бразилии богатый промышленник Долименте издает тиражом в 200 экземпляров еженедельник «Курьер Долименте». Каждый номер — это бюллетень о событиях жизни издателя за истекшую неделю: сообщается, скажем, что в пятницу у него болела голова, а в субботу к нему приехала тетка. Несмотря на усилия издателя (журнал рассылается редакциям крупнейших газет мира), вряд ли эти события войдут в историю. Не только сейчас, но и в будущем. Такие неинтересные для истории источники остались и от давних лет.

Исторический процесс складывается прежде всего из *массовых* явлений, в которых реализуются законы-тенденции народных движений, развития экономики, культуры и т. д. Верно ухватить эти явления можно лишь обобщающим представлением, целостным восприятием широкого плана, суммированием, усреднением и т. п., тогда как многие отдельные события и участники исторического процесса оказываются далеко в стороне от стержневых линий и узловых пунктов истории. Если такие мелкие фрагменты прошлого взять за основу, в обособлении от общей картины, то это могло бы лишь исказить представление о ходе истории. Известен японский солдат, продолжавший воевать в одиночку еще три десятка лет после окончания Второй мировой войны, но не это, а разгром и капитуляция Японии в 1945 г. составляют веху в истории и позволяют извлечь некоторые уроки истории.

В то же время исторический процесс нельзя уподобить сплошному, слитному потоку. Ведь тогда утратились бы те индивидуальные вклады личностей, то своеобразие, та неповторимость, которые служат одним из важных отличий истории человеческого общества от эволюции любого вида животных. «...В истории общества, как только мы выходим за пределы первобытного состояния человечества, так называемого каменного века, — писал Ф. Энгельс, — повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах».¹¹ Из индивидуальных же явлений в историю по строгому счету стоило бы включать только явления следующих четырех категорий:

1. *Влиятельные* явления, которые оказали существенное воздействие на весь ход истории, например, важнейшие события (революции, открытия, битвы, международные договоры и т. п.), деяния великих людей.

2. *Узловые* явления, которые в важной причинно-следственной цепи послужили хотя бы и мелкими звеньями, но такими, что их не обойти в прослеживании логики исторического процесса (например, Сараевский выстрел в истории первой мировой войны).

3. *Стереотипные* явления (иногда их не очень точно называют типичными), которые наиболее четко иллюстрируют и характеризуют облик массовых сил и процессов. Стереотипные явления, конечно, в изрядной мере взаимозаменяемы в этой своей репрезентативной функции.

4. *Ключевые* явления, которые, будучи исключительными, крайними выражениями важных тенденций, резко и ярче передают их суть (эти явления ближе к тем, которые именуются *типическими* в искусствоведении и литературоведении). Пусть из массы франкских воинов лишь один рискнул разрубить чашу, на которую претендовал король, и пусть лишь однажды король в отместку решился раскроить воину череп, но эпизод при Суассоне наиболее выпукло показал столкновение традиций военной демократии с зарождавшейся монархией и сигнализировал о перевесе последней. А если даже эпизод недостоверен, то показательна сама легенда — она ведь тоже факт истории и свидетельствует о неких сдвигах в социальном сознании.

Отбор фактов — постоянная забота историка. Но отбор источников — не чисто теоретическая или сугубо вторичная, производная проблема. Ведь без решения этой проблемы не определить критерии ценности архивных документов. Все бумаги сохранять невозможно. Приходится определять их сравнительную ценность для истории, взвешивать их претензии на сохранность, намечать степень неприкосновенности, длительность хранения и для многих категорий, увы, очередность уничтожения.¹²

На практике, однако, чрезвычайно трудно провести четкую границу, отделяющую исторические источники от источников информации, бесполезной для истории.

Во-первых, кроме прямой информации об условиях формирования источника и явлениях, отраженных сознанием информаторов, из источника можно извлечь множество косвенных сведений, связанных

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 90.

¹² Степанский А. Д. О теоретических основах отбора документальных материалов на государственное хранение. — В кн.: Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. Матер. научно-методической конференции архивистов РСФСР. М., 1965, с. 31—33.

цепной, многостепенной зависимостью.¹³ Очень трудно заранее, сходу оценить значение косвенных сведений, «вытекающих» из источников.

Во-вторых, чем глубже в прошлое, тем реже, беднее и скупее становятся источники: время разрушает их, не считаясь с их ценностью. Поэтому нередко сообщения о событиях, вряд ли достойных включения в историю по приведенным выше критериям, оказываются все же бесценными для современного историка.¹⁴ Пусть они не были в свое время ни влиятельными, ни узловыми или даже стереотипными, пусть они были далеки от главных тенденций эпохи, но ведь зачастую горстка таких сообщений — это все, что осталось. Явления, о которых они сообщают, оказываются *путеводными* (вот пятая категория индивидуальных явлений, включаемых в историю!). И уж дело мастерства современного историка все же добраться по этим следам до главных тенденций эпохи, поставить сохранившиеся фрагменты в верную историческую связь, рассмотреть их в должной перспективе. «Я потому историк, — говорил Б. Г. Нибур, — что могу из единично сохранившегося построить целостную картину».¹⁵ Недаром же у архивистов существуют пороговые, предельные даты, глубже которых селекция вообще не допускается: все письменные источники, происходящие из предшествующего времени, подлежат сбережению. После революции этой «запретной» датой был определен 1811 г., позже дата была передвинута к 1825 г., а ныне пределом считается 1861 г.¹⁶

В-третьих, резко и жестко отделить исторические источники от бесполезных для истории трудно потому, что интересы историков и их требования к информации изменяются со временем. Историков XVIII в. мало занимали процессы экономики, жизнь народных низов, и сообщения об этом не обеспечивали тогда статуса исторических источников, а теперь эти вопросы входят в самую сердцевину исторической проблематики. Зато жгуче злободневные некогда родословные дворянства и геральдические тонкости отодвинулись на периферию круга интересов современного историка и частично выпали из этого круга.

В-четвертых, сами критерии приложимости информации о прошлом, ее пригодности для исторического исследования в большой мере относительны. Они зависят от того, какую информацию удастся извлечь из источника. А это, в свою очередь, обусловлено тем, какой род информации историк сумеет распознать в источнике, к каким категориям исторических источников примерит (и, может быть, отнесет) данный источник. И соответственно какой способ извлечения информации предпочтет применить. Это не всегда однозначно предопределено характером источника; при различном подходе можно его расценивать по-разному. Хотя и вряд ли тот же «Курьер Долименте» обогатит историю своими сообщениями, но сам его выпуск может рассматриваться как примечательный факт, характеризующий претензии и возможности латиноамериканских миллионеров второй половины XX в. и зависимость прессы от капитала. Наиболее полно информирует об этом выпуске сам журнал. В этом смысле журнал вполне заслуживает включения в число исторических источников.

¹³ Громыко М. М. О «непосредственных» и «косвенных» источниках. — Изв. Сибирского отд. АН СССР, 1968, № 6. Сер. общ. наук, вып. 2, с. 84—90.

¹⁴ Бобиньская Ц. Проблемы в источниках. Методологический анализ. — «Вопросы истории», 1965, № 6, с. 76—86.

¹⁵ Цит. по: Kirchner H. Frühgeschichtsforschung und historische Kombination. — In: Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Heidelberg, 1950, S. 27.

¹⁶ Чудакова М. Беседы об архивах. М., 1975, с. 18—19.

3. Парадоксы источниковедения

Алиса не хотела снова обидеть Сою, поэтому она начала очень осторожно:

— Но я не сообразила: откуда же они черпали кисель?

— Воду можно черпать из водяного колодца, — сказал Шляпник, — стало быть, я так понимаю, кисель можно черпать из кисельного колодца. Неглупо, а?

Так есть ли в исторических источниках историческая информация? И да, и нет.

Нельзя представлять себе, что историческая информация содержится в источнике, будто молоко в кувшине: стоит наклонить — потечет, сколько влито — столько и выльется, каким было внутри — таким и останется снаружи, сохраняя одну и ту же калорийность или жирность, кто бы ни пил. С исторической информацией не так. Она *не существует предварительно в источнике, но и не привносится со стороны, а вырастает из информации источников «о прошлом»* («потенциально исторической информации») *в процессе ее потребления*. Она не течет сама из «наклоненного» источника — ее нужно извлекать, то выжимая источник, как бурдюк, то выворачивая наизнанку, то разрезая и т. д. А ее количество и качество зависят не только от объектов отражения, но и от того, кто и как эту информацию извлекает и потребляет. В том «молочном» или «кисельном» виде, в котором ее нередко воображают, ее нет не только в археологических источниках, но и в любых исторических источниках в их первоначальном состоянии. В этом смысле те и другие схожи.

Таким образом, если не все источники, информирующие о прошлом, суть исторические источники, то все они заслуживают тщательной проверки на пригодность в этом плане, любые из них еще могут в будущем оказаться таковыми и все нуждаются в бережном отношении. Советские теоретики источниковедения подумывают о том, не включить ли в понятийный аппарат источниковедения особую категорию — «*потенциальный исторический источник*», или «*предысточник*».¹⁷ Не обладая некоторыми познавательными характеристиками источника, «предысточник» может равняться с источником своими потенциальными и вправе претендовать на соответствующее отношение.

Дело в том, что с течением времени накопились трудности в обращении с понятием «исторический источник». Оказалось, что функции его в исследовательском обиходе слишком разнообразны и зачастую противоречивы и непримиримы. Все может сгодиться для познания исторического прошлого — все есть исторический источник. Но не всё сгодается — не всё есть исторический источник. Имеются в виду разные познавательные возможности, разные степени готовности служить историческим источником, т. е. разные права на статус «исторического источника»! В разных контекстах под «историческим источником» приходится понимать не одно и то же, а это порождает путаницу и несообразности. Видимо, попросту не обойтись одним термином, одним понятием.

Едва ли не первым это подметил замечательный русский теоретик источниковедения А. С. Лаппо-Данилевский. Поскольку он был неокантианцем, последователем Риккерта, его методологические позиции

¹⁷ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 31.

подверглись резкой и во многом обоснованной, но на первых порах чересчур категоричной, безоговорочной критике в трудах советских ученых.¹⁸ Ныне советская историография отошла от огульно негативной оценки его теоретического наследия. Во-первых, вдумчивый анализ показал, что неокантианцы вообще хотя и абсолютизировали специфику исторического познания, но специфику реальную, во многом ими впервые подмеченную.¹⁹ Во-вторых, в труде Лаппо-Данилевского при всей ограниченности исходных методологических позиций все же сказались огромные знания, глубокая и свежая проработка проблематики, реализация новой программы и тонкая наблюдательность. Многие его идеи приходится вспоминать.²⁰

Более полувека назад Лаппо-Данилевский пришел к парадоксальному выводу: «Пока историк не подверг данный исторический материал предварительному исследованию, он не может признать его историческим источником».²¹

Вскоре эту идею более развернуто повторил И. Ф. Колесников и даже предложил терминологическое различие, сформулированное в самом названии его актовой речи: «Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника». По Колесникову, памятник старины становится историческим источником в результате долгой работы источниковеда.²²

В советской источниковедческой литературе к этой мысли обратились в недавнее время,²³ оценив ее плодотворность и возлагая надежды на ее разработку. С. О. Шмидт обобщил эту проблему, определив ее как проблему «стадиальности исторического источника».²⁴ Имеется в виду, что на различных стадиях освоения историком источник обладает различными качествами, различными функциями и предъявляет различные методические требования; сливать их воедино нельзя. Проходить эти стадии разные виды источников могут по-разному.

Близкое этой концепции предложение выдвинули польские историки. Они предложили отличать от «исторического факта», т. е. от реального фрагмента исторической действительности, «историографический факт» — научно-познавательный образ, реконструкцию, осуществляемую сознанием историка на основе восприятия источника.²⁵

¹⁸ Черепнин Л. В. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — «Вопросы истории», 1949, № 8, с. 30—51; Пушкарёв Л. Н. Определение исторического источника в русской историографии XVIII—XX в. — В кн.: Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.

¹⁹ Гулыга А. В. История как наука. — В кн.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969, с. 20—21.

²⁰ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, с. 12, 55; Литвак Б. Г. О путях развития источниковедения массовых источников. — Там же, с. 104—105; Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975, с. 40—43.

²¹ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории, вып. II. СПб., 1913, с. 46.

²² Колесников И. Ф. Древние рукописи. От памятника старины к историческому источнику. Отчет имп. Моск. археологического ин-та... за 1912—1913 гг. М., 1914 апр., с. 1—32.

²³ Макаров М. К. К вопросу о терминологии в источниковедении истории СССР. — Труды МГИАИ, т. 17. М., 1963, с. 4—6; Пушкарёв Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории, с. 39.

²⁴ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы, с. 30.

²⁵ Bobińska C. Historyk, fakt, metoda. Warszawa, 1964, s. 49—50; Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1968, s. 150. — Одобрительные отзывы советских историков см.: Дуткевич Ю. Теоретические вопросы исторической науки в трудах польских ученых (1945—1965). — «Советское славяноведение», 1966, № 5, с. 131; Терешко М. Н. Понятие исторического факта и его соотношение с историческим

По-видимому, идея витает в воздухе. В общем эта методическая установка позволяет, не уравнивая все сведения о прошлом при построении истории, в то же время оставлять открытой возможность их использования и не разрывать разные уровни готовности информации на пути ее преобразования в историческом познании.

Если суммировать изложенные соображения в краткой дефиниции, то исторический источник можно определить как *объект, существующий к моменту исследовательского восприятия (доступный исследователю) и содержащий для этого восприятия информацию о фактах прошлого, имеющих познавательное-историческое значение (характеризующих исторический процесс)*.

Так или иначе, к изъятию тех или иных источников из числа исторических следует подходить еще более осмотрительно и осторожно, чем к включению их в это число. Нужно учитывать, что возможности включения весьма разнообразны, ибо есть много видов исторических источников.

Есть разные способы группировать исторические источники — по эпохам, территориям, темам, классовому происхождению и т. п. В данном контексте наиболее интересно традиционное, стихийно сложившееся на практике деление исторических источников на письменные, вещественные, языковые, фольклорные и т. д. Каков здесь принцип деления? В общем это более дробная разработка классификации по способу отражения, не останавливающаяся на принципиальном, но грубом расщеплении надвое (остатки и предание). Естественно желание определить этот принцип более узко, сформулировать его конкретнее в понятиях современного научного мышления. Ученые стали определять его то как способ передачи информации, то как способ ее фиксации. Л. Н. Пушкарев предложил и обосновал в своей докторской диссертации 1966 г. и в монографии 1975 г., пожалуй, самую точную и конкретную формулировку: *классификация по способу кодирования и хранения информации в источнике*.²⁶

Ведь с точки зрения информационного подхода, все шире применяемого сейчас во многих науках, информация, заключенная в любых объектах, может условно рассматриваться как сообщения, составленные в неких знаковых системах (или на неких языках), т. е. зашифрованные в том или ином ключе. Чтобы прочесть эти сообщения, т. е. извлечь информацию, нужно знать этот ключ (или код). Вот он-то и оказывается разным у разных видов источников, коль скоро информацию приходится извлекать из них разными путями. Такая трактовка позволяет сопоставлять очень разнородные объекты как источники информации и дифференцировать методику извлечения из них информации, что и требуется.

Строго говоря, по этому критерию мы различаем среди исторических источников, как и вообще среди источников информации о прошлом, *речевые, или словесные (письменные и устные), поведенческие (обычаи, обряды, игры и т. п.), вещественные, изобразительные*. Если придерживаться традиционного словоупотребления, то ясно, что путь к определению археологических источников пролегает через понятие «вещественные источники».

источником (на материалах современной польской методологии истории). — В кн.: Проблемы социальных исследований, вып. 3. Томск, 1973, с. 73—84; Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем... с. 113—114.

²⁶ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников...

4. Отражение в вещественных источниках

«...и даже патриот Стиганд, архиепископ Кентерберийский, — читала Мышь, — нашел это разумным...»

— Нашел что? — спросила Утка.
— «Нашел это», — ответила Мышь, видимо, рассердившись. — Вы, конечно, понимаете, что значит «это».

— Я хорошо понимаю, что значит «это», когда я нахожу вещь, — сказала Утка. — Обычно это лягушка или червяк. Вопрос, однако, в том, что же именно нашел архиепископ?

По прямому смыслу слов *археологические источники* — это те источники, которыми ведает особая наука *археология*. То есть это источники, заслуживающие выделения в особую категорию по соображениям методического характера: чтобы извлекать из них информацию, требуется особая профессиональная подготовка, особая методика, особый набор понятий, словом, особая наука.

Интуитивное понимание этой необходимости возникло давно, и стихийно такая наука формировалась — археология складывалась именно в такую науку. Ведь первоначально, со времен античности до XVIII в., термином «археология» в полном соответствии с его буквальным смыслом (от греч. *архаиос* — древний и *логос* — слово, учение, знание) обозначали очень широкую область знаний: всякие верные сведения о древнем прошлом. В одном сочинении философа Платона (V—IV вв. до н. э.) говорится о том, что люди с удовольствием слушают «о родословиях героев и людей, о переселениях, т. е. о том, как в старину основывались города, и вообще обо всей археологии» (Plato, *Hip. M.*). А в новое время значение термина сузилось до изучения вещественных памятников древности. Видимо, это было нужно — именно этот предмет требовал специализации.

Но так как это произошло стихийно и не было обосновано теоретически, то нередко эти стихийно сложившиеся границы и функции так определившейся науки нарушались. Более того, частенько выдвигались предложения изменить ее границы и функции — сдвинуть или расширить. Или вовсе такую науку ликвидировать. Приведем несколько примеров.

В первом изданном при Советской власти учебнике по археологии утверждалось, что в компетенцию археологии входят как вещественные, так и письменные источники по древнему прошлому. Что же тогда отличает ее от истории? Уклон интереса к материальной стороне дела и хронологическое углубление. Автор учебника — историк акад. С. А. Жебелев — явно не признавал за вещественными источниками какую бы то ни было специфику, важную для методики исследования. Он считал, что «какой-либо особый археологический метод вряд ли есть нужда придумывать, равно как не приходится говорить и о каком-то особом „подходе“ при занятиях археологией».²⁷

В 1932 г. влиятельный немецкий археолог Э. Бушор во введении к авторитетнейшему коллективному «хандбуху» — «Руководству по археологии» — утверждал, что никакой особой «археологической методикой» нет, что методические приемы — это индивидуальное дело каждого исследователя, «археологом является каждый, кто отнесет к прошед-

²⁷ Жебелев С. А. Введение в археологию, ч. II. Пг, 1923, с. 4, 27, 130.

шей эпохе сформированную человеческой рукой вещь», а археологические источники — это просто «зеркало, в котором археолог видит историческую жизнь». Объективность отражения, по Бушору, целиком зависит от наблюдательности и проницательности исследователя.²⁸

Археологическое отражение мыслилось очень простым — как в зеркале — и неспецифичным, не требующим особой методики и подготовки.

В том же 1932 г. на Всероссийском археолого-этнографическом совещании один из тогдашних лидеров советской археологии С. Н. Быковский сделал последовательные (и весьма радикальные!) выводы из подобных представлений. Если историческое прошлое отражалось в вещах непосредственно и просто, как в зеркале, то незачем уделять много внимания самим вещам, их формам, типам, сходствам и различиям. «Старый археолог — по преимуществу вещевед в полном и дурном смысле этого слова, — отчеканивал Быковский. — Он изучал, как правило, не общественные явления, отраженные в вещах, а сами вещи. . .»²⁹ А нас, стало быть, интересуют как раз общественные явления, а не вещи. Отражение, образы, а не зеркало. Это же отражение интересует всякого историка.

Но все-таки у историка, работающего по письменным источникам и у археолога зеркала-то разные! Может быть, и отражение получается разное? Нет, такую возможность Быковский отверг: она противоречила его представлениям о простоте археологического отражения и о маловажности «зеркала», т. е. источников.

Это покажется менее удивительным, если учесть остроту борьбы с противниками материализма и живучесть сравнения с зеркалом. Ведь и тридцать лет спустя даже такой тонкий теоретик исторического познания, как А. В. Гулыга, пишет: «Исторический образ — зеркальное отражение реального события. В этом его отличие от образа художественного. . . Писатель создает типичные образы, историк лишь находит их».³⁰ Конечно, Гулыга имеет в виду исследование, а не источник, и декларирует идеал, цель, императив, но это не оговорено в его тексте.

Между тем, если уж сравнивать для наглядности археологические источники как средства отражения с неким оптическим прибором, то — подобно историческим источникам — сравнивать не с зеркалом, а с перископом, погруженным в прошлое, и притом не с таким простым перископом, как «око Миноса»,³¹ а с гораздо более сложным, состоящим из целой системы зеркал (то прямых, то вогнутых, то выпуклых, то вычурно искривленных) и разных светофильтров — разноцветных, вращающихся, дымчатых, дырчатых и т. п. Нелепо игнорировать этот прибор на том основании, что нас интересует не сам прибор, а наблюдаемый через него объект. Без детального изучения прибора нам не предста-

²⁸ Подготовленное к 1932 г. «Руководство» было издано в 1939 г. и переиздано в 1969 г. См.: Buschhoff E. Begriff und Methode der Archäologie. — In: Hausmann U. (Hrsg.). Handbuch der Archäologie. Bd. 1. Allgemeine Grundlagen der Archäologie. München, 1969, S. 3.

²⁹ Быковский С. Н. О предмете истории материальной структуры. — Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—2, с. 3.

³⁰ Гулыга А. В. Понятие и образ в исторической науке. — «Вопросы истории». 1965, № 9, с. 13.

³¹ Минос — царь Крита. Греческая мифология приписывала ему способность видеть сквозь землю зарытые сокровища. «Око Миноса» — перископ, применяемый итальянскими археологами для предварительного осмотра подземных погребальных камер перед раскопками (с целью выбора для раскопок). На месте, скажем, этрусской камеры, обнаруженной с помощью аэро-, электро- и акустической разведки, бурят скважину, в которую и вставляют перископ с лампочкой. Через него осматривают и фотографируют внутренность могилы.

вить объект (хотя бы мысленно) в его действительном облике, не сообразить, какой реальный объект скрывается за тем неполным, мутным, раздробленным и зачастую несуразным образом, который предстает нашему взору в окуляре. Слишком много передающих по-разному (и искажающих по-разному) зеркал и фильтров на пути информации в системе исторического и археологического отражения: творцы и действующие лица, наблюдатели, информаторы, авторы, редакторы, переписчики, исследователи и т. д. (см. табл. III—V). Вот чего не учитывал Быковский.

Правда, Быковский иногда признавал, что все исторические источники, включая «остатки», «отражают следы минувшего не подобно зеркалу или фотографической пластинке, а более или менее искаженно. Искажение стоит в связи с характером мировоззрения эпохи, класса и т. д., т. е. носит, следовательно, различный характер».³² Но только в этой связи. А с видами источников Быковский искажение не связывал и различий тут не признавал. В этом плане для него зеркальная простота и одинаковость отражения оставались несомненными. Стремясь к ликвидации разрыва между археологией и историей, Быковский зашел в этом стремлении так далеко, что провозгласил принцип: «Деление исторических наук по видам источников изучения — антинаучно. Исторический процесс отражался в различных источниках, так сказать, не считаясь с их видом и характером».³³

Это в любом смысле неверно. Достаточно вспомнить, что, скажем, античное рабство, хорошо известное по литературным источникам, совершенно не отражено в античной скульптуре. Древнее родство армян с народами Центральной Европы было бы неизвестно по материальной культуре, антропологическим данным и письменным источникам — оно было бы неизвестно вообще, если бы не такой источник, как язык. и т. д.

Но Быковский, исходя из провозглашенного им принципа как из непреложной истины, сделал, далее уже вполне логично, вывод, что археология ни как самостоятельная, ни как вспомогательная наука не имеет прав на существование: «ни для добывания, ни для обработки вещественных памятников... никакой *особой*, оторванной от истории вспомогательной науки существовать не должно... Как целый и единый комплекс археология обречается на уничтожение».³⁴

Его призыв подхватили три молодых, но уже тогда видных археолога, которые опубликовали статью под озорным названием «Возникновение, развитие и исчезновение „марксистской археологии“». Они утверждали: «При диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная и даже как вспомогательная наука. Она подлежит упразднению...».³⁵

Но и в 1932 г. научная общественность оказалась достаточно зрелой, чтобы совещание отвергло эти ликвидаторские замыслы. Авторы их, продумав и приняв критику, отошли от этого увлечения, отказались от крайних выводов. Но удалось ли им пересмотреть и перестроить методологическую основу этого увлечения — слияние археологических источников с письменными? Нет, этого не произошло, и в последующем в советской археологии сбивчивые трактовки по этому вопросу все же

³² Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л., 1931, с. 31.

³³ Быковский С. Н. О предмете... — Сообщения ГАИМК, 1932, № 1, 2, с. 3.

³⁴ Там же, с. 3—4.

³⁵ Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. В. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии». — Сообщения ГАИМК, 1932, № 1—2, с. 48.

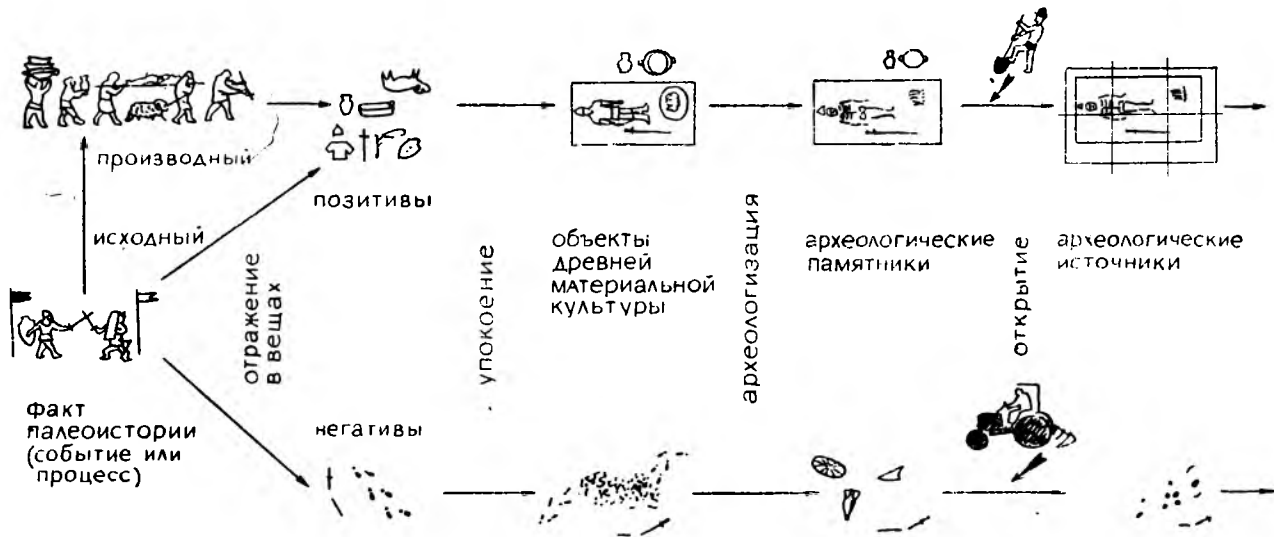

Таблица III. Схема археологического познания как особой разновидности отражения. Часть первая: от события к археологическому источнику (формирование археологических источников). *Очень упрощено.*

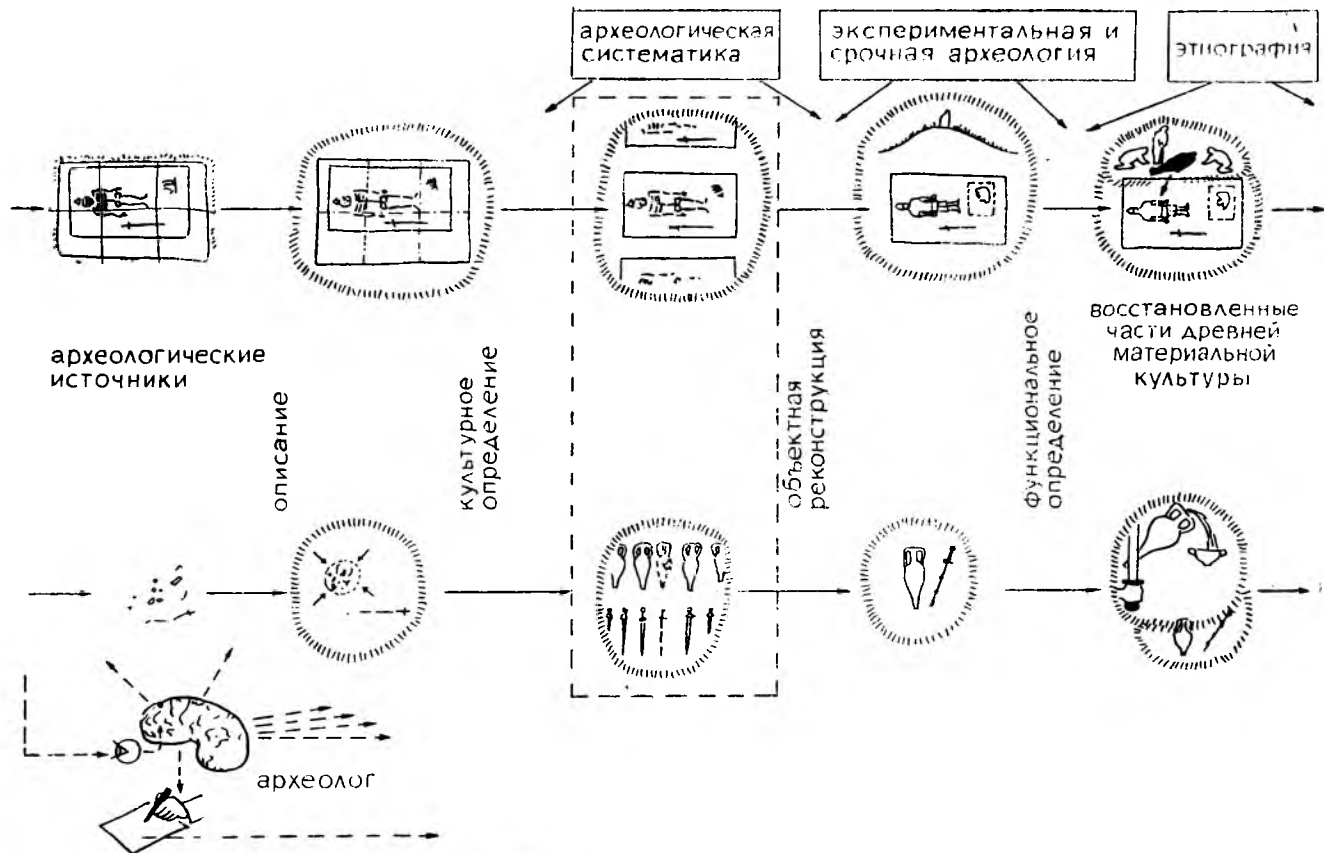

Таблица IV. Схема археологического познания. Часть вторая: от археологического источника к восстановлению древней матеральной культуры (вещеведческое исследование археолога), *Очень упрощено.*

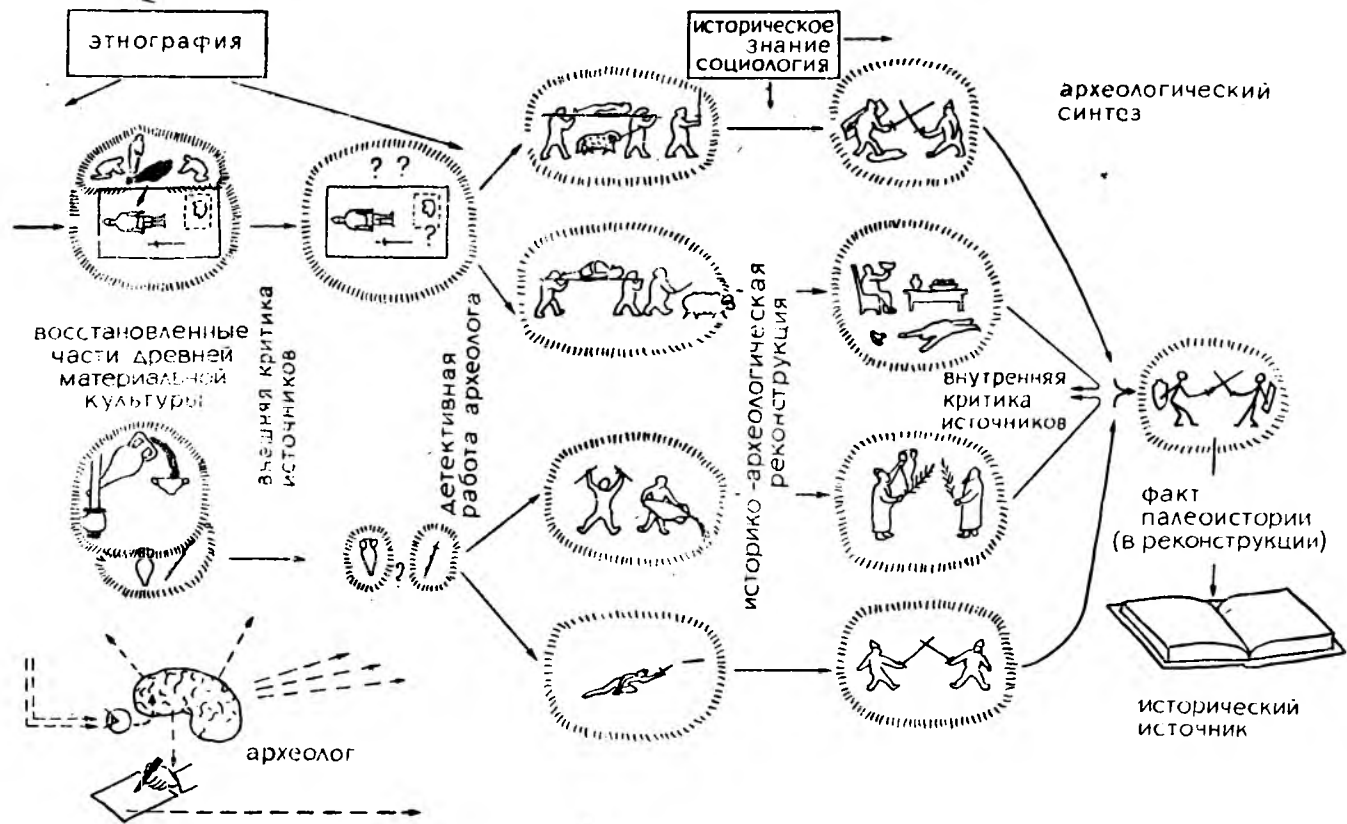

Таблица V. Схема археологического познания. Часть третья: от археологического видения материальной культуры к историческому источнику (историко-археологические исследования). *Очень упрощено.*

фигурировали и даже разворачивались в целую концепцию, получившую большое влияние.³⁶

В отличной вообще-то книге учеников Арциховского его давний принцип отлит в чеканную формулировку, которая очень уж напоминает рассуждения Жебелева, хотя и написана полвека спустя: «История и археология неразделимы и составляют единую историческую науку, которая имеет в своем распоряжении два вида источников — письменные и вещественные».³⁷

И видов больше, и исторический процесс в них отражался по-разному, и разделить их методически надо непременно.

Однако это оказалось невероятно трудно и попросту не по силам теоретической археологии до середины XX в. Для вскрытия сути проблемы потребовался информационный подход. Этот подход, связанный с развитием таких наук, как кибернетика и семиотика,³⁸ стал внедряться в социально-исторические науки лишь в последние десятилетия,³⁹ а в археологию — лишь в последние годы.⁴⁰ Вот почему всего несколько статей посвящено выявлению специфики археологических источников как вещественных, и это статьи недавнего времени.⁴¹

5. Слова и вещи: необычный перевод

— А языки ты знаешь? — спросила Черная Королева. — Как будет по-французски «трам-тарарам»?

— «Трам-тарарам» — это не наш английский язык, — сердито ответила Алиса.

— А кто говорит, что это английский!

— Если вы мне скажете, что это за язык, — нашла Алиса, — я вам это переведу на французский!

Но Черная Королева гордо выпрямилась и ледяным голосом произнесла:

— Королевы в сделки не вступают!

Вещи как источники информации коренным образом отличаются от других источников информации по способу, которым она в них закодирована, и, следовательно, по средствам ее извлечения. Почему же профессионал-историк обычного профиля не в силах сам извлечь информацию из вещественных источников, как он извлекает ее из других источников? Сравним вещественные источники с письменными.

³⁶ Об этом см.: Клейн Л. С. Предмет археологии. — В кн.: Древнейшая история Южной Сибири. Кемерово, 1978.

³⁷ Амальрик А. С., Монгайт А. Л. По следам исчезнувших цивилизаций. Изд. 2-е. М., 1966, с. 9.

³⁸ Из популярных изданий об этих современных явлениях в науке можно рекомендовать: Тростников В. Н. Человек и информация. М., 1970; Грневский Г. А. Кибернетика без математики. М., 1964; Касаткин В. Н. Алфавит кибернетики. М., 1968; Степанов Ю. С., Семиотика. М., 1971.

³⁹ Черных В. И. Информационные процессы в обществе. М., 1968; Бирюков Э. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973; Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973; Вонанпан Р. Rethinking culture... — «Current Anthropology», 1973, vol. 14, N 4, p. 357—372.

⁴⁰ Clarke D. L. Analytical archaeology. London, 1968; Клейн Л. С. 1) О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии. — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований, 1971 г. М., 1972; 2) Проблема смены культур и теория коммуникации. — В кн.: Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1978.

⁴¹ Labuda G. Op. cit., p. 22; Генинг В. Ф. Специфический предмет... 10—11.

Любая наука функционирует только в сфере мышления и речи. Любая наука, нацеленная на то, чтобы узнавать, описывать, объяснять и оценивать (с определенных классовых и партийных позиций) социальные явления, функционирует только в сфере мышления и речи и формулируется средствами обиходного литературного языка. Такова история. Это значит, что она оперирует только такой информацией, которая выражена в понятиях, суждениях и умозаключениях, изложена на естественном языке (или на специальном предназначенном для его временной замены искусственном языке) и обходится минимумом специальной научной терминологии. Именно так организована информация и в *письменных исторических источниках* — летописях, мемуарах, договорах и т. п. В этом смысле их информация почти готова к использованию в исторической науке. Там и тут информация зашифрована одним и тем же кодом.

Нередко утверждают, что письменные источники — главные для истории потому, что они наиболее полные, всеобъемлющие, разносторонние, подробные, обильные и т. п. Однако эти характеристики верны лишь применительно к поздним историческим эпохам. Письменные источники — действительно основные для истории, но по другой причине. Они являются главным представителем речевых (словесных) источников (входя в их состав вместе с устными, но обладая преимуществом над устными в сохранности и вместимости). А речевые источники и есть основные источники исторической науки по самой своей природе, так как тесно связаны с мышлением и созданы с применением того же кода, что и все исследования историков.

Недаром же так трудно провести в исторической науке резкие рубежи между письменными *первоисточниками* (например, анналы, мемуары), *вторичными источниками* (например, компилятивные хроники, летописные своды) и *учеными трудами современных историков* (от курсов истории до специальных исследований). Точно так же трудно определить, в каком пункте хронологический обзор источников перерастает в историографию — историю исторической науки или ее частей. «Истории» Геродота — это и первоисточник, и свод, и ученый труд. В них налицо и оригинальные наблюдения, и компиляция, и художественное творчество, и исследование причин.

Письменные источники — это исторические источники в собственном смысле. Разумеется, информация письменных источников еще не имеет многих качеств, необходимых научной информации о фактах, и поэтому все-таки нуждается в предварительной обработке: разыскании и упорядочении, верном прочтении, очистке, оценке и т. д. Пока это не сделано, письменные источники остаются, по выражению С. О. Шмидта, «предысточниками». Однако вся эта обработка не отличается принципиально от основной работы историка — от установления причинно-следственных связей между явлениями, от стараний уловить взаимодействие законов и случайностей. На обоих поприщах — в письменном источниковедении и в истории — ученый сопоставляет обиходные понятия, сталкивает и преобразует по строгим правилам логики обычные житейские суждения, утверждает и оспаривает умозаключения здравого смысла.

Поэтому письменное источниковедение (включая палеографию, дипломатику, текстологию, содержательную критику источников и т. д.) нередко успешно, вполне профессионально разрабатывается тем же историком, который затем использует полученную информацию для исторического исследования — для реконструкции и понимания прошлого.

Иначе обстоит дело с *вещественными источниками*. В сфере мышления и речи, в частности и в научном мышлении, манипулировать не-

посредственно вещами невозможно. Без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, не пригодна к научному использованию. И переработка требуется радикальная: нужно перекодировать информацию и притом дважды. Сначала нужно перевести ее с того, что фигурально называют «языком вещей», на любой из настоящих, «естественных» языков — русский, английский, немецкий и т. п. То есть описать вещи, их признаки и соотношения, пользуясь понятиями и суждениями мышления, словами и грамматикой живой речи, научными терминами. И последними приходится пользоваться обильно. Это уже язык общенаучного мышления, но это еще не тот язык, на котором разрабатывается история. Затем, сопоставляя полученные сведения с другими, нужно установить, какие события и процессы прошлого отразились в описанных вещественных источниках. Только теперь информация обрела требуемую исторической наукой форму.

Когда-то думали, что все это очень просто и что для успешного осуществления этих задач достаточно иметь опыт работы с вещественными материалами, обладать знанием истории и здравым смыслом. Тогда полагали, что любой историк, ознакомившись с вещественными материалами, может провести все нужные операции для использования этих материалов в качестве исторических источников. Иными словами, такой историк может стать специалистом по вещественным источникам, а профессия, которую он приобретает, — это просто одна из специализаций историка (подобно письменному источниковедению).

Обучение этому считалось сравнительно простым, хотя и трудоемким, и надежды возлагались на тонкую, восприимчивую интуицию ученика, а также на его готовность верить учителю и не излишком мудрствовать, не требовать абсолютной и единой для всех, общеобязательной доказательности. Но в науку о прошлом стали приходить люди с новыми запросами и критериями.

Известный американский археолог Л. Бинфорд вспоминает, как он, будучи студентом, пытался перенять у своего учителя профессора Дж. Гриффина способность легко «читать» по археологическим находкам преисторию края. «Эти решающие эмпирические данные были нагромождены в кабинете Гриффина — тысячи снимков с черепков от горшков, неопубликованные. Эти данные некто говорили Гриффину, и если тебе повезет, ты тоже мог получить доступ к этим данным, которые буквально орали самоочевидную истину давнего прошлого... Мы могли увидеть черепок или наконечник дробинки или сломанное ожерелье, которые так ясно повествовали Гриффину. Нам оставалось только стоять в благоговении, мечтая, что придет некогда день, когда и мы сможем быть на столь же короткой ноге с данными, знать все секретные места, где они скрываются, и уметь видеть общую картину, как наш учитель в его лабораторном халате... В своем энтузиазме учиться, узнавать, перейти этот магический порог, за которым черепки заговаривают, я прокрадывался в кабинет Гриффина в его отсутствие и рылся в его шкафах. Я знал каждый малейший ящичек, где хранились типичные коллекции, знал «типичные» черепки, столь важные для налаживания хорошего диалога между археологом и другими черепками. Все это стало частью меня самого. Но я был неудачник: эти черепки так и не заговорили со мной тем гласом истины, который Гриффин доверительно переводил своим студентам».⁴²

Бинфорда не устраивал перевод по наитию, он жаждал строгой методики, с помощью которой каждый был бы вынужден получить один и тот же перевод. Чтобы это было не ремесло и не искусство, а наука.

⁴² Binford L. R. An archaeological perspective. New York — London, 1972, p. 5.

Теперь же ясно, что осуществить требуемое перекодирование информации вещественных источников гораздо труднее, чем перевести текст с одного естественного языка на другой, скажем, с русского на английский (даже если переводить не прямо, а через посредника — через немецкий язык, чтобы и здесь был двойной перевод).

Ведь между естественными языками, несмотря на многозначность слов и гибкость их применений, практически установлено множество весьма узких соответствий: рус. «ученыи» — англ. «scientist», «scholar», «learned», «erudite», рус. «глухая ночь» — англ. «dead hours» (букв. «мертвые часы») и т. д., а контекст подскажет, которое из нескольких возможных соответствий выбрать. Вещественные источники гораздо более многозначны, полные списки всех возможных соответствий («на выбор») не составлены, а контекст зачастую нарушен. Исследователь оказывается в классическом положении криминалиста-детектива, нашедшего окурки на месте преступления. Оставлен ли этот окурки преступником, жертвой, свидетелем или случайным прохожим, не видевшим ничего? Для подобных казусов Шерлок Холмс и набирался знаний о всевозможных сортах табака, заготовляя впрок элементарные соответствия (запах и цвет = название и происхождение табака). Но это еще не все те соответствия, которые требуются. Для опознания участников нужно знать, кто из них какой сорт предпочитал. А затем надо добраться до событий. Выкурена ли папироса в момент и на месте события, интересующего следствие, или окурки выпал из опрокинутой пепельницы, куда он попал давно? Список возможных соответствий между вещами (как остатками или следами событий) и самими событиями, разумеется, не беспределен (так, папиросу явно не курили ни лошадь преступника, ни собака следователя). Но этот список очень велик, и трудно гарантировать его полноту. Еще труднее сделать верный выбор.

Если уж квалифицированный перевод с одного естественного языка на другой требует специальной профессиональной подготовки и если эта профессия обзавелась своими теорией и методикой, то тем более это необходимо для перевода с «языка вещей» на словесный общенаучный язык и с него на язык истории. Здесь не обойтись простым распространением методики и знаний историка на дополнительное поприще, простым расширением источниковедческой специализации историка еще и на эту категорию источников — на вещи. Не обойтись общими представлениями, житейским опытом и здравым смыслом. Нужны совершенно новые знания, особая методика, иная наука.

Поэтому вещественные источники и выделяются в особую категорию, а изучение их отделяется от традиционного источниковедения, занятого обработкой письменных источников, и поручается особой отрасли науки.

6. Где конец археологии?

Кролик надел очки.

— С чего начинать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — важно ответил Король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — стоп.

Но почему эта отрасль — именно археология? Корень «архе-» (греч. *αρχαι-*) означает *древность*. Зачем это название? Почему ведению этой особой отрасли отводятся не все вещественные источники, а только древние?

Это стихийно сложившееся ограничение очень долго теоретически не могли уточнить, обосновать и утвердить. Никак не удавалось выявить его глубинные устои и найти критерии древности. Еще И. Е. Забелин жаловался, что «слово *древность* имеет такое обширное значение и такую, можно выразиться, беспредельность в своем содержании, что очень трудно и почти невозможно ответить сколько-нибудь определенно, что такое на самом деле древность как предмет науки. Это слово по своему смыслу не равняется ли слову *хаос*?».⁴³

Предпринимались попытки официально принять эту границу как традиционную, без теоретического обоснования, наметив как-нибудь условно, и признать ее, так сказать *de facto*. Сто лет назад граф А. И. Уваров, один из основателей российской археологии, напомнил III Археологическому съезду, что уже давно удалось «определить конец ее, или крайний ее предел к новейшим временам. Этот крайний предел был обсуждаем в Петербургском археологическом обществе, и все члены пришли к заключению считать *конец XVII века или 1700 год* за конец древней русской археологии».⁴⁴

Несмотря на единогласие членов, эта граница не удержалась. В дореволюционной России заметную часть археологической науки составляла «церковная археология», изучавшая архитектуру и убранство церквей, инвентарь священнослужений и ритуальный убор служителей. «Церковная археология» не придерживалась указанной границы, изучала с равным усердием допетровские и послепетровские паникадила, купели, алтари и оклады икон. Упомянутые в начале книги раскопки 1952 г. в Ленинграде вскрыли постройки Академии наук ломоносовской поры; позже начались исследования ломоносовских мануфактур под Ленинградом. За рубежом археология также обратилась к аналогичным памятникам: в Великобритании возникла «промышленная археология» («*industrial archaeology*»), занимающаяся исследованием мануфактур, паровых мельниц и шахт эпохи промышленной революции; в США появилась «историческая археология» («*historical archaeology*»), она ведает изучением материальной культуры индейцев послеколумбовой Америки. В обеих странах недавно возникла «срочная археология» («*action archaeology*»), на обязанности которой лежит исследовать долговечные части живой культуры.

Условность «крайнего предела» археологии, его необоснованность и неустойчивость приводит к тому, что нередко выдвигаются предложения вообще его ликвидировать: довести раз навсегда сферу занятий археологии до материальной культуры наших дней.

В самом деле, возьмем подводную археологию. У мыса Гелидония (юго-западное побережье Малой Азии) были обнаружены остатки корабля, затонувшего в позднем бронзовом веке (XIII в. до н. э.). Корабль вез металлические изделия (лемехи плугов, мотыги и пр.) и слитки бронзы с Кипра в направлении греческого материка. Никто не сомневается в том, что это археологический источник и что исследование его входит в компетенцию археологов так же, как раскопки на дне моря у Махдии (Тунис) сокровищ афинского искусства, затонувших с кораблем, который их вывозил в Рим и был прибит штормом к африканскому побережью. Ну, а корабль с грузом амфор конца III в. н. э., найденный в заливе Сан-Рох (Южная Франция)? А ладьи викингов, обнаженные с помощью откачки воды из отгороженных дамбами участков моря в Дании? А поиски следов Ледового побоища (XIII в.) на дне

⁴³ Забелин И. Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? — Труды III Археол. съезда, 1878, т. 1, с. 1—2.

⁴⁴ Уваров А. И. Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии? — Там же, с. 33—34.

Чудского озера? Кому надлежит ведать пиратскими сокровищами с каравелл и галеонов XV—XVI вв. — теми, что покоятся у необитаемых островов? Археологическим ли было обследование корабля «Винчестер», потерпевшего крушение у берегов Флориды в 1695 г. (Ч. Брукфилду в числе прочего удалось поднять оттуда в 1941 г. страницу печатной книги)? Или вот британский фрегат «Гросвенор», утонувший в 1783 г. с грузом золота у мыса Доброй Надежды и не поднятый до сих пор. Кому им заниматься? Можно ли отнести к археологии подъем американской канонерки «Каир», подорвавшейся на mine в рке Язу (Миссисипи) в 1862 г. во время Гражданской войны Севера и Юга (удалось поднять по частям)? Обычно это не называют археологической работой. И уж явно не обратятся к археологии, если станет технически возможным подъем с глубины 4600 м лайнера «Титаник», утонувшего 14 апреля 1912 г. в Атлантическом океане. Кладонскатели мечтают об этом, так как с лайнером ушло на дно золото на 8 млрд фр.; археологов же эта проблема как-то не занимает.

А собственно почему? Отвлечемся от «материального стимула»: на «Титанике» уйма вещей, характеризующих предвоенную цивилизацию. Чем они как источники информации хуже вещей с любого из названных выше кораблей? Налицо как бы шеренга памятников, выстроенных по возрасту вдоль плавной хронологической шкалы, и нет на этой шкале порога, за которым бы резко менялись способности отражения. Условная граница «археологичности» вещей может скользить по этой шкале в любом направлении до самого конца.

Если с этим примириться, то все современные вещи пришлось бы также признать археологическими источниками и включить в предмет археологии, что сделало бы эту науку просто необъятной. Нужно как-то сузить предмет.

Однако, спрашивает философ В. Н. Боряз, заинтересовавшийся этой проблемой, где лежит тот критерий, по которому вещные остатки одного общества играют роль археологического источника, а вещные остатки другого этой функции не имеют? «Должно быть найдено общее мерило, при сопоставлении с которым сходные вещные остатки либо превращаются, либо не превращаются в археологический источник».⁴⁵ Таким мерилом исследователь рекомендует считать не наличие в вещах особой информации об обществе (она всегда есть), а потребность современной науки именно в этой информации.

Если изучаемое общество оставило последующим поколениям мало информации о себе самом, специально выработанной для передачи, если отношение дошедшей до нас в письменных источниках части этой информации к той, которая заключена в вещественных следах того же общества, «весьма мало или близко к нулю, то это значит, что основным источником информации являются именно вещественные остатки, которые и приобретают роль археологических источников. Если это отношение обратное... то второй тип источника информации утрачивает свое познавательное значение и не будет возведен в ранг археологического источника».⁴⁶ В приведенном примере материалы с «Титаника», «Каира», а может быть, и «Винчестера» только потому, по Борязу, не становятся археологическими источниками, что их информация мало что добавляет к сведениям письменных источников по той же тематике. Вещи остаются просто напоминаниями и могут служить му-

⁴⁵ Боряз В. Н. 1) Природа археологического источника и объект археологии как науки. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 9—10; 2) Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки. — В кн.: Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976, с. 185—216.

⁴⁶ Боряз В. Н. Природа археологического объекта..., с. 10.

зейными экспонатами, не больше. Даже некоторым древним вещам можно отказать в статусе археологических источников, если освещаемые ими факты хорошо известны по письменным источникам; а с другой стороны, даже некоторые современные вещи должны считаться археологическими источниками, если в них представлены плохо освещенные письменными источниками факты. «Может оказаться, что единственным преимущественным или неизбежным средством получения информации о каком-либо событии будут археологические изыскания (пример — раскрытие истории обороны в 1942 г. советским гарнизоном Аджимушкайских каменоломен)». И общий вывод: «Иначе говоря, археология опровергает свое собственное имя, приобретая статус и науки о современности».⁴⁷

Что ж, могут и на «Титанике» обнаружиться вещественные свидетельства событий и связей, важных для истории и не попавших ни в одну газету. Но и это еще не значит, что есть смысл объявлять «Титаник» археологическим источником. Да, вещественный, да, возможно, исторический. Но археологический ли?

Для Боряза термины «археологический источник» и «исторический источник» применительно к вещам равнозначны, т. е. «вещественный исторический источник» может быть только «археологическим». Вещественные остатки, по Борязу, либо приобретают значение археологического источника, либо «утрачивают свое познавательное значение».⁴⁸ И он с самого начала ищет критерии только для одного рубежа среди вещественных остатков: между археологическими источниками и просто вещами. Но ведь это резонно только в том случае, если заранее решить, что иного рубежа нет, что всякое извлечение исторической информации из вещей есть археология, что работа с древними вещественными источниками не отличается от работы с поздними, не имеет сугубой специфики и не нуждается в особой методике. Иными словами, Боряз незаметно для себя самого заложил в исходный пункт своих рассуждений то, что вознамерился вывести из них и доказать.

В сущности, покушение Боряза на «верхний предел» археологии есть очередной рецидив старого и, в общем, казалось, преодоленного поветрия. Когда вскоре после Октябрьской революции в Советской России была начата перестройка социально-исторических наук, решено было отказаться от старой археологии, дискредитированной своим идеализмом и своим отрывом от злободневных жизненных проблем общества, и на ее месте построить «историю материальной культуры». Переименование ориентировало на внедрение историзма, на решение проблем истории, на преимущественное внимание к материальному базису и на ликвидацию тематической замкнутости исследований в далеком прошлом. Это был один из важных стимулов отказа от «археологичности» — покончить с отрывом от современности, перекрыть сплошной трассой однородных исследований интервал между ранними этапами культурно-исторического процесса и современным состоянием.

На месте имп. Археологической комиссии и Русского археологического общества была создана Российская (позже Государственная) Академия (впоследствии Институт) истории материальной культуры — головное учреждение страны по учету, охране и изучению памятников культуры. При этой Академии были созданы комиссии (археологическая, по истории искусства и др.), институты (позже ставшие секторами или лабораториями): исторической технологии, феодальной формации, или истории феодального общества и др. Соответственно пере-

⁴⁷ Там же, с. 11. Те же идеи см.: Reid J. J., Rathje W. Z., Schiffer M. B. Expanding archaeology. — «American Antiquity», 1974, vol. 39, N 1, p. 125—126.

⁴⁸ Боряз В. Н. Природа археологического объекта..., с. 10.

страивались и прочие учреждения, занимавшиеся изучением вещественных памятников. В рамках одной науки (и соответственно одного учреждения) надлежало объединить исследования всех материальных памятников. Единой методикой требовалось охватить вещественные источники всех эпох. Одним и тем же специалистам предстояло проследить всю «историю материальной культуры» (сразу появился ряд популярных книг с таким названием)⁴⁹ — «от палки до машины», «от мотыги к трактору», «от наготы до обильных одежд» (тоже названия популярных книг того времени).⁵⁰

Поначалу пытались, но дальше популярных изданий дело не пошло. Изошренная методика реставрации, реконструкции и истолкования, которую разрабатывали в Академии для обработки древних объектов, просто не требовалась применительно к памятникам недавнего прошлого. Объединение оказалось нерациональным, непродуктивным и попросту нереалистичным. Ограничение материальным базисом не удержалось, хронологическое распространение отпало еще быстрее, и хотя перечисленные выше стимулы еще долго не находили иного воплощения,⁵¹ фактически организация исследований уже давно не придерживалась границ, декларированных переименованием. С середины 30-х годов эту науку все чаще вновь аттестовывали как археологию; возникавшие с 1934 г. в университетах очаги специализации назывались кафедрами археологии, а не истории материальной культуры; созданный в 1936 г. альманах (позже журнал) получил название «Советская археология», а в 1960 г. реальное положение дел было оформлено завершающим административным шагом: головное учреждение страны стало титуловаться по традиции — Институтом археологии АН СССР.

Таким образом, исторический опыт нашей науки, многолетняя практика исследований показали несостоятельность идеи убрать «верхний предел» археологии. Если эта идея все еще время от времени возрождается, то потому, что кое-где еще сохраняется грубо упрощенное понимание ведущих к ней стимулов. Например, научную актуальность темы частенько все еще измеряют по хронологической близости к современным событиям, несмотря на неоднократные разъяснения ученых.⁵² И в еще большей мере рецидивы «омолаживания» археологии обусловлены отсутствием теоретического обоснования ее «верхнего предела».

Между тем информацию из вещественных остатков извлекают не только археологи, но и криминалисты, и это информация о прошлом (хотя обычно не очень отдаленном) и нередко о фактах исторического значения (например, о преступлении нацизма или убийстве Дж. Кеннеди). Историческую информацию извлекают из своих вещественных объектов также историки архитектуры. Было бы нелепо и незачем всех их зачислять в археологию. Информацию из вещественных источников могут извлекать для себя и сами историки, и если это вещи современные, то нужда в специалистах с особой подготовкой не возникнет.

⁴⁹ Книги «История материальной культуры» И. Ю. Бронштейна (Л., 1924; М.—Л., 1927), Г. Г. Генкеля (Л., 1928), Н. А. Гредескула (Л., 1930).

⁵⁰ Жаворонков Б. От мотыги к трактору. М., 1922; Адлер Б. Ф. От наготы до обильных одежд. Берлин, 1923; Лозовик Г. Н. От палки до машины. М.—Л., 1926.

⁵¹ Поэтому в Польше после 1945 г. изучение вещественных источников отлилось в схожие организационные формы — был создан Институт истории материальной культуры Польской Академии наук (Instytut Historii Kultury Materialnej PAN).

⁵² Монгайт А. Л. Археология и современность. М., 1963, с. 5—8; Ерофеев Н. А. Что такое история. М., 1976, с. 119.

кает. Любой историк разберется без помощи археологов в том, для чего служили обнаруженные им на местах событий надолбы и окопы, заржавевшие мины и каски, богат ли принадлежавший недавно историческому лицу дом, на кладбище какой общины оказалась могила деятеля и почитают ли ее сограждане и т. п.

Материальную культуру изучает и этнография — живую, функционирующую материальную культуру, как вполне современную, так и устаревшую, пережиточную, реликтовую. Многие археологи до недавнего времени любили рассматривать *археологию* как простое продолжение *этнографии* (или описательной этнографии и объяснительной этнологии) в глубь времен. В свое время американец Джон Беннет заявлял: «Археологические данные надо рассматривать как в основном подобные данным любого другого представителя социальных наук. Различие тут не в роде, а в степени»,⁵³ т. е. не качественное, а количественное. Маститому английскому археологу Мортимеру Уилеру принадлежит крылатая фраза, метафорически сформулировавшая «истинную» цель археологии: откапывать не вещи, а народы.⁵⁴ Американский культур-антрополог Клайд Клакхон сформулировал эту мысль еще категоричнее, без метафор: «Археология — это этнография и история культуры народов прошлого».⁵⁵ Подытоживая подобные взгляды, американский археолог Чжан Гуан-чжи выразился похоже: «Короче говоря, археология — это учение о народах, а именно этнология».⁵⁶ Мой покойный учитель М. И. Артамонов считал, что «хотя количество материалов, которыми пользуется археология, во много раз уступает данным, находящимся в распоряжении этнографии, нет принципиальной разницы в подходе той и другой из этих наук к выявлению этнических культур».⁵⁷

Но разница есть — и принципиальная! Вопреки иллюзорным надеждам археологов, при проверке по письменным источникам оказывалось, что археологические культуры (крупные общности археологического материала, выявляемые территориально и разграничиваемые на карте) далеко не всегда совпадают с общностями этническими — народами, племенными группами.⁵⁸ И ведь не совпадают даже в своих границах, что уж и говорить о содержании!

Практика исследований упорно возвращает источниковедов к той истине, что древние вещественные источники кардинально отличаются по своим познавательным качествам и методическим требованиям от поздних. Вопрос лишь в том, чем отличаются и где лежит порог этого различия.

⁵³ Bennett J. W. Recent developments in the functional interpretation of archaeological data. — «American Antiquity», 1943, vol. 9, p. 219.

⁵⁴ Wheeler M. What matters in archaeology. — «Antiquity», 1950, vol. 24, p. 129.

⁵⁵ Kluckhohn C. Mirror for man. New York, 1957, p. 46.

⁵⁶ Chang K. C. Major aspects of interrelationship of archaeology and ethnology. — «Current Anthropology», 1967, vol. 8, N 3, p. 233.

⁵⁷ Артамонов М. И. Археологическая культура и этнос. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 28.

⁵⁸ Монгайт А. Л. Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований). — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1, с. 53—65; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры. — «Советская археология», 1970, № 2, с. 45—49.

7. Археологическое отражение

— Я тебе расскажу все, что знаю про дом в Зеркале. Во-первых, там есть вот эта комната, которая начинается прямо за стеклом. Она совсем такая же, как наша гостиная, Китти, только там все наоборот!... А дальше (1909). Если распахнуть дверь в нашей гостиной пошире, можно увидеть часть коридора в том доме, в Зеркале. Он совсем такой же, как у нас. Но кто знает, вдруг там, где его не видно, он совсем другой?

В течение долгого времени ученые замечали только одно существенное отличие древних вещественных источников от поздних: первых меньше, они беднее, однообразнее, хуже сохранились.⁵⁹ От палеолита до нас дошли во множестве кремневые наконечники орудий да обломки костей, остальное представлено гораздо слабее. От неолита получена в массе еще и керамика, от более поздних эпох — также металлические украшения, монеты, фундаменты построек и пр., но лишь изредка — деревянная утварь и кожаная обувь. Зато от недавнего прошлого сохранились и меха, кружева, ткани, бумаги и т. д. Древние источники фрагментированы (разбиты на куски), лакунарны (не все куски сохранились, есть лакуны) и однобоки (сохранность разных комплексов неравномерна, пробелы не скомпенсированы). Но все это — чисто количественные различия.

Г. Ю. Эггерс, археолог из ФРГ, в 1950 г. первым обратил внимание на качественные отличия *живого* культурного достояния (*lebendes Gut*), изучаемого этнографами (и наблюдавшегося древними информаторами современных источников), от *мертвого* достояния (*totes Gut*), попадающего к археологам.⁶⁰ Ведь на свалку и в отложения мусора у жилищ чаще попадали не те вещи, которые наиболее интенсивно использовались в жизни, а те, что чаще ломались или были слишком редко нужны и слишком просты в производстве, чтобы их стоило беречь. Металлические изделия служили долго; сломанные и сточенные, они не выбрасывались, а отдавались в переплавку. Горшки же разбивались, то и дело и попадали на помойку.

Покойника клали в могилу не в той одежде и нередко не с теми вещами, которыми он обычно пользовался при жизни (живые христиане не расхаживают в саванах). В мир иной умершему давали снаряжение, особо подобранное соответственно традиционному ритуалу, а то и специально изготовленное. В ином женском погребении бронзового века Центральной Европы набор украшений весит столько, что стоять в нем было бы не под силу, в нем можно только лежать. Золотые украшения скифов и сарматов не всегда литые — нередко они только покрыты тончайшей золотой фольгой с оттиснутым в ней выпуклым изображением. Носить такие украшения было рискованно: тотчас бы помялись. А вот для помещения в могилу годятся: и вид великолепный и расход драгоценного металла невелик. В погребении вождя скифского времени на Алтае (Пазырыкские курганы), как установлено проф. М. П. Грязновым, деревянные детали узды для каждого из 9 коней изготовлены отдельным мастером. По-видимому, кони при-

⁵⁹ Clark G. *Archaeology and society*. London, 1939, p. 50—85 (глава IV. Сохранность).

⁶⁰ Eggers H.-J. *Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte*. — In: *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft*, p. 49—59.

несены в погребальную жертву подвластными соплеменниками, но вряд ли вождь при жизни пользовался столь пестрой, сборной утварью. Таким образом, при трансформации живой культуры в мертвую изменялся ее состав, менялись пропорции ее компонентов.

Тогда же и особенно позже, в 1959 г., Эггерс добавил соображения о последующих изменениях, происходящих с мертвой культурой после ее отложения (так сказать, после ее упокоения в земле или на земле или под водой). В сущности он подвел читателя к выводу (хотя и не сформулировал этот вывод в таком виде), что как бы от *живой культуры* ни отличалась *мертвая культура*, еще больше отличается третье состояние культуры: остатки *давно умершей культуры* — состояние, в котором она, собственно, и достается археологам⁶¹ (термин для изменений, приводящих к этому состоянию, недавно предложил Дэвид Кларк: «постдепозиционные», англ. *post-depositional* — после отложения).⁶²

Ведь разрушения, поражающие мертвую культуру, действуют на нее избирательно: разные материалы по-разному выдерживают длительное действие стихий. Металлы разрушаются от коррозии, древесина рассыпается в тлен, кости сохраняются лучше, а камень и керамика устойчиво противостоят времени. Это усугубляет диспропорцию между металлом и керамикой в культурных остатках. Археологи застают руины поселений почти лишенными металла, но это не значит, что его не было в живом обиходе. В то же время эти поселения перенасыщены керамикой, ее буквально горы, но это вовсе не значит, что когда поселение жило, в домах находилась вся эта уйма глиняной посуды сразу.

Изменяется не только состав мертвого культурного достояния, но и его расположение и структура. Река подмывает городище, перемещает его остатки, береговую дюну переувлажняет ветер, и вот уже наслаения разных эпох, вкрапленные в песок, перемешаны в одну россыпь. Еще чаще резкие изменения вносит деятельность людей: перекопы старых отложений на городище (хозяйственными ямами, колодцами, котлованами для жилищ и т. п.), выборка грунта для укреплений, расчистка руин и нивелировка, вторичное использование крепких деталей, ограбление богатых могил и т. д.

Советский археолог Ю. Н. Захарук также пришел к выводу, что «следам и остаткам результатов деятельности прошлых, уже не существующих обществ», присущи «специфическая природа и принципиальное отличие от результатов деятельности реально функционирующих обществ в их органической связи с живой динамичной культурой».⁶³ Важнейшие различия Захарук свел в следующую таблицу (см. табл. VI).

Оба исследователя — и Эггерс и Захарук — определяя специфику археологических источников, их принадлежность к мертвой культуре, упустили включить в специфику также их особую закодированность — их *вещественность*, и тем ослабили методическую результативность своих заключений. Кроме того, в перечне специфических черт древностей теряется (если не ускользнула из него вообще) некая главная черта — основа остальных, первопричина всех отмеченных различий. В самом деле, почему древности принципиально отличаются от позд-

⁶¹ Eggers H. J. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959, p. 262—270.

⁶² Clarke D. L. Archaeology: the loss of innocence. — «Antiquity», 1973, vol. 47, p. 6—18.

⁶³ Захарук Ю. Н. К вопросу о предмете и процедуре археологического исследования. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 4—6. — Под «диагностичностью» этот автор понимает понятность, опознаваемость компонента, возможность определить его функциональное назначение и место в системе; под «компрессией» автор имеет в виду сжатость компонентов, взаимопроникновение разновременных отложений.

них источников по своим особенностям в плане методики? Ближе всего подводит к решению отмеченное Захаруком различие в «диагностичности».

Т а б л и ц а VI Различия между живой и мертвой культурами
(по Ю. Н. Захаруку)

Характеристика феноменов	Современные культуры	Прошлые культуры (следы и остатки)
Тип системы	Динамические	Статичные
Источник развития	Внутренний	Внешний
Наличие компонентов	Полное	Выборочное
Состояние компонентов	Целостное	Фрагментарное
Диагностичность компонентов	Полная	Частичная
Связь между компонентами	Органичная	Агрегативная
Временной статус отдельных культурных компонентов	Непосредственно определяемый	Характеризуется комплексней

8. Материальные древности

— Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни! — сказал Король.

— Забудешь, — откликнулась Королева, — если не запишешь в записную книжку.

Диагностичность, т. е. понятность, опознаваемость, определимость древностей резко снижена по сравнению с источниками позднего происхождения. Эти поздние более или менее знакомы исследователю или его современникам — сами или их очевидные аналоги, близко родственные вещи. Испытаны их функции, познаны связи, известно место в системе культуры. Это могут быть и довольно старые вещи, давно бытующие, даже давно вышедшие из обихода, но если такая информация о них сохранилась в памяти живущих людей, то это не древности. В категорию *древностей* отойдут те вещи, относительно которых эта информация утрачена или сильно пострадала.

Русская терминология оказалась тут богаче и тоньше, точнее западной. В западных языках различается только один информационный рубеж среди памятников культуры. Он отделяет от современных или вообще поздних объектов те, что дошли из глубины веков и именуются «древностями» (англ. antiquities, франц. antiquités, нем. Altertümer). Эта упрощенность скрадывает разницу между подходами археологов и этнографов к вещественным памятникам прошлого. Проще было бы обойтись в терминологии одним рубежом, т. е. делением на двое, если бы древности отошли к археологии, а современные вещи к этнографии. Но ведь этнография изучает не только вещи современного быта!

Эггерс ощущал эту нехватку понятия и в свою терминологию ввел между «живой культурой» и «мертвой культурой» еще одну — «умирающую культуру» (sterbendes Gut), обозначив так устаревшую, отживающую часть «живой культуры». Рубеж между вполне живой и едва живой (т. е. «умирающей») проходит в разных частях культуры на разной глубине. Если повседневная одежда полностью обновляется в массе каждые пять лет, а мебель — с каждым поколением, то столовое серебро и женские драгоценные украшения (перстни, ожерелья, броши) живут в семье несколько поколений — около века — и считаются

годными к употреблению. Изредка, однако, сохраняются в обиходе и вещи, возраст которых превышает этот рубеж, они воспринимаются как сугубо старомодные («altmodisch»). По немецким этнографическим коллекциям из б. Померании Эггерс заметил, что и это состояние имеет предельный возраст, и тоже неодинаковый в разных частях культуры.⁶⁴ Иными словами, есть у «умирающей культуры» также противоположный край, за которым вещи уже не применяются в живом обиходе, не сохраняются рядом и вместе с более новыми, а выпадают полностью в «мертвую культуру» и отлагаются там. В коллекциях почти не оказалось предметов сельского, крестьянского обихода старше XVIII в. Они не сохранились в быту и не попали в этнографический музей; их надо искать в археологическом. Мещанская культура горожан представлена в этнографическом музее и XVII в., отчасти XVI в. В дворянских имениях и дворцах сохранились как фамильные реликвии вещи XV в.: оружие, доспехи, инсигнии власти. Но только в церковном употреблении оказались предметы XIII в., несколько вещей XII в. и один драгоценный лагерь XI в. От X в. — нигде ничего.

Для обозначения этого (местами тысячелетнего) пласта отмирающей культуры, как ни странно, в немецком языке не нашлось общепринятого термина, а терминологические нововведения Эггерса так и остались в его индивидуальном словаре.

В русском же языке есть еще один термин — «старина», и он вписывается между двумя крайними понятиями («древности» и «современные объекты»). Старина — это все, что возникло давно и уже не соответствует современным условиям, требованиям и стандартам, все, что принадлежит к отжившим типам, но еще фигурирует в живой культуре, применяется или может применяться, так как понятно рядовым людям в своем назначении и использовании. *Вещественная старина, старинные вещи* — это вещи, технически или морально устаревшие, отживающих или отживших типов, но сохранявшиеся в живом обиходе — в употреблении или хотя бы в непрерывном владении лиц, умеющих ими пользоваться, — вплоть до момента, когда эти вещи поступили под наблюдение или были изъяты для изучения или коллекционирования. Это материалы этнографического изучения (хотя это и не все материалы этнографии). Не все старое и ветхое называют стариной. И современная по типу вещь может быть просто старой, если она изготовлена давно, а тип еще не устарел, или ветхой, если она сильно изношена и плохо сохранилась.

Более узкие понятия — «антикварные вещи» и «пережитки». *Антикварными* называются у нас старинные вещи, имеющие товарную ценность и обозначаемые с этой точки зрения. Термин «пережитки» применяется в том же смысле, что и в западных языках (англ. survival), но и там и тут он покрывает только устаревшие идеи и стереотипы поведения, а не вещи. К последним прилагается в этом значении термин «реликты».

Естественно, что больше шансов получить статус старины у памятников сравнительно недалекого прошлого, хотя не время — главный критерий в этом вопросе.

Древности — это остатки культуры прошлого (обычно далекого прошлого), отделенного от нашей жизни не только значительным интервалом времени (и здесь не это главное), но и разрывом в традиции — таким разрывом, который затрудняет понимание остатков: приходится выяснять назначение предметов, искать места фрагментов в системе целого. В известном смысле древности среди памятников культуры зани-

⁶⁴ E g g e r s H. J. Einführung. . . , S. 258—261.

мают такое же место, как ископаемые виды в биологии. *Ископаемыми* называются виды, не существующие ныне, прекратившие свое существование к началу развития биологической науки. Оба термина — и в биологии, и в истории культуры — определяются не применительно к каждому отдельному объекту, а к целой типологической совокупности: к виду в биологии, к типу в археологии. В храмах Киево-Печерской лавры может совершаться служба до сего дня, но это все же древность и объект археологии, ибо его функционирование — редкое исключение; прочие памятники этого типа и времени давно оставлены обитателями и разрушены. *Вещественные древности (древние вещи)* — это вещи, судя по их типу, давно вышедшие из употребления и брошенные в земле, на земле или под водой ко времени их обнаружения наблюдателем. Под наблюдателем здесь имеется в виду ученый или коллекционер, изъывший их из среды для использования не по прямому, первоначальному назначению, а в качестве источника информации о прошлом.

Эта оговорка нужна потому, что случалось и добывание древних вещей для использования по прямому назначению. Еще люди каменного века подбирали кремневые орудия своих предшественников, подправляли рабочий край (у археологов это называется «оживлением» орудий — франц. *avivage*) и пускали в дело. Но уже у древних римлян и славян киевской поры кремневые наконечники стрел каменного века (их находили и даже искали) именовались «громовыми стрелами». Разумелось, что они падают с неба во время грозы, и им приписывались сверхъестественные свойства — охранительные, целебные и т. п. Их толкли в порошок и принимали внутрь или носили в металлической оправе как подвеску на ожерелье. Такое ожерелье найдено при раскопках в древнем Новгороде. Чингисхан не расставался с подобным амулетом и считал, что обязан ему всеми своими победами. О таком же забвении первоначальных функций и смысла многих других типов древностей говорят связанные с ними легенды и сами их народные названия: «громовые топоры» (каменные боевые топоры III—II тыс. до н.э.), «Ивановы головки» (древнеримские серебряные монеты с профилем Цезаря, принимавшиеся за изображение отрубленной головы Св. Иоанна), «Змиевы валы» (укрепления разных эпох), «Турецкие могилы», «Шведские могилы», «Французские могилы» (курганы бронзового века и раннего средневековья), и т. д.

Итак, определяющим является именно фактор забвения. Это понимание предвосхитил английский философ XVII в. Ф. Бэкон своей красивой и богатой метафорой: «Древности — это стертая история или остатки истории, которые случайно ускользнули с потонувшего корабля времени».⁶⁵ К археологии же этот критерий применил позже его соотечественник А. Клэфем и применил очень четко: «Археология начинается там, где кончается живая память».⁶⁶ Однако эти меткие, хотя и мимолетные, наблюдения не были своевременно замечены и оценены археологами, ни в Англии, ни за ее пределами. Так и были упущены и надолго забыты, не затронув теоретическую археологию. Возникает вопрос: почему?

Вероятно, сказались несколько причин: и мимолетность высказываний, и непричастность их авторов к профессиональной археологии, и особенно игнорирование прежней археологией объяснительных задач. Если объяснения, расшифровка смысла и исторического значения памятников не требуются или не считаются важными, или не признаются возможными, то не все ли равно, сохранилась об этих памятниках живая память или нет? Тогда уравниваются перед ученым в своих

⁶⁵ Цит. по: Thomas N. A guide to prehistoric England. London, 1960, p. 11.

⁶⁶ Цит. по: Daniel G. E. The idea of prehistory. London, 1962, p. 5.

свойствах и возможностях кремневые «громовые стрелы» и пластмассовые молодежные значки, ручные рубила и казачьи сабли, трипольские глиняные «биноклевидные сосуды» и немецкие пивные кружки — все это можно коллекционировать, описывать, классифицировать, датировать, выставлять. . .

А во времена Френсиса Бэкона археология переживала этап накопления фактов, коллекционерское увлечение ценными изящными и редкостными древностями — *антиквитетами*, раритетами, «куриозами» (период антикварианизма). И позже в археологии долго преобладали задачи описательские, классификационные, систематизаторские; кроме того, исследователи выясняли позиции и передвижения вещей в пространстве и времени. Наконец, в последнее время на Западе в обстановке неверия в исторические закономерности стал модным гиперскептицизм в отношении возможностей археологии реконструировать социальные и идеологические явления прошлого, объяснять события и процессы.⁶⁷

Что же касается археологических течений, признающих закономерности в истории, и оптимистичных в отношении реконструкций и объяснений, то в этих кругах другое удерживало теоретиков от совмещения рубежа древностей (и археологии) с обрывом живой памяти. Загвоздка в том, что, как правило, память общества о делах давно минувших дней не обрывается враз, она угасает постепенно. А с нею и объяснительные возможности должны убывать постепенно. Плавно должна слабеть диагностичность! Если так, то изменения на этой шкале оказываются количественными и притом плавными. Это значит, что рубеж можно установить только условный или скользящий.

Только недавние исследования в семиотике показали, что это не так. Советский археолог В. Б. Ковалевская тонким математическим анализом установила, что изученная ею знаковая система археологического материала (украшения поясных наборов степных кочевников раннего средневековья) содержит избыточную информацию, т. е. больше сигналов, чем необходимо было древним людям, чтобы понять заложенный в вещи смысл. Это позволяло понимать смысл и в тяжелых условиях (при частичном разрушении и т. п.) и тем усиливало надежность и живучесть системы. Так вот избыточная информация знаковой системы в археологическом материале оказалась количественно такой же, какую ранее измерения обнаружили в естественных (словесных) языках — русском, английском, немецком (около 80%). Следовательно, оптимальная избыточность (такая, чтобы было с достаточным запасом, но не слишком расточительно) оказывается примерно одинаковой для основных знаковых систем, работающих в социальном общении. Это говорит о том, что в них действуют общие закономерности понимания (социальные и психологические).⁶⁸

А советские психологи (Р. М. Фрумкина и др.) также недавними исследованиями установили на языковом материале, что при плавном убывании информации (например, при постепенном разрушении текста) понимание нарушается не столь же постепенно, а скачком: сначала слабеет медленно и вдруг исчезает совсем. То есть познаваемость подчиняется диалектическому закону перехода количественных накоплений в качественный сдвиг. Если разрушения текста затрагивают не более 30% его слов, оставляя 70% в сохранности, текст еще можно понять; если разрушено больше — текст невразумителен. Видимо, этот феномен

⁶⁷ Клейн Л. С. Проблема смены культур в современных археологических теориях. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 8, с. 95—103.

⁶⁸ Ковалевская В. Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI—IX вв. как знаковой системы. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 144—145.

не ограничен языком. Языковедам это открытие помогает совершенствовать обучение иностранным языкам: указывает, какой минимум слов надо выучить, чтобы, зная грамматику, понимать текст (оказывается, совсем немного: всего около 2500 наиболее употребительных слов составляют в среднем эти 70% любого текста).⁶⁹ Археологам же открытие порога понимания позволяет поймать, наконец, критерий отдаления древностей от старины. Пусть п а м я т ь о вещах угасает постепенно, но вот понимание (диагностичность) при этом снижается не столь же постепенно, а падает рывком. Здесь забывание трудно измерить и порог трудно определить количественно, но ясно одно: за каким-то порогом забвения вещь становится древностью. Возникает необходимость расшифровки — нужда в археологии.

9. Специфика археологических источников

— Значит, по-твоему, ты стала другой? — сказала Гусеница.

— Да, сударыня, — отвечала Алиса, — и это очень грустно. Все время меняюсь и ничего не помню.

— Чего не помнишь? — спросила Гусеница.

— Ничего! — сказала с тоской Алиса.

О специфике археологических источников писалось немало. Весь ход исследований наталкивал на вывод о том, что такая есть. И все же она все снова и снова ставилась под вопрос. Подвергались сомнению ее существование или ее определимость, или ее важность.

Теперь мы видим, что самые глубокие разделительные критерии нельзя было ухватить без (и до) развития семиотического подхода. Поэтому исследователи, подходя стихийно к определению, обычно останавливались на признаках, которые и не могли привести к плодотворному разделению. Не могли потому, что это были признаки с кажущейся, ложной (для данного материала) разделительной способностью — таковы указания на «ненамеренность» и объективность *остатков* в противоположность намеренности и тенденциозности *предания*. Или это были признаки слабые, узкого охвата, необязательные, например «погребенность» (это исключило бы из археологических источников петроглифы и древнерусские церкви). Или это были признаки, расплывчато сформулированные, нечеткие (внешний вид, характер, материальность и т. п.). Или же, наконец, это были признаки — как, скажем, неполнота, — действительно присущие археологическим источникам, но отделяющие их в функции исторических источников не от других основных категорий исторических источников (в частности, от письменных), а только от некоторых разновидностей (от современных) и то очень условно, относительно: по сути, за любыми источниками абсолютную полноту признать невозможно.

Исследователи обычно не пытались мотивировать выбор и объяснить, почему именно данный признак требует строгого обособления группы источников. Не пытались и определить, достаточно ли одного признака для обособления.

А ведь недостаточно. Это с очевидностью вытекает из приведенных выше фактов и соображений.

⁶⁹ Фрумкина Р. М. Понимание текста в условиях ограниченного знания словаря. — «Научно-техническая информация», 1965, № 4, с. 44—48; Фрумкина Р. М. и Добровиц П. Как лузировать Сименона? — «Знание — сила», 1971, № 1, с. 31, 36—37.

Археологические источники принадлежат сразу к двум более широким группам: вещам и древностям. Есть и другие вещественные источники (например, архитектурные сооружения, монеты, разбитые автомобили на месте аварии, окровавленный нож на месте преступления), часть из них — исторические. Есть и другие ископаемые и древние источники (скелеты ящеров, следы оледенений, летописи, жалованные грамоты, «законы Хаммурапи» и «Русские правды»), в числе их культурные остатки (древности). От других вещественных археологических источники отличаются тем, что они древние, от других древних — тем, что они вещественные. Именно эта двойная обособленность, видимо, важна для выделения данной группы в такую категорию источников, которая требует особой науки. Двойная обособленность создает чрезвычайную трудность познания.

Обращаясь к вещественным древностям, исследователь наталкивается на двойной разрыв: в *традициях* (между далеким прошлым и нашим временем) и в *объективности*, т. е. в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке). *Этот двойной разрыв — главная специфика археологических источников.* Справиться с двойным разрывом не значит просто удвоить усилия. Двойной разрыв создает особую, качественно новую трудность.

Сравним археологию с науками, имеющими дело каждая только с одним разрывом. Таковы этнография и древняя история.

В этнографии, когда мы берем вещь в руки, нам ясно, что за предмет перед нами — прялка, пряжка, ухват, ушат. Да, это вещи, и их надо назвать и описать — перевести информацию в другую форму, как в археологии. Конечно, сформулировать информацию, перевести ее в идеи, в слова, т. е. выделить существенное, отбросить несущественные признаки, нелегко. Это ведь можно сделать по-разному. Можно и ошибиться. Но в этнографии для преодоления этой трудности многое, так сказать, наготове. Связь вещи с действиями людей в наличии, дата известна, есть контекст функционирования. Есть весь комплекс — целое. В археологии же этого нет. Перед нами фрагменты, не связанные с жизнью и очень неопределенно связанные друг с другом. Об их назначении мы еще должны догадаться. Это сопряжено с риском и требует особых приемов исследования. В Подмосковье и смежных областях на городищах двухтысячелетнего возраста (так называемых Дьякова типа) всегда обнаруживаются небольшие глиняные диски с центровым отверстием. Одни археологи сочли их пряслицами (насадками на веретена), другие — грузиками от ткацких станков, третьи — горелками от масляных ламп, четвертые — гирьками для взвешивания зерна, пятые — предметами солнечного культа. Открыли в XIX в. Спорят до сих пор.

Обратная картина получается в истории, имеющей дело с древними письменными источниками. Здесь, как в археологии, разрыв в традиции налицо: многое забыто и непонятно современному исследователю. Но эта ущербность не так чувствительна, как в археологическом материале. Ведь она сказывается сильнее всего именно при переводе информации из вещественной формы в словесную, а историку не приходится делать эту операцию. В древних письменных источниках она осуществлена древним автором. Правда, он был скорее всего грубо тенденциозен и в отличие от современных ученых не имел столь широких интересов, столь глубокого понимания общих тенденций. Но зато в отличие от археолога он переводил не фрагменты, а целое. И он не должен был догадываться о назначении и связях: он их знал, а то и

видел — не только вещи, но и сопряженные с ними действия и события.

Таким образом, по отдельности любой из обоих разрывов хотя и затрудняет познание, но не так уж опасен. Утрата знакомства с интересующим нас контекстом компенсируется передачей спасительной информации по другому руслу: в этнографии — по руслу живого общения (с соучастием исследователя) и прямым наблюдением, в древней истории — по руслу письменного предания. И только оба разрыва вместе, в сочетании, как в археологии, приводят к радикальной изоляции ученого от прошлой действительности, к сокрушительному раздроблению целого, подчас к полной утрате смысла информации. Для его восстановления нужны какие-то внешние опоры — возможность привлечения дополнительной информации, которая бы позволила перебросить мостик от известного к неизвестному: знание смысла других археологических объектов, расшифрованных ранее; иные, неархеологические источники о той же самой прошлой действительности; общие сведения о структуре объектов, подобных изучаемым; знание законов, по которым происходят и происходят воплощение идей в вещах и превращение вещей и событий в археологические следы и остатки; и т. п. И нужна строгая и надежная методика использования этих знаний для восстановления утерянного смысла.

Вот почему только двойной разрыв требует выделения характеризующих им источников в особую категорию и создания особой науки для их изучения. И вот почему эту категорию составляют именно *древние вещественные источники* — те, которые и принято называть археологическими.

Из этих рассуждений следует, что установить строгую и единую хронологическую дату для отделения археологических объектов от неархеологических нельзя; что раскопки не обязательны для отнесения объектов и работ к археологии и не исключительны для археологии (есть раскопки без археологии и есть археология без раскопок); что некоторые исследования, относимые к археологии из-за устарелого широкого или сбивчивого понимания термина «археология», на самом деле, строго говоря, не входят в нее и не имеют на то оснований. Французский историк науки Мишель Фуко написал книгу «Археология познания».⁷⁰ Он вскрывает в ней предшествующие нынешнему пласты мыслительной культуры ученых: как ученые подходили к исследованию в XIX в., в эпоху Возрождения и еще раньше, каких принципов придерживались и т. п. Всем ясно, что «археологией» автор книги обозначил свою тематику в сугубо переносном смысле — это казус простой. А вот посложнее. Так называемая «промышленная археология» (*industrial archaeology*) могла бы войти в археологию, если бы археология была идентична истории материальной культуры, но раз это не так, то «промышленная археология» тоже должна остаться вне археологии. Это отрасль истории материальной культуры, использующая некоторые методы археологии, этнографии и музееведения. Другой пример: если археолога вместе с криминалистом приглашают как экспертов участвовать *во вскрытии* могил второй мировой войны (археолог скажет: *в раскопках*, криминалист — *в эксгумации*), то от этого их занятие еще не становится ни археологией, ни криминалистикой. Точно так же, как радиохимик, определяющий дату неолитического очага радиоуглеродным методом, трудится, хоть метод и радиохимический, не в радиохимии, а в археологии.

Таково место археологических источников среди других видов источников информации о прошлом. Такова их специфика.

⁷⁰ Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris, 1968.

ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ

1. Две программы: традиционное сравнение по объему

— Разве пять ночей теплее, чем одна? — рискнула спросить Алиса.

— В пять раз теплее, конечно!

— А может в пять раз холоднее? — заметила Алиса.

— Совершенно верно! — вскричала Черная Королева. — В пять раз теплее и в пять раз холоднее! Точно так же, как я в пять раз тебя богаче и в пять раз умнее!

Алиса вздохнула и не стала спорить.

Издавна признавалось, что при обработке источников цепь исследовательских операций — *процедурная программа*, — обязывающая археолога, оказывается более трудоемкой и более длинной, чем аналогичная программа у историка, обрабатывающего письменные источники. Но это признание относилось к начальным стадиям процедуры, а именно к добыванию и техническому препарированию источников.

Правда, историки-источниковеды тоже снаряжают экспедиции, разыскивая рукописи, тоже собирают и инвентаризируют документы, тоже консервируют и реставрируют их. Но всем известно, что так добывается лишь незначительная часть письменных источников; гораздо большую приходится не разыскивать, а отбирать из неимоверного обилия. Если же розыски и оказываются необходимы, то они не сопряжены с путешествиями по безлюдной местности, длительными и дорогими раскопками и т. д.

Все то, что у археологов образует *полевую археологию* (разведки, обследование и раскопки), *камерально-лабораторную археологию* (инвентаризация, консервация, реставрация, реконструкция, технологические анализы) и занимает больше половины времени и энергии исследователей, — все это практически не имеет сколько-нибудь внушительного (сопоставимого по объему и важности) соответствия в ряду исследовательских операций историка-источниковеда. Археологу здесь труднее. Это было очевидным для всех.

Но вот в отношении дальнейших этапов работы, т. е. кабинетного осмысления данных, результат сравнения оказывался прямо противоположным — к «выгоде археолога. *Кабинетная археология* сильно уступала кабинетной истории по пространству и убранству. Это удачно выражено ее английским названием — «археология кресла» (*chair archaeology*).

Поскольку археологические источники причислялись к остаткам, не требующим *внутренней критики* источников, критическая часть осмысления археологических источников сводилась к *внешней критике* — проверке подлинности источника и оценке обстоятельств его получения (насколько доброкачественны принятые меры по обеспечению полноты и надежности). Археологи очень редко выделяли *критику источников* в особый этап исследований и вообще редко к ней прибегали, чаще все-

го просто опускали. А уж если обращались к критике, то только к внешней.

Из теоретических книг по археологии труд немецкого археолога К. Г. Якоб-Фризена чуть ли не единственный, в котором выделен раздел «Критика памятников» («Fundkritik»),¹ но в этом разделе рассматривается исключительно внешняя критика.² Из конкретных монографических разработок кроме книги А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого затруднительно назвать какую-либо, в которой бы имелся раздел, посвященный критике. В этой книге глава «Критика источников» следует сразу за введением; в ней проводится оценка состояния, документированности и приемов добывания археологических материалов, составляющих фактуальную базу этой монографии.³ Критике источников посвящена специальная глава! В этом отношении труд рано погибших соавторов⁴ до сих пор остается классическим и образцовым. Однако и в нем критика источников сводится к внешней. Примечательно, что в обеих книгах разделы, посвященные только внешней критике источников, названы просто «Критика источников» (или «Критика памятников») безоговорочно. Одно это показывает, что какая-либо иная критика источников в археологии не предусматривалась.

В недавней статье А. А. Формозова, так и озаглавленной «О критике источников в археологии», отмечается, что игнорирование задач критики стало опасной тенденцией в нашей науке. По заключению Формозова, «в археологической литературе достаточно обычными стали стремление получить от материала неизмеримо больше, чем в нем на деле содержится, и манера изложения, при которой читатели не в состоянии проверить степень обоснованности выводов автора... Перед нами черта, свойственная не какой-то небольшой категории ученых, а очень многим из них. Всех их объединяет убеждение в том, что при отсутствии надежных фактов надо использовать любые другие, хотя бы и крайне сомнительные».⁵ Автор полагает, что корни этой тенденции кроются в попытках возместить кажущуюся неактуальность археологии широтой проблем и смелыми решениями, скороспелым превращением археологического исследования в «главы древней истории». Видимо, можно было бы поставить вопрос и о неверном понимании задач и границ археологии, об отождествлении ее предмета с предметом истории.⁶ «Самое печальное при этом то, — добавляет Формозов, — что существо вопроса совершенно не осознается многими археологами... Что же можно противопоставить отмеченной нами безусловно опасной тенденции? Только одно — критику. Профессиональную критику источников, отделяющую доброкачественные материалы от недоброкачественных... Критика источников для нас, археологов, — сегодня первостепенная задача».⁷

Все это разумно и сказано своевременно. Однако ведь и Формозов имеет в виду только внешнюю критику и вдобавок не очень четко от-

¹ Fundkritik — букв. «критика находок». Однако в археологии немецкий термин «Fund» переводится не только как «находка», но и как «комплекс», «памятник».

² Jacob-Friesen K. H. Grundfragen der Urgeschichtsforschung. Völker, Rassen und Kulturen. Hannover, 1928, S. 98—101.

³ Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. — Изв. ГАИМК, 1935, вып. 119, с. 14—31.

⁴ В годы Великой Отечественной войны А. П. Круглов погиб на фронте, Г. В. Подгаецкий умер от голода в осажденном Ленинграде.

⁵ Формозов А. А. О критике источников в археологии. — «Советская археология», 1977, № 1, с. 9.

⁶ Клейн Л. С. Предмет археологии. — В кн.: Древнейшая история Южной Сибири. Кемерово, 1978.

⁷ Формозов А. А. О критике... — «Советская археология», 1977, № 1, с. 11—13.

деляет ее от «критики работ наших коллег», задачам которой уделена примерно половина его статьи. В этой части речь идет, собственно, не о критике источников в археологии, а о критике исследований в археологии.

Так обстоит дело с критикой источников — она выглядит в археологии сугубо стяженной по сравнению с письменным источниковедением.

Еще более урезанным оказалось в археологии толкование источников. Не очень четко разработанное и в письменном источниковедении, у археологов оно как-то вовсе потерялось. Первой части толкования письменных источников — переводу — вроде не нашлось соответствия в обработке археологических: считалось, что переводить с одного языка на другой их не приходится. «Язык археологических источников, — пишет Я. А. Шер, — имеет свой словарь. Это словарь универсальный, и он не требует „перевода“: знак связан с вещью».⁸ А расшифровка их содержания (вторая часть толкования) показалась гораздо более простой и легкой, чем в изучении письменных источников: под рукой ведь этнографические параллели, надо лишь упорядочить их розыск и удостовериться в близости аналогии.

Правда, у археологов есть еще описательные и классификационные операции, чрезвычайно трудоемкие. Один видный археолог-теоретик прикинул даже, что «80 или 90 процентов времени и энергии (имеется в виду кабинетной работы. — Л. К.) археолога проводится в классификации его материала». Но он же продолжил: «...а остальные 10 или 20 процентов проводятся в стараниях сделать что-нибудь более интеллигентное и путное с полученными категориями».⁹ Стало быть, эти описательные и классификационные операции вместе со стратификацией, картографированием и датировкой, хоть и относились к кабинетной работе археолога, занятием безусловно «интеллигентным» не считались.

Получалась такая последовательность: а) критика источников — только внешняя (да и то большей частью опускалась); б) описание — произвольное; в) классификация (она же типология) с априорной иерархией критериев (и соответственной последовательностью шагов), претендующая на универсальность; г) установление пространственно-временных отношений (стратиграфия — картографирование — датировка); д) историческая (а также социологическая и этническая) интерпретация с помощью этнографических аналогий.

Словом, интерпретационная часть археологической процедуры исследования представлялась гораздо более простой, короткой и доступной, чем аналогичная часть работы историка, изучающего письменные источники. Казалось, очевидным, что понимание и использование информации археологических источников требует куда меньшей загрузки интеллекта, чем исследование письменных источников, и эту общую убежденность выражал афоризм, популярный среди американских ученых: археологи — это антропологи (или историки), у которых серого вещества больше под ногтями, чем между ушами.¹⁰

2. Пересмотр сравнения по объему

Последние десятилетия совершенно перевернули эту картину. Прежде всего сказалась отмеченная уже тенденция смягчить карди-

⁸ Шер Я. А. Типологический метод в археологии и статистика. — Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966, с. 258.

⁹ Chan g K. C. Rethinking archaeology. New York, 1967, p. 71.

¹⁰ Deetz J. Must archaeologists dig? — In: Man's imprint from the past. Ed. by J. Deetz. Boston, 1971, p. 3.

нальное противопоставление остатков преданию. Отпали основания освобождать остатки (и в их числе археологические источники) от обязанности проходить внутреннюю критику источников.

К тому же среди археологов США и Западной Европы в послевоенное время распространилось сомнение в объективности археологических источников и в познаваемости прошлого по ним.¹¹

В этой обстановке западногерманский археолог Г. Ю. Эггерс четко сформулировал положение о том, что содержание даже подлинных археологических источников не совпадает точка в точку с действительным ходом культурно-исторического процесса, с реальным прошлым. Эггерс выдвинул требование *внутренней критики* и для археологических источников.

Он напомнил, что ни один историк не станет принимать житие святого или труд Геродота за непреложную историческую истину, даже если бы в наших руках оказались собственноручные тетради древнего автора. «Ибо историки с давних пор знают: каждый письменный источник тенденциозен! Но большинство наших нынешних археологов все еще... пребывает в глубокой вере, что их „вещественные свидетельства“ суть правдивые „объективные“ источники, чуждые любой сознательной „тенденции“. Это ни в коем случае не так! И археологические памятники могут лгать!»¹²

Эггерс показал, что люди, оставившие археологические памятники (например, погребения, стелы, некоторые виды кладов), нередко формировали их для кого-то: богов, соседей, потомков, собственных соплеменников и современников, словом, имели в виду определенный адресат. В этом случае они сознательно подбирали и подправляли информацию, вкладываемую в «вещественные свидетельства», — одедали покойников не в будничные костюмы, сооружали курган в отсутствие покойника (чье тело не найдено), обманывали богов «подделками» в жертвоприношениях и т. п. Но и когда не было ни адресата, ни сознательной тенденциозности, люди все же произвольно отбирали и компоновали «вещественные свидетельства» о своем житье-бытье так, что картина получалась неполной, искаженной. Люди не всякие вещи с равным безразличием теряли или выбрасывали на помойку, даже в случае порчи (металл отдавали в переплавку). Не заботясь о нуждах археологов, сносили часть руин, выметали сор из избы (хотя опять же с разным тщанием), перемешивали остатки разного времени. Человек, по выражению Эггерса, «нарушает „нормальный“ ход событий и вносит „субъективный“ элемент».¹³

Говоря о погребениях, Эггерс резюмирует: «...погребения содержат не „объективный“ разрез сквозь совокупность типов, бывших в ходу на определенной территории в известный момент, а совершенно субъективную вырезку из наличия типов живой некогда культуры. Так что дело идет здесь о вполне сознательном волеизъявлении и человека, об обычае, который мог изменяться от страны к стране (разрядка моя. — Л. К.)».¹⁴ Конечно, это преувеличение субъективности, произвольности источника. Обычай (коль скоро о нем идет речь) диктовал членам первобытной общины поведение весьма строго. Социальные законы и природные условия создавали суровую необходимость поступать так-то и нередко оставляли свободу выбора лишь в весьма узких пределах. Так что, конечно, и «волеизъявление»

¹¹ См. об этом: Клейн Л. С. Проблема смены культур в современных археологических теориях. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 8, с. 95—103.

¹² Eggers H. J. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte. — In: Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Heidelberg, 1950, S. 49—59.

¹³ Ibid., S. 53.

¹⁴ Eggers H. J. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959, S. 265.

было не «вполне сознательным», и «вырезка» была не «совершенно субъективной». Но элемент тенденциозности, нарушения объективности передачи (и в этом смысле элемент субъективности) был. Вносил его человек прошлого — субъект истории.

Воздействие стихий на культурные остатки также приводит к потерям информации и искажению картины прошлого, отображенной в археологических источниках: истлевают деревянные детали, разбедается ржавчиной железо, земляные насыпи подвергаются размыву и переувлажнению. Казалось бы, здесь не примешиваются ничьи субъективные представления, не проявляется чья-то злая воля, чья-то тенденциозность (так и трактует это Эггерс). Но и объективной такую информацию не назовешь: она ведь не дает вполне адекватного отражения прошлой действительности. К тому же эффекту приводят неполнота и некоторая неопределенность, неизбежные у археологических источников: эти источники фрагментированы, лакунарны, односторонни, они представляют лишь часть прошлой действительности. В любом случае они требуют реконструкции и предполагают гипотетичность этой реконструкции, т. е. допускают не одну, а ряд реконструкций, пусть даже с различной вероятностью.

Современные исследователи склонны забывать эту множественность допустимых реконструкций, склонны преуменьшать гипотетичность, полагаясь на функциональную взаимосвязанность компонентов в системе культуры, на регулярность культурных процессов, на закономерность соответствий формы содержанию.¹⁵ При этом забывают носительскую неопределенность значений, органически присущую культуре и основанную на условности и свободе выбора символов, форм, средств,¹⁶ забывают полифункциональность, многозначность и разнопричинность многих явлений культуры.¹⁷ Зная, что в прошлом все дошедшие до нас фрагменты некоего объекта составляли в каком-то плане только одну конфигурацию, исследователи делают из этого вывод, что только одна реконструкция из всех возможных является правильной, остальные — неправильными.¹⁸ Руководствуясь этой установкой и опираясь на авторитетные перечни закономерных соответствий, на известные статистические вероятности, просто на стереотипы «здорового смысла», исследователи стремятся как можно раньше выявить и избрать эту «правильную» реконструкцию и в дальнейшем продвижении исходить уже из этого выбора. Между тем наличных данных чаще всего недостаточно для такого выбора и обычно еще очень далеко до уровня, на котором только одну из реконструкций можно будет признать единственно правильной, если такой уровень вообще в данной конкретной ситуации практически достигим. Истинная в абсолютном смысле картина прошлого действительно одна, но правильными с точки зрения методически обоснованного движения к этой истине может быть несколько таких картин. Поспешные осмысления археологических фактов основаны на упрощенных и шаблонных увязках, которые чаще всего оказываются иллюзиями.¹⁹

¹⁵ Типичные примеры таких рассуждений см.: Арциховский А. В. Новые методы в археологии. — Вестн. Коммунистической академии, 1929, № 35—36, с. 322—325; Binford L. R. Archaeological perspectives. — In: S. R. Binford and L. R. Binford (eds.). *New perspectives in archaeology*. Chicago, 1968, p. 21—22, 24—25.

¹⁶ Клейн Л. С. Культура и искусство (генезис, функции, связь). — В кн.: *Искусство в системе культуры*. М., 1978.

¹⁷ Коббел А. С. F. Why exceptions? — «*Current Anthropology*», 1967, vol. 8, N 1, p. 3—34.

¹⁸ Захарук Ю. Н. О методологии археологической науки и ее проблемах. — «Советская археология», 1969, № 3, с. 16—17.

¹⁹ Moberg C.-A. *Introduktion till archeologi*. Stockholm, 1969, S. 136—139;

Как сказал историк Ф. Грирсон, «лопата не может лгать, но она обязана этим достоинством отчасти тому, что не может говорить».²⁰ За нее говорит археолог и... нет, не лжет, но частенько ошибается.

Таким образом, и в эту информацию примешивается субъективный элемент, но его вносит туда уже не человек прошлого (субъект истории), а исследователь — субъект науки. С точки зрения современной трактовки научного познания в этом нет ничего удивительного: археологический факт теперь не приравняется к чистому событию или остатку прошлого, а рассматривается как результат освоения этого события сознанием исследователя;²¹ археологический источник рассматривается как результат исследовательской обработки предисточника. Внедрение субъективности современного исследователя оказывается неизбежным, и необходимо предусмотреть специальные *критические* операции по очистке информации от этих субъективных помех.

Осознание этой вторичной субъективности археологических источников шло в археологии параллельно с дискредитацией прямолинейных эволюционистских толкований материала. По ним современные отсталые группы населения трактовались как живые ископаемые, а их быт — как точное повторение, живая иллюстрация и образец для реконструкции первобытных форм существования. Теперь общепризнано, что история никогда не повторяется точно, что современные отсталые группы все же далеко ушли от преисторического состояния (хотя и в ином направлении, чем передовые группы), что готовых картин для прямого переноса в прошлое этнография не дает археологии.²² А это значит, что *толкование*, казавшееся столь простым, нельзя свести к подысканию этнографических соответствий археологическим фактам. Требуется расчлнять те и другие, выяснять функциональные связи, строить и сопоставлять системы, словом, нужна сложная и пространная процедура.

Выделяя типы вещей, археологи руководствовались догадками о функциональном назначении этих вещей: техническом (нож, наконечник стрелы, резец, скребок) и знаковым (обозначение социального статуса, средство этнического опознавания, сигнал о ситуации, носитель стилистической солидаризации, выразитель психологических предпочтений и т. п.). Все это выражалось формами изделий в каждой культуре по-своему.

В связи с более осторожным подходом к осмыслению археологических материалов, к определению давнего назначения вещей по современным аналогиям археологи стали гораздо более сдержанными в выявлении древних типов вещей и сооружений, стали меньше полагаться в этом деле на интуицию и обыденный здравый смысл. Если современные аналогии не могут непосредственно и сразу служить надежными критериями для опознания функций древних вещей, то выявление древних типов превращается в неимоверно трудную задачу: ведь выделять и группировать вещи можно по-разному, в зависимости от того, опираться ли на самые яркие, выдающиеся предметы или, наоборот, — на

Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975. с. 100—101 (раздел: Интерпретационные «штампы»).

²⁰ Grierson Ph. Commerce in the Dark Ages: a critique of the evidence. — In: Studies in economic anthropology. Ed. by G. Dalton. Washington, 1971, p. 76.

²¹ Ср.: Мерзон Л. С. Проблема научного факта. Л., 1972; Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? — В кн.: Источниковедение. М., 1969, с. 59—88; Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, с. 102—117; Викторов В. Д. Археологический факт. — В кн.: Вопросы археологии Урала, вып. 13. Свердловск, 1975, с. 17—26.

²² Ascher R. Analogy in archaeological interpretation. — «Southwestern Journal of Anthropology», 1961, vol. 17, p. 317—325.

самые заурядные, «средние», стандартные; объединять предметы по самым редким особенностям или по самым распространенным, массовым; каким качествам придавать при этом решающее значение (весу, длине, цвету, остроте, твердости, полированности и т. п.). Надо бы знать, по каким из этих качеств выделяли и группировали вещи сами их создатели и древние владельцы, а для этого нужно изучать контексты, в которых вещи оказались, анализировать сходства и различия вещей по отдельным признакам, проследивать распространение этих признаков и т. д., словом, применять сложную, длительную продуманную процедуру.²³

Археологи недавнего прошлого не отличали выделение типов (типизацию, построение типологии) от сортировки материала — разбивки по классам (классификации), безразлично оперируя названиями «тип» и «класс». Им представлялось, что это одно и то же. Они не замечали, что зачастую в культуре и, следовательно, в археологическом материале реальная группировка вещей по сходствам и различиям, имеющим смысл для данной культуры, очень пластична (расплывчатая, текучая, лишена резких границ), многомерна и относительна (по одним показателям — так, по другим — иначе).²⁴ Такая реальная группировка, если ее придерживаться, просто не позволяет распределить вещи однозначно, уверенно и без остатка по ячейкам жесткой, единообразной, логически строгой классификационной сетки, без взаимоналожения ячеек. А именно такая сетка необходима в деле практической сортировки материала, удобной для последующего быстрого розыска нужной информации. Значит, при такой сортировке придется отвлечься от культурно-значимых связей вещей в материале и предпринять условную, искусственную разбивку по броским признакам. Типологию же придется строить отдельно.²⁵ Это разграничение задач уже начало устранять сбивчивость, но, конечно, увеличило объем работы.

Совершенно неожиданные трудности возникли в начальной фазе процедуры — в операциях описания. Пока выделение типов делалось на глазок, а в установлении связей между ними и в подборе этнографических аналогий археологи руководствовались интуицией и «здравым смыслом», пока они мирились с произволом в расположении и порядке описания вещи, их вполне устраивал обиходный словесный язык и не очень беспокоила его зыбкость, слитность и нечеткость. Для лучшего понимания к словесным описаниям добавлялись фото, чертежи и рисунки.

Но вот в середине XX в. началось бурное внедрение математических методов в археологию. К выделению типов и установлению связей стали применять комбинаторику и статистику (с 50-х годов).²⁶ В 1960 г. в археологических исследованиях впервые был использован компьютер. Для всех этих работ требовалось иное, незнакомое еще археологам состояние исходного материала. Материал необходимо бы-

²³ Chang K. C. Rethinking archaeology. New York, 1967. p. 71—83; Hill J. N., Evans R. K. A model for classification and typology. — In: D. L. Clarke (ed.) Models in archaeology. London, 1972, p. 231—269.

²⁴ Ford J. A. The type concept revisited. — «American Anthropologist», 1954, vol. 56, p. 42—53; Форд Дж. Количественный метод установления археологической хронологии. — «Советская этнография», 1962, № 1, с. 32—43.

²⁵ Грязнов М. П. Классификация, тип, культура. — В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1968, с. 18—22.

²⁶ Bordes F. Principe d'une méthode d'études des techniques de débitage de la typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. — «L'Anthropologie», 1950, t. LIV, p. 19—34; Spaulding A. C. Statistical technics for the discovery of artifact types. — «American Antiquity», 1953, vol. 18, N 4, p. 305—313; Ковалевская (Деопик) В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. — МИА СССР, 1965, № 129, с. 286—301.

ло представить строго расчлененным на простые элементы, единообразно расположенным, точно измеренным, и всю эту информацию надлежало объективно зарегистрировать в однозначной терминологии и недвусмысленных формулировках. «Крупный топор с изящными очертаниями лезвия и хорошо проработанным обушком» — такое описание совершенно непригодно для математического анализа и автоматической машинной обработки.²⁷ Какова абсолютная величина топора (или в каких пределах она расположена)? Какие именно очертания машина должна отнести к «изящным»? И т. д. Потребовались новая, более строгая организация описания и особый, формализованный язык. Оказалось, что составить его очень нелегко. Как целесообразно выделить и подобрать элементарные частицы описания? Ведь количество принципиально возможных сечений материала (и любой вещи) бесконечно. Как обеспечить объективность регистрации? Ведь наши способности ограничены, а средства регистрации (инструменты, понятия, меры, ракурсы и рамки) обусловлены целями и априорными представлениями исследователя. Сложилась новая отрасль археологической методологии — *дескриптивная археология* (от лат. *descriptio* — описание).²⁸

Словом, все эти «чисто технические вопросы» обработки оказались отнюдь не «чисто техническими». Они потребовали напряженной работы мысли, глубокого теоретического продумывания и серьезного усложнения соответствующей части исследовательской процедуры.

Теперь процедура археологического исследования оказалась на всем протяжении гораздо более сложной и громоздкой, чем процедура исторического исследования. Да и могло ли быть иначе? Археологические источники явно более скрытны, чем письменные. Интерпретация первых казалась легче лишь до тех пор, пока от них соглашались получать заведомо гораздо более скромную информацию, чем от письменных источников, или пока удовлетворялись меньшей надежностью выводов, не замечая, сколь они шатки. Требовательность повысилась — и процедура археологического исследования намного превзошла по сложности и трудоемкости процедуру анализа письменных источников.

3. Две программы: сравнение по структуре

Можно обнаружить известный параллелизм обеих процедур, установить взаимные функциональные соответствия их этапов. Но тут же выясняется, что по роли, а то и по месту этих этапов в процедуре, по их уделу и содержанию обе процедуры весьма различны. Сопоставим обе процедуры, исходя для начала из той логической последовательности, которую предусматривал Шлецер. Три раздела: малая (внешняя) критика, толкование, высшая (внутренняя) критика, — в каждом разделе по два этапа (табл. VII).

Выше уже было отмечено, что процедура обработки письменных источников практически отошла от этой идеальной схемы. Отход выразился больше всего в том, что толкование не удержалось в среднем звене процедуры. Первый его этап, неподручный историкам и более подвластный филологам (лингвистическое толкование), оказался необходимым перед текстологическим анализом и переместился почти в самое начало процедуры, а второй этап (историческое толкование) потребовал предварительного выявления первоначальной информации

²⁷ Эмоциональную критику подобных определений и описаний содержит труд шведского археолога Мальмера: *Malmer M. P. Jungneolithische Studien*. Bonn — Lund, 1962.

²⁸ Gardin J. C. *Problèmes d'analyse descriptive en archéologie*. — «*Études Archéologiques*». Paris, 1963, p. 133—150.

Таблица VII. От структуры источниковедческого познания к процедуре исследования.

Жирными стрелками показаны перемещения разделов и операций; тонкими стрелками — продвижения информации в процессе обработки источников; пунктирными — расширение разделов

ТЕКСТОВОЕ ИСТОЧНИКОВЕДИЕНИЕ

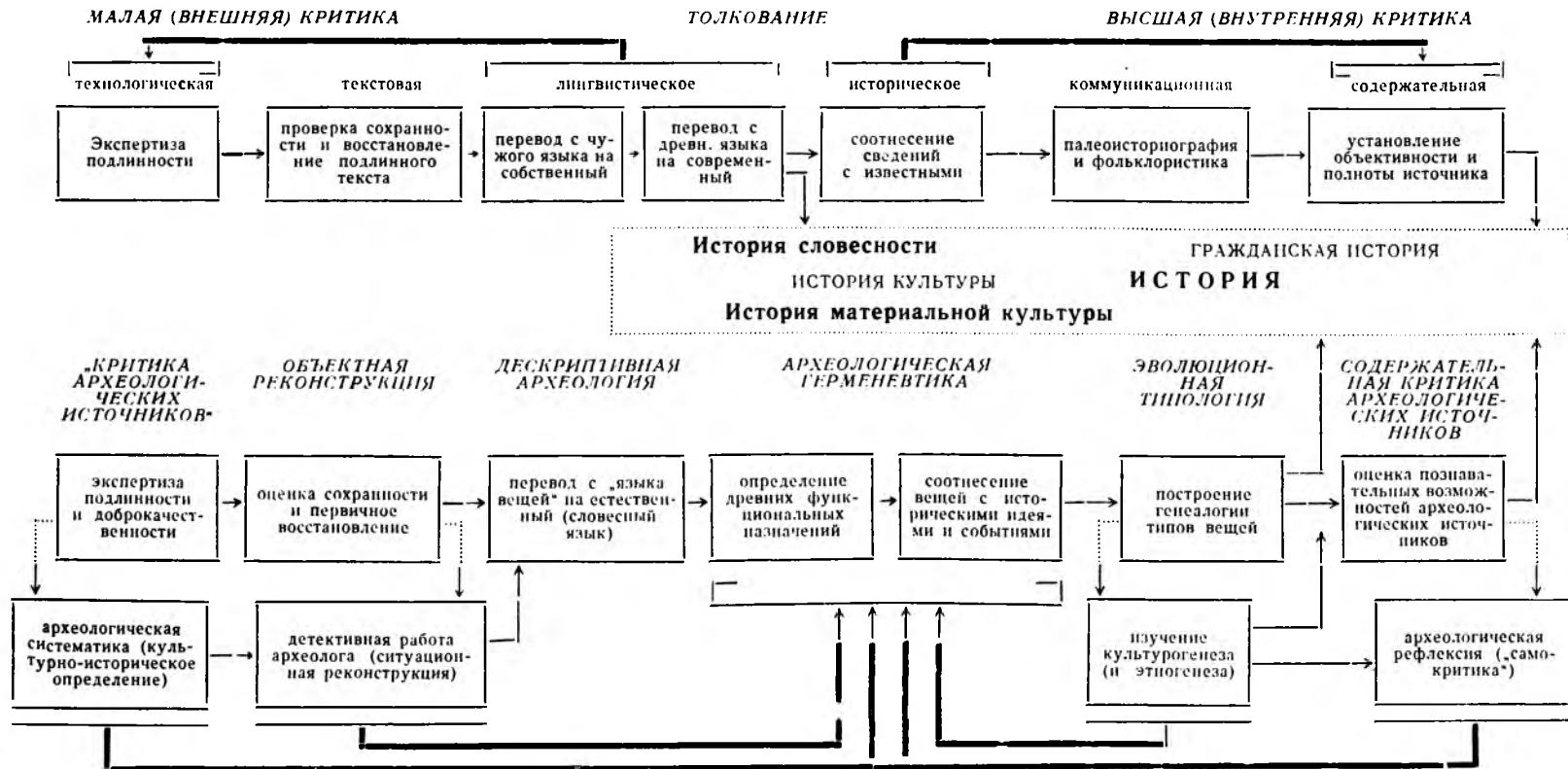

Таблица VIII. Структура источниковедческого изучения археологии

Разделы и подразделы исторического источниковедения	Малая (внешняя) критика		Толко
	Техническая	Текстовая	Лингвистиче
РАЗДЕЛЫ АРХЕОЛОГИИ	Традиционная «критика археологических источников»	Объектная реконструкция	Дескриптивная археология
СОДЕРЖАНИЕ: (МЕТОДИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ)	Экспертиза подлинности и доброкачественности источника Опознавание древности Отделение культурных объектов от природных →	Оценка сохранности и первичное восстановление вещей и сооружений →	Перевод с «языка вещей» на естественный (словесный) язык →
НЕОБХОДИМОЕ РАСШИРЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ (СОПРЯЖЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ)	Датирование Картографирование Таксономическая классификация	Восстановление конкретных ситуаций	—
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ РАЗДЕЛЫ АРХЕОЛОГИИ (С УЧЕТОМ РАСШИРЕНИЯ)	Археологическая систематика (культурно-историческое определение)	Детективная работа археолога (ситуационная реконструкция)	—
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ И ОПЕРАЦИИ	Стратиграфия Археологическая хронология Естественно-научные методы датирования	Экспериментальная археология	«Археография» (компьютерная археология)

ческих источников (в сравнении с обработкой письменных источников)

ванне		Высшая (внутренняя) критика	
ское	Историческое	Коммуникационная	Содержательная
Археологическая герменевтика		Эволюционная типология	Содержательная критика археологич. источников
Определение древних функциональных назначений	Соотнесение вещей с историческими идеями и событиями	Построение генеалогии типов вещей и сооружений	Оценка познавательных возможностей археологических источников
→	→	→	→
—	—	Прослеживание преемственности культур	Выявление вносимой (исследователями) субъективности (выверка правомерности операций)
—	—	Археологическое изучение культурогенеза (и косвенно этногенеза)	Археологическая рефлексия («самокритика»)
Трасология	Срочная археология Археологическая тафономия	Технологические анализы	Археологическая эпистемология (выявление возможностей, границ и подвохов археологического познания)

источника и переместился почти в самый конец процедуры (табл. VIII, верхн. часть).

Получилась такая последовательность: 1) техническая и формальная критика; 2) лингвистическое толкование (переводы); 3) текстовая критика; 4) коммуникационная критика; 5) историческое толкование; 6) содержательная критика.

Программа обработки археологических источников также отклонилась от эталонной схемы Шлецера, но по-иному: не части толкования «разъехались» на противоположные концы процедуры, а, наоборот, части крайних звеньев — внешней и внутренней критики — переместились поближе к середине (табл. VIII, нижн. часть). Это связано именно с тем, что, несмотря на функциональный параллелизм, этапы обеих процедур сильно различаются по характеру.

4. Сравнение функций

Алиса сказала сестре: «Давай играть, как будто мы короли и королевы». А ее сестра, которая во всем любит точность, заявила, что это невозможно, потому что их всего двое. В конце концов Алисе пришлось уступить. «Ну хорошо, — сказала она, — ты будешь одной королевой, а я — всеми остальными королями и королевами сразу!»

Внешняя критика. При внешней критике текстов *экспертиза подлинности* источника (первый этап критики) во многом отделена от проверки содержания: ведь вопрос о подлинности относится к средствам отражения, а содержание — это объекты отражения, в истории обычно отделенные от средств многими веками. В остатках же (включая вещественные источники) отражаемое и отражающее хронологически и сюжетно смыкаются. Поэтому экспертиза подлинности источника перерастает здесь в более широкую задачу *культурно-исторического выявления* объектов. Она заключается в том, чтобы удостовериться в древности объектов и в их принадлежности к человеческой культуре. Это экспертиза археологичности — проверка того, действительно ли перед нами археологические объекты (см. табл. VII).

Однако опознание древности связано с *датировкой* вообще, отделение культурных продуктов от природных и случайных связано с размещением объектов в *археологической систематике*, а это — задачи, близкие толкованию. В археологической методике для решения этих задач намечаются (хотя и не выделяются в формально обособленные дисциплины) специальные отрасли: *археологическая стратиграфия* и *археологическая хронология*. В музеях обучают и узкопрактической *экспертизе подлинности* археологических объектов как особой вспомогательной методической дисциплине. Тем не менее многие из операций этого этапа внешней критики становятся возможными только после ряда операций толкования или в связи с ними. Таким образом, всю эту часть внешней критики, соответствующую первому этапу в обработке письменных источников, приходится расчленить надвое и, оставив кое-что в начале процедуры, перенести остальное в середину, в соседство с операциями толкования (табл. VIII).

На втором этапе внешней критики письменных источников осуществляются такие операции: а) текстологическая оценка сохранности сообщения и б) восстановление письменного оригинала. Обе они не

выходят за рамки однородного историко-филологического изыскания. В обработке археологических источников этим операциям соответствуют: а) *проверка сохранности* памятника и б) *первичное восстановление* вещей, сооружений и комплексов по следам и остаткам — *объектная реконструкция*. Такое восстановление, поначалу мысленное и графическое, начинается еще в поле, при раскопках. Оно очень тесно связано с восстановлением событий и процессов — *ситуационной реконструкцией* (т. е. с *детективной работой* археолога). В археологии из-за обычной фрагментированности ее материала очень трудно отделить реконструкцию вещей от реконструкции сооружений и комплексов, реконструкцию материальных объектов — от реконструкции ситуаций. Ведь всегда очень трудно сообразить сразу и верно, что обнаружено — фрагмент или вся вещь, деталь или самостоятельное изделие, часть или целое. Да и в жизни это все относительные понятия: крышка может рассматриваться как часть сосуда, сосуд — как часть очага, очаг — как часть жилища. . . Восстанавливая структуру могилы, мы тем самым восстанавливаем действия по ее сооружению; обнаруживая и увязывая вдавления, распознаем в них либо отпечатки статичного пребывания вещей, либо следы динамических действий (ударов, шагов и т. п.). Все эти операции (табл. VII) неминуемо выходят за пределы «внешнего» разбора источника как памятника, как средства отражения, ибо затрагивают исторические события и процессы, а также культурные значения, т. е. забираются в глубины содержания. Поэтому эта часть внешней критики в археологии еще больше, чем первая, приближена к толкованию, к середине процедуры (см. табл. VIII).

Внутренняя критика. При внутренней критике текстов первый этап ее (*коммуникационная критика*) носит подсобный характер. Ведь суть выявления первоисточников средствами *фольклористики* и *палеоисториографии* заключается в том, чтобы отыскать «источники источников» и русла передачи идей, оценить надежность передачи, поставить под контроль путь информации от объектов отражения до источника. Контроль здесь осуществим благодаря тому, что объекты отражения (события, процессы и т. п.) обычно отделены от источника (летописи, жития и т. п.) значительным временем. Информация, проходя этот путь (см. табл. II) в виде устного предания или письменной традиции, оседает в некоторых местах по дороге и там фиксируется. Поэтому она оказывается не только в обследуемом, но и в других источниках, где выступает в более ранних формах. Таким образом, задача проследить путь информации от объекта к источнику выступает здесь в виде задачи проследить изменения информации от этапа к этапу, а в конечном счете — от источника к источнику. Некоторые более ранние источники (не сохранившиеся) приходится реконструировать по следам их использования в поздних.

В археологии же нет возможности проконтролировать путь информации (см. табл. III) от объектов отражения (т. е. событий, процессов, социальных структур, идеологических представлений и т. п.) до источника (т. е. до вещей). Отражаемые объекты здесь не отделены от отражающих приборов (т. е. источников) веками. Наоборот, те и другие здесь сомкнуты во времени, и в отличие от предания или традиции здесь информация, проходя этот короткий путь, нигде не оседала и в промежуточных инстанциях не фиксировалась.

Другое дело, что и археология все же в силах проследить хронологические изменения информации от источника к источнику. Те потоки идей, которые формируют облик археологических источников — вещей, выражены прежде всего типами, так что по логике эквивалентом палеоисториографии здесь оказывается *эволюционная типология*, но

функции ее иные. Да, восстанавливая развитие типов, мы тоже прослеживаем ход информации. Но это не историческая (хотя бы потенциально) информация, шедшая от объектов к источникам, а вообще культурная информация, передававшаяся от поколения к поколению. Реализуясь на этом пути в объектах, она видоизменялась от объекта к объекту. А так как в конечном счете эти объекты материализовались в вещественных источниках (следах и остатках), то в археологическом материале можно выявить хронологические изменения культурной информации от источника к источнику. Это и делает эволюционная типология.

Все же эволюционная типология в известной мере помогает очертить «первоисточник» сообщения и выверить надежность его передачи в археологическом источнике. Ведь если у историка отражение объекта в первоисточнике текста выражается выбором и связью понятий, то так же точно у археолога отражение объекта в первоначальной основе археологического материала выражается выбором и связью типов из культурной матрицы исследуемого исторического момента.²⁹ А именно эволюционная типология позволяет в принципе (при достаточной обеспеченности материалом и при его должной разработанности) восстанавить и выверить эту матрицу для каждого момента.

Однако функции эволюционной типологии археолога шире, чем функции палеоисториографии историка. Посредством эволюционной типологии изучается и само развитие материальной культуры, а не только отражение исторических событий и процессов в отдельных ее частях. Прослеживается преемственность археологических культур в надежде открыть за нею преемственность живых культур прошлого. Изучается археологическим путем культурогенез с целью построить канву для проявления конфигураций этногенеза (см. табл. VII).

По всем этим причинам эволюционная типология оказывается как бы подготовительной студией к определению культурных значений археологических фактов, т. е. к толкованию. Ясно, что ее необходимо переместить в середину программы (см. табл. VIII).

Второй этап внутренней критики текстов—содержательная критика, оценка достоверности сообщений. Она, как уже сказано, подготавливается коммуникационной критикой и связана с ней. В археологии теперь тоже признается необходимой оценка достоверности, объективности источников—критическая проверка их содержания. Но *содержательная критика* археологических источников в известной мере независима от типологии и занята главным образом *оценкой познавательных возможностей*, предоставляемых нам разными видами археологических источников (сколь репрезентативны выборки, сколь полно отражены разные стороны действительности, как преобразованы прижизненные пропорции компонентов в мертвой культуре и т. п.). Эта часть критики остается завершающей во всей процедуре источниковедческой обработки археологического материала.

К содержательной критике археологических источников на практике относят теперь и *устранение субъективности*, вносимой в источник исследователем, т. е. борьбу с модернизаторскими искажениями, с упрощенческими иллюзиями и т. п. Действительно, по функции это задача того же плана, что и оценка возможностей источника—она нацелена на *проверку достоверности сообщений*. Но по средствам это одна из задач исторического толкования, ибо сводится к установлению соответствий между археологическими реалиями и давними жизненны-

²⁹ Daniels S. G. Research design models. — In: Models in archaeology. Ed. by D. L. Clarke. London, 1972, p. 202—204.

ми явлениями. Приходится эту часть критики проводить в тесной связи с толкованием и соответственно размещать в программе (табл. VIII).

Историкам также не чуждо осознание этой задачи по отношению к своим исследованиям. Они говорят о необходимости постоянной, непрерывной рефлексии, методологической самокритики в историческом мышлении и исследовании на каждом шагу.³⁰ «Любой свой логический шаг нужно немедленно сделать объектом критики и рассмотрения из того, чтобы продвинуться дальше».³¹ Однако это требование формулируется у них очень общо, в чисто философском плане, а попытки перевести его таким в методическую практику вызывают возражения: «Неужели буквально „каждый логический шаг вперед” уже требует рефлексии? Если это так, то наука не сделает... ни шагу вперед. Она поднимет ногу, чтобы сделать этот шаг, и будет опускать ее так долго, сколько длится рефлексия, т. е. бесконечно».³²

В археологии сейчас методологическая рефлексия расщепляется: общие принципы остаются на философском уровне и переходят в этику исследователей,³³ а операциональная практика выливается в конкретные методические приемы, которые собираются в определенный узел методики. Если он и не очень отчетливо выступает отдельным этапом, то, во всяком случае, несомненно образует все более прочно утверждающуюся отрасль археологической методики. Ее разработку ориентирует и направляет *археологическая эпистемология*—отрасль теоретической археологии (на стыке с философией истории), ведающая выявлением возможностей, границ и подвохов археологического познания.³⁴

Толкование. Хотя в археологии, в отличие от письменного историко-ведения, толкование остается в середине процедурной программы, оно выглядит здесь совершенно иным не только по характеру, но и по структуре. Само деление на этапы проводится здесь иначе — рубеж между двумя этапами проходит в другом месте (см. табл. VII, VIII).

В обеих процедурах толкование складывается из трех групп операций: а) преодоление иноязычности — перевод сообщения из непривычной, чуждой знаковой системы в привычную, естественную для исследователя; б) преодоление архаичности — перевод с языка древнего на современный; в) преодоление изолированности — соотнесение полученной новой информации с известной.

При обработке текстов две первых группы операций родственны между собой: (а) перевод текста с древнего языка на современный методически почти однороден с (б) переводом с чужого языка на свой и относится тоже к *лингвистическому толкованию*, а на долю *исторического толкования* остается только третья группа — (в) соотнесение сведений с событиями. В археологии иначе. Первая группа операций — (а) перевод с языка вещей на «естественный», словесный язык (или на его общенаучный диалект) — ограничивается современным состоянием материала и не требует глубокого исторического анализа. Такая *дескриптивная археология*. Вторая же группа операций здесь смы-

³⁰ Арсеньев А. С. Историзм и логика в марксистской теории. — В кн.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 328, 330, 336—337; обсуждение, с. 349, 351—352, 365—366, 376—378, 381, 383, 388—390.

³¹ Там же, с. 330.

³² Ляховецкий Л. А. Выступление по докладу А. С. Арсеньева. — В кн.: Историческая наука..., с. 378.

³³ Ср.: G j e s s i n g G. The social responsibility of the social scientist. — «Current Anthropology», 1968, vol. 9, N 5, p. 399—400; K l e j n L. S. Comment. — Ibid., p. 415—416.

³⁴ Например: L o w t h e r G. R. Epistemology and archaeological theory. — «Current Anthropology», 1962, vol. 3, p. 495—509; K l e j n L. S. A panorama of theoretical archaeology. — «Current Anthropology», 1977, vol. 18, p. 4—5.

кается не с первой, а с третьей: (б) расшифровка древних культурных значений вещей и комплексов близко родственна (в) соотношению этих объектов с древними идеями и сведениями об исторических событиях и процессах. Это взаимосвязанные группы операций, и обе вместе они составляют *археологическую герменевтику*.

Существенны и различия в характере толкования у источниковедов-текстоведов и у археологов. При обработке текстов переводы (с одного словесного языка на другой, тоже словесный, только лучше освоенный или просто современный) носят узколингвистический характер, и обычно лингвистическое толкование отводится заботам филологов. Соответствующие операции археологов означают перевод из одной знаковой системы в другую, резко и принципиально отличную, и дескриптивная археология не является ни чисто лингвистической отраслью, ни чисто технической. Она специфична для археологии и связывает ее с математической логикой и информатикой. В самое недавнее время возникла вспомогательная дисциплина, ведающая применением компьютерной техники к археологическим исследованиям. Она тоже прежде всего связана с дескриптивной (букв. описательной) археологией и даже носит название *археографии*³⁵ (букв. описание древностей) — название явно неудачное, так как этим же термином обозначаются еще два понятия (дисциплина, ведающая изучением рукописей, и, по К. А. Мубергу, источниковедческая часть археологии). Точнее было бы называть ее просто *компьютерной археологией*.

Для расшифровки древних культурных значений вещей и комплексов (без чего немыслимо соотнести данные с историческими событиями и процессами) требуется восстановить код древней культурной системы и учесть полисемизм материальных форм. Поэтому археологическая герменевтика равнозначна историческому толкованию, входит в компетенцию специалиста по истории материальной культуры — археолога и требует серьезной теоретической разработки.

Для обслуживания этой теоретической разработки создается сейчас несколько вспомогательных дисциплин.

Поскольку широкое представление о возможных ранних явлениях культуры, оставшихся археологические памятники, дает этнография, надо бы обращаться к ней за помощью, но этнографы уделяют мало внимания тем элементам культурного достояния, которые, так сказать, выпадут в археологический осадок, и еще меньше внимания — их закономерным связям с другими более эфемерными компонентами живой культуры: это этнографам ни к чему. Археологов же специально интересует именно это, и для удовлетворения их интереса сформирована особая отрасль этнографии — *этноархеология*,³⁶ или «срочная археология» (*action archaeology*),³⁷ которая этнографическими средствами решает эти проблемы археологии.

На грани археологии и этноархеологии появляется возможность выделить и исследовать этот «осадок» археологическими средствами, сразу же проверить результаты этнографическими средствами и таким путем экспериментально выверить методы археологической герменевтики. Эту возможность предоставляет сложившаяся недавно и примыка-

³⁵ Альманах под таким названием («Archäographie»), отведенный под работы по этой дисциплине, выходит с 1969 г. в Западном Берлине.

³⁶ Кабо В. Р. Обмен и его социальная роль в первобытном обществе. — В кн.: Краткие тезисы докладов к симпозиуму теоретического семинара... (ЛОИА АН СССР). Л., 1972, с. 4; Megaw J. V. Archaeology from down under. A personal view. Leicester, 1973, p. 14.

³⁷ Kleindienst M. R. and Watson P. J. Action archaeology: the archaeological inventory of a living community.—In: «Anthropology Tomorrow», 1956, vol. 5, p. 75—78.

ющая к «срочной археологии» отрасль, которую можно было бы назвать «*археологией свежих памятников*» — раскопки поселков и прочих объектов, недавно оставленных жителями (индейцами, крестьянами), которые еще живы и у которых можно многое узнать о действительном значении следов и остатков, а также изучение кладбищ с сохранившимися архивами, надписанными памятниками и т. п.³⁸

Однако попав в землю (или оставшись без присмотра на земле), «выпавшие в осадок» элементы культуры подвергаются старению, обветшанию, разрушению по определенным законам и в зависимости от местных условий.³⁹ Такие процессы характерны не только для археологических, но и для всяких находок, извлекаемых из длительного состояния погребенности в земле или заброшенности на земле. У палеонтологов сложилась специальная отрасль по изучению этих закономерных процессов — тафономия (от греч. тафос — погребение, могила и номос — закон). Теперь предложено сформировать и *археологическую тафономию*.⁴⁰

5. Очередность операций

— Пока ты утоляешь жажду, — сказала Королева, — я размечу площадку. (Она вынула из кармана ленту с делениями и принялась вбивать в землю колышки.)

— Вот вобью еще два колышка, — сказала она, — и покажу тебе, куда идти. . .

Алиса с интересом смотрела, как она вернулась к дереву, а потом медленно пошла вдоль ряда колышков.

В итоге для примерной программы обработки археологических источников получаем такую логическую последовательность: 1) экспертиза археологичности; 2) дескриптивная археология (с аналитической классификацией); 3) объектная реконструкция; 4) детективная работа археолога (ситуационная реконструкция); 5) археологическая систематика; 6) эволюционная типология; 7) оценка познавательных возможностей источников; 8) выверка пригодности методики и понятийного аппарата; 9) археологическая герменевтика.

Из этих 9 этапов третий и четвертый в совокупности образуют блок *первичной реконструкции*, два последующих — блок *упорядочивания* (или *классификации* в широком смысле), а два предпоследних — блок *содержательной критики* источников. Вот так:

1. Экспертиза археологичности.

2. Дескриптивная археология (и аналитическая классификация).

3. Первичная реконструкция: а) объектная, б) ситуационная.

4. Упорядочивание: а) археологическая систематика, б) эволюционная типология.

5. Содержательная критика источников: а) оценка познавательных возможностей источников, б) выверка пригодности методики и понятийного аппарата.

6. Археологическая герменевтика.

³⁸ Dethlefsen E. and Deetz J. Death's heads, cherubs and willow trees: experimental archaeology in colonial cemeteries.—«American Antiquity», 1966, vol. 31, p. 502—510.

³⁹ Ascher R. Time's arrow and the archaeology of the contemporary community.—In: Settlement archaeology. Ed. by K. C. Chang. Chicago, 1968, p. 43—52.

⁴⁰ Rouse I. Analytic, synthetic, and comparative archaeology.—In: Research and theory in current archaeology. Ed. by Ch. L. Redman. New York, 1973, p. 31.

Утвердить эту последовательность как жесткую и обязательную невозможно. Предусмотренные ею отношения выводимости и зависимости относительны, могут дополняться противоположными и изменяться. Так, экспертизой подлинности желательнее предварить все остальные операции, но культурно-историческая систематика (не только ранее известных материалов, но и обрабатываемых) может дать важные опоры для проведения этой экспертизы. Археологическая систематика (установление хронологии, локализации и морфологических отношений с учетом предположительного функционального назначения вещей), конечно, образует фактуальную базу для установления генетических связей между типами — для построения эволюционной типологии, но, с другой стороны, эволюционная типология, построенная на одних лишь морфологических отношениях, способна послужить методом установления относительной хронологии — в этом случае она опережает значительную часть культурно-исторической систематики. Детективная работа археолога (ситуационная реконструкция) может быть отложена до завершения всех классификационных операций. Правда, проблематичность ее отмежевания от объектной реконструкции порождает затруднения, но зато проявится однородность всех операций оставшихся пяти первых этапов программы — все они предлагают манипулировать с вырванными из контекста предметами (или фрагментами предметов) и образуют в совокупности *археологическое вещеведение*. С детективной работы (как 6-го этапа) начнется переход к культурно-историческому осмыслению материала — *культурно-историческая интерпретация* археологического материала. Получается так:

А. Археологическое вещеведение: 1) экспертиза археологичности; 2) дескриптивная археология; 3) объектная реконструкция; 4) археологическая систематика; 5) эволюционная типология.

Б. Культурно-историческая интерпретация: 6) детективная работа археолога; 7) оценка познавательных возможностей источников; 8) выверка пригодности методики и понятийного аппарата; 9) археологическая герменевтика.

Таким образом, в расположении этапов обработки археологических источников допустима известная свобода, по-видимому, в большей мере, чем в работе над текстами.

По завершении всей этой источниковедческой обработки археологических источников полученная информация готова для использования в историческом, социологическом или культурологическом исследовании, готова для включения в синтез с результатами обработки других видов источников.

ВИДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антик — памятник — артефакт

— Меня зовут Алиса, а...

— Какое глупое имя, — нетерпеливо прервал ее Шалтай-Болтай. — Что оно значит?

— Разве имя должно что-то значить? — удивилась Алиса.

— Конечно, — ответил Шалтай-Болтай и фыркнул. — Возьмем, к примеру, мое имя! Оно выражает мою суть. Замечательную и чудесную суть. А в твоём нет никакого смысла! Ты можешь оказаться чем угодно... Ну, просто, чем угодно!

Информация, заключенная в археологических источниках, скудна и ущербна и никогда не может обеспечить нам такого представления о прошлом, которое сравнялось бы с самой прошлой жизнью. Информация, заключенная в археологических источниках, в то же время невероятно богата и разнообразна: она вполне в силах обеспечить нам познание важнейших структур и процессов прошлой действительности и даже доставляет нам знание таких сторон прошлого, которые были недоступны наблюдению и пониманию самих людей того времени. Источники эти богаты своим разнообразием и разнообразны своей ущербностью: они и ущербны-то по-разному. По-разному приходится и осмысливать их. Таким образом, разнообразие археологических источников — важная тема для их теоретического изучения.

Разнообразие источников связано с их разносторонностью, разносторонность — с поливалентностью, со сложностью связей в системе понятий, с обилием аспектов рассмотрения. Археологические источники — не только источники, они выступают перед археологом и другими своими сторонами, и это совсем не безразлично для их функции как источников. А повертываясь к археологу своими различными сторонами, эта сложная масса — «археологические источники» — по-разному делится, дает начало разным классификациям, разным производным понятиям, разным конкретным упорядочениям материала.

Термин «археологические источники» часто подменяется другими — на первый взгляд, произвольно. На самом же деле — лишь в определенных ситуациях, строго отобранными синонимами и по достаточно жестким правилам с рядом ограничений. Несмотря на теоретическую важность и главенство рассмотрения наших объектов как археологических источников, этот ракурс ни исторически, ни методически не был первичным, исходным.

Исторически в роли такого фундаментального понятия археологии сначала, с эпохи Возрождения, подвизалось слово «антик», затем — «памятник» и в XX в. — «артефакт».

Слово «антик», вязавшееся с такими родственными по смыслу понятиями, как «раритет» (редкость), «уникум», было паролем собира-

тельского периода развития археологии — периода антикварианизма. Само слово «антик» означает (на французском) просто «древний» (antique). Но, как отмечал сто лет назад Забелин (и для него это был уже прошедший этап), «в то время, когда археологическое знание стало впервые складываться в научную систему, под именем *древности* и *древностей* все ученые разумели только древности античного мира (да ведь и для нас сейчас слово „античный” к Древней Руси не применимо! — Л. К.) и при том по преимуществу только древности художественные. . . С той поры слова *древность*, *древний*, *антик* стали обозначать исключительно лишь произведения художественные, а потому и археология явилась наукою древнего античного искусства. Весь смысл первородной задачи очень коротко, но весьма определенно выразился в этом самом слове: *антик*».¹ Тогда, в начальную эпоху археологии создавались в ведущих странах общества антиквариев, и хотя в русском языке нашлась тонкость, позволяющая отличить ученых-антиквариев от торговцев-антикваров, на деле различие в понимании объектов было не так уж велико. Уже в XVIII в. английский просветитель доктор Джонсон отметил: «Простой антикварий — это грубое существо».² Позже, когда научно-познавательные исторические задачи археологии выступили на первый план — эстетски-коллекционерский кунсткамерный душок, сопровождавший слово «антик», отвратил от него ученую аудиторию, и ему на смену пришло слово «*памятник*» (латинское «монумент» в западноевропейской терминологии). Оно удачно подчеркивало важность каждого археологического объекта и ориентировку на информацию о прошлом, на связь с памятью. Поэтому несмотря на сбивчивость, происходившую от многозначности термина (за ним ведь сохранилось и старое словоупотребление), ученые упорно за него держались, иронизируя над непонятливостью местных краеведов.

Академик М. П. Погодин больше ста лет назад, на I Археологическом съезде, рассказывал об этой трудности: «Высочайшие повеления предписывали хранить памятники древности, а в то же время церковный староста представлял архиерею предложение о необходимости расширить такое-то окно; архиерей же никак не мог понять, что это окно есть также памятник». И Погодин пояснял: «. . . в общем понятии у нас называются памятниками монумент Минину и Пожарскому на Красной площади да монумент Петру Великому в Санкт-Петербурге».³ В пояснении Погодина очень отчетливо выступает та массовость, та значительность рядового материала, которую привлек с собой этот термин в ученый обиход. «Надобно растолковать, — назидал Погодин, — что узкое окошко в церковной стене, та или другая линия в резных или лепных украшениях, такая-то дверь, лоскуток заскорузлой кожи, знак, вырезанный в камне, глиняная вещь или медный крестик, образок со стертыми надписями, старый кирпич — также памятники, в некоторых случаях гораздо более драгоценные, нежели золотое монисто или серебряное ожерелье».⁴

Термин «памятник» уравнивал археологические объекты как источники информации с источниками художественными, письменными и отчасти природными («реликтами»). Это был шаг вперед, но в этой широте и расплывчатости таились препоны дальнейшему продвижению. Между тем лозунгом дня стала специализация археологии, связанная

¹ Забелин И. Е. В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? — В кн.: Труды III Археологического съезда, т. 1. 1878, с. 2—3.

² Цит. по: Renfrew C. Social archaeology. Southampton, 1973, p. 19.

³ Протоколы заседаний. Выступление М. П. Погодина. — В кн.: Труды I Археологического съезда, т. 1. 1871, с. XIV.

⁴ Погодин М. П. Судьбы археологии в России. — В кн.: Труды I Археологического съезда, т. 1. 1871, с. 36.

с ее отмежеванием от других гуманитарных дисциплин и с ее притязаниями на статус естественноведческой и точной дисциплины. Для генерального обозначения ее объектов потребовался термин более узкий, точно определенный и технизированный. Для Погодина времен I Археологического съезда (1869) термин «памятник» был еще вполне хорош, оставалось только растолковать его архиерею. А вот Забелина во времена III Археологического съезда (1874) сам термин «памятник» уже не вполне устраивал. «Слово *памятник*, которым постоянно и исключительно занимается археология, вовсе не имеет того же или подобного значения и смысла, как слова *растение*, *животное*, в которых с такую ясностью определяется самая цель науки».⁵

Забелин не предложил замены. Еще более осязаемой стала потребность в новом термине в период перевода археологической науки в Советской России на новые рельсы. Опираясь на положение К. Маркса о том, что первым историческим делом было «производство средств, необходимых для удовлетворения... потребностей, производство самой материальной жизни»,⁶ Ф. В. Кипарисов, один из соратников Быковского, ввел в археологию понятие «*историческая вещь*». «Не все физические предметы суть исторические вещи», — писал он, а лишь «те физические вещи, которые так или иначе связаны с человеком и его деятельностью, и прежде всего те вещи, которые опосредствованы его трудом, являются продуктами последнего».⁷ Введенное понятие было своевременным и соответствовало тенденции, намечавшейся также и в зарубежной археологии. Однако предложенный Кипарисовым термин, возможно, слишком громоздкий и многозначный, не привился. Вместо него через некоторое время и в советской науке стали употреблять выдвинутый на эту роль в зарубежной археологии термин «*артефакт*». По своему буквальному смыслу (лат. *artefactum*, отсюда нем. *Artefakt*, англ. *artifact*) он означает нечто «искусственно (*arte-*) сделанное (*factum*)» и родствен словам «факт», «мануфактура», «артикль», «артикуляция», но его антонимы, поясняющие его смысл, употребляются редко — это «ментефакт» («создание мысли»: знания, опыт, идеи — это ведь тоже факты) и «натурфакт» (природное явление).⁸ Очень редко вместо термина «артефакт» можно встретить термин близкого состава, но более узкого буквального смысла: «мануфакт» («сделанный рукой», «рукодельный»). Посредством этого термина не очень удачно противопоставляется вещественный источник письменному (ср. «манускрипт» — рукопись, но не текст вообще).⁹ Перейдем от термина к понятию.

Это понятие сформировано следующими признаками: 1) вещественность, 2) искусственность (свидетельства изготовления человеческим трудом, производством), 3) культурная нормативность (обусловленность и подчиненность форм предмета системе норм культуры). Этот третий признак, производный от первых двух, приобрел все больший вес с ростом причастности археологии к истории культуры и, в свою очередь, стал все больше определять знаковую функцию артефактов и их роль как источников информации. Собственно говоря, по своей словесной структуре, по буквальному своему смыслу, «артефакт» — не сугубо археологическое понятие, оно в равной мере может относиться и к этнографии и к культурной антропологии или культуроло-

⁵ Там же, с. 2.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 26.

⁷ Кипарисов Ф. В. Вещь — исторический источник. — Изв. ГАИМК, 1933, вып. 100, с. 7.

⁸ Malina J. *Archeologie: jak a proč?* Brno, 1975, s. 105.

⁹ Washburn W. E. *Manuscripts and manufactures.* — «The American Archivist», 1954, vol. 27, N 2, p. 245—250.

логии, но оно интересует преимущественно археологов и даже иногда отождествляется в их обиходе с обозначением «древность» («anti-quity»).¹⁰

И вновь преимущество обернулось недостатком: в новых условиях возрастающего самоуважения и самонадеянности археологии ее фундаментальные понятия оказались слишком узким. Правда, в определениях «артефакта» не содержится особых ограничений — ничего сверх тех трех, что приведены выше. Но на практике под воздействием культурно-нормативной оценки понятие «артефакт» стало функционировать в археологии как некий аналог биологическому понятию «орган» (О. Г. С. Крофорд первым назвал артефакт «внетелесной конечностью» — «extracorporeal limb») и прилагалось все более узко — только к «типичным» вещам, только к небольшим, портативным вещам, только к орудиям, только к технически выразительным орудиям. Сложилась своеобразная иерархия артефактности в списках и каталогах. Полноправными артефактами считались только «хорошие орудия», особенно «руководящих типов» (Leittypen), далее шли «атипичные обработанные изделия» (вроде затронуты техникой, но соответствуют ли нормам культуры?), затем «бракованные изделия», «полуфабрикаты» и «заготовки» (отщепы, ножевидные пластины и т. п.) и, наконец, «отходы производства». В современном учебнике дается следующий перечень «артефактов (в широком смысле)»: «(собственно) артефакты», «памятники», «отходы», «заготовки».¹¹ Здесь совершенно очевидно, что «отходы» и т. п. «собственно артефактами» не считаются.

С развитием современной археологии, с расширением ее интересов и активности (включая изучение технологии, экологии, экономики и т. п.) стало все более трудно и нелогично игнорировать все эти «неполноправные артефакты». Потребовалось расширить понятие артефакта, а это подточило чистоту и простоту употребления и не спасло от необходимости обновления терминологического арсенала. Археологам пришлось включить в круг своих объектов «неартефактные материалы» — пищевые отбросы, споры и пыльцу растений, залежи сырья и пр.¹² Новую установку аффективно выразил палеонтолог Рид, воскликнув: «Кто, кроме разве что археологов, станет копать ради артефактов, когда есть кости, которые нужно спасать!» Три американских археолога, изучающих возникновение земледелия, гордо заявили (явно утрируя): «Тогда как большинство археологов на Ближнем Востоке копали ради зданий и случайно обнаружили в ходе раскопок несколько семян, мы стали копать ради семян и случайно в ходе раскопок открывали фрагменты построек».¹³

Ограничение «артефактной археологией» стало рассматриваться как порок, за что и критикуют Д. Кларка.¹⁴ Но ведь и домашние животные или растения — это не чистые нетронутые природные объекты, это, скорее, результаты человеческой активности — селекции, гибридизации и т. п. Равно как скопления костей диких животных, служивших объектами охоты. Равно как изменения в географической среде вообще, произведенные человеком.

¹⁰ Rouse I. Introduction to prehistory. New York, 1972, p. 262—263, s. v. Antiquity, Artifact.

¹¹ Malina J. Archeologie: jak a proč, s. 105.

¹² The identification of non-artifactual archaeological materials. Ed. by W. W. Taylor. Washington, 1957.

¹³ Reed C. A. Osteo-archaeology. — In: Science in archaeology. Ed. by D. Brothwell and E. Higgs. London, 1963, p. 205; Hole F., Flannery K. V. and Neely J. A. Prehistory and human ecology of the Deh Luran plain. Ann Arbor, 1969, p. 4.

¹⁴ Renfrew C. Review of D. L. Clarke's and Binford's books. — «Antiquity», 1968, vol. 43, N 171, p. 243; Rouse I. Classification for what? — «Norwegian Archaeological Review», 1970, vol. 3, p. 6—7.

Но тогда, каковы вообще формальные признаки человеческого воздействия на предмет, позволяющие считать его артефактом? Если определить понятие очень широко, учитывая всякие следы приложения сил человека, прямые и даже косвенные, то понятие окажется расплывчатым и беспредметным. В самом деле, как отличить следы случайного, не намеренного, не производственного прикосновения человека от прикосновения животных и от воздействия других природных сил? Выделение становится возможным лишь в том случае, если не любые следы ударов превращают камень в собственно артефакт, а лишь особым, осмысленным образом расположенные. Важна их конфигурация, план нанесения (pattern). Определение артефакта оказывается зависимым от выявления намерений создателя, от прикидки к культурным нормам. «Артефакт» оказывается производным от «культуры».¹⁵ Конечно, это и сужает понятие. Но если определить его слишком узко, сведя критерии к некоторым специфическим нарушениям природного объекта, то понятие не сможет обслужить все сферы изучения, ныне неизбежные.

В науке сейчас бытуют оба представления об артефакте — широкое и узкое. Расслоение понятия надвое при одном термине и поляризация его крайних значений приводят к сбивчивости. И чрезмерная узость, и чрезмерная широта, и производность, и сбивчивость противостоят статусу фундаментальности.

Заполнять образующийся вакуум приходилось в условиях осознания сложности и многосторонности изучаемого мира — тогда-то и наметился целый набор синонимических понятий и терминов с «*археологическим источником*» во главе. Уже понятие «исторической вещи» у Ф. В. Кипарисова, в сущности, было шире понятия «артефакт». У Кипарисова отмечено, что хотя труд создавал прежде всего потребительную стоимость и хотя для археолога интересны также и те древние потребительные стоимости, которые не созданы трудом, все же понятия исторической вещи и потребительной стоимости не совпадают. Результатами труда являются и отходы производства, брак — это тоже «исторические вещи», они тоже подлежат археологическому изучению. Более того, согласно трактовке Кипарисова, «не будучи потребительными стоимостями для своего времени и своих современников, эти вещи становятся таковыми посмертно — для историка... Конечно, эта их посмертная потребительная стоимость вторичного, производного и особого порядка».¹⁶ Вот эта вторичная потребительная стоимость и сводится, по мысли Кипарисова, к способности вещей послужить вещественными историческими источниками — археологическими источниками, как стали говорить позже. Так что исторически этот термин выдвинулся на первое место сравнительно недавно.

Методически, по ходу процедуры исследования, он тоже начинает работать не с самых первых шагов и больше всего набирает силу как раз к завершающим, интерпретационным этапам процедуры. Вначале же объекты исследования повернуты к археологу другими своими сторонами — принадлежностью к древней материальной культуре, сохранностью, проблематикой доступности и т. п.

Вот почему, несмотря на теоретическую важность и главенство рассмотрения наших объектов как археологических источников, все же не с этого ракурса удобнее начать перечень синонимов. Целесообразнее проводить обзор в ином порядке.

¹⁵ Dunnell R. Systematics in prehistory. New York — London, 1971, p. 117—121.

¹⁶ Кипарисов Ф. В. Вещь — исторический источник, с. 10—11.

2. Семь поворотов одного явления

— Заглавие этой песни, — сказал Рыцарь, — называется «Пуговки для сюртуков».

— Вы хотите сказать, песня так называется? — спросила Алиса . . .

— Нет, ты не понимаешь, — ответил Рыцарь нетерпеливо. — Это заглавие так называется. А песня называется «Древний старичок».

— Это у песни такое название? — переспросила Алиса.

— Да нет! Название совсем другое: «С горем пополам!» Но это она только так называется!

— А песня эта какая? — спросила Алиса в полной растерянности.

Синонимов у понятия «археологические источники» шесть. Итого, налицо система из семи синонимичных друг другу терминов и соответственно семи родственных понятий. Все они отражают одно явление современной культуры, но в семи его разных поворотах — в зависимости от сферы употребления знаний об этом явлении. Явление одно — поэтому во всех семи понятиях есть одно общее ядро представлений об этом феномене действительности. Плоскости рассмотрения разные — поэтому границы понятий не вполне совпадают, а термины употребительны в разных ситуациях: для каждого — своя. Различия этих синонимов то не превышают стилистических, то оказываются также и смысловыми. Если мы будем рассматривать эти понятия, двигаясь от самых общих и наименее специфичных к более специализированным, то понятие «археологические источники» окажется в конце. В начале — другие синонимы:

1) **Археологические объекты (археологический материал)** — это термин общенаучного характера (у всякой науки есть свои объекты), неспециализированный и в силу этой нейтральности широко применимый в общих и начальных ситуациях. Непосредственные объекты археологического изучения обозначаются этим термином в системе рассмотрения и внутреннего членения предмета науки. Это конкретные реалии, внешне наблюдаемые, фиксируемые чувствами фрагменты действительности, включенные в познавательный процесс археологии. Подобно другим исследователям, археологи нуждаются в термине, которым они могли бы обозначать свои объекты при простейшем манипулировании до интерпретации, до углубления в содержание. В таких контекстах и идет речь об «обнаруженных объектах», о «фиксации объектов», «упорядочении объектов», «выявлении связей объектов» или о «выявлении связей в материале».

Конечно, слово «объект» — уж очень общее, при малейшем расширении контекста требует спецификации («археологический») и, видимо, не способно, в отличие от слова «артефакт», вытеснить неархеологические употребления. Поэтому все время появляются терминологические предложения, сводящиеся к замене этого многозначного термина однозначным: «*археограмма*» (К.-А. Муберг), «*архема*» (Л. С. Клейн).¹⁷ Однако эти новые термины пока не прижились, возможно, оттого, что недостаточно детально дефинированы, так что неясно, покрываются ли новым термином только дискретные предметы или

¹⁷ Moberg C. A. Archaeograms and historical entities. — Norwegian Archaeological Review, 1970, vol. 3, p. 21; Klejn L. S. Was ist eine archäologische Kultur? — Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift, 1971, Jg. 12, N 3, S. 338.

также любые наблюдаемые в археологическом материале явления. В последнем случае сказывается различие между наиболее общими обозначениями самостоятельных объектов и элементарными единицами археологического изучения — «признаками», «свойствами» (для них вводятся очень похоже звучащие обозначения: «форма», «фактама»¹⁸ и др.).

Возможно, что работы по классификации археологических объектов приведут к уточнению стандартных понятий, пригодных для изучения материала в этом ракурсе. Классификация же в этом ракурсе осуществляется по внешним характеристикам объектов: по размеру, материалу (веществу) и т. п. Эти данные имеют значение при технически-служебном манипулировании объектами: как изымать, упаковывать и хранить их, по каким каналам направлять на консервацию, реставрацию и технологические анализы (кость, дерево, камень и т. п.).

2) **Материальные древности** — так обозначаются объекты археологии, когда их рассматривают как предмет особой науки, особой сферы занятий, противопоставляя смежным отраслям. Именно в этом ракурсе отчетливее всего выступает специфика этих объектов — их двойной разрыв с исходной позицией исследователя. В каких контекстах это звучит? Например, когда речь идет о «коллекционировании материальных древностей», об «отражении исторического процесса в материальных древностях» (или «в древней материальной культуре») и т. п. Обозначив объекты как «материальные древности», мы отличаем их от старинных и новых вещей, от древней духовной культуры и от поведения, от древних объектов, не относящихся к культуре. Собственно, само слово «древности» по своим стилистическим связям подразумевает принадлежность к культуре (разумеется, древней), и, таким образом, выражение «материальные древности» развертывается как «объекты древней материальной культуры».

Противопоставляя «материальные древности» более поздним объектам (старинным и современным), нематериальным (духовным и поведенческим), не относящимся к культуре (природным), мы неизбежно связываем эти объекты с древней материальной культурой, определяя их функции в ней. Поэтому наиболее логичной для этого ракурса оказывается классификация по функциональному значению и древнему использованию. Города и поля, могилы и жилища, ножи и горшки — по этим категориям распределяются нами объекты как материальные древности.

3) **Археологические остатки**. Здесь подчеркивается иной аспект наших объектов: не функциональная связь их с древнейшей материальной культурой, а, наоборот, противопоставление ей; объекты рассматриваются как часть прежней культуры и противопоставляются тому целому, от чего они остались. Это как бы взгляд со стороны прошлого. Для современного наблюдателя объекты археологии — конечные источники информации, но чтобы верно оценить эту информацию, он должен мысленно встать на место человека прошлого, для которого мир был значительно более полным, красочным и живым, а то, что от него сохранилось в качестве источников информации, — это только остатки... В ряде контекстов уместно применять именно это обозначение: говоря о «сохранности археологических остатков», сравнивая остатки с преданием, культурные остатки — с естественными остатками, и т. п. Сама собой напрашивается как основа группировки материалов в этом

¹⁸ Deetz J. Invitation to archaeology. New York—Garden City, 1967, p. 83—94; Hymes D. Linguistic models in archaeology. — In: Archéologie et calculateurs. Ed. by J.-C. Gardin. Marseille—Paris, 1970, p. 91—120.

ракурсе рассмотрения классификация остатков по степени сохранности: полные — неполные, целые — поврежденные и т. д.

4) **Археологические памятники** — это аспект, близкий к предшествующему, но не совпадающий с ним. Учитывая связь объектов археологии с прежней культурой и опираясь на эту связь, данное понятие все же переносит главный акцент на сопоставление и увязку этих объектов с современной культурой и жизнью. Рассматривая объекты как археологические памятники, мы исходим из их принадлежности к памяти человечества. Память — явление двойственное: чтобы помнить о чем-то, нужен тот, кто помнит и вспоминает. Активное, действенное начало памяти связано с ним, с его способностями и целями. Поэтому, рассматривая археологические памятники, мы имеем в виду не просто их связь с прошлым, а прежде всего их включенность в современную культуру, их современные жизненные функции, их ценность и необходимость современному человеку. Это как бы взгляд со стороны современной культуры.

Если для увязки объектов с прежней культурой наибольшее значение имело функциональное назначение предмета, то для определения культурно-исторической роли предмета в подготовке современных явлений наиболее существенными оказываются его генетические связи, место в культурно-историческом процессе, культурная принадлежность. В этом аспекте память сильна своей конкретностью: объекты напоминают о таком-то времени, месте и культуре. Для группировки материала в этом аспекте служит классификация по временной и культурной принадлежности: палеолитические памятники, античные, скифские, славянские. Это не значит, что славянам должны быть интересны только славянские памятники и не интересны, скажем, скифские, раз они оказались неславянскими (не такими, какими их ранее считали). Культурно-исторический процесс един, культуры взаимообогащались и стимулировали развитие друг друга. Для лучшего познания законов развития полезно сравнивать разные проявления этих законов. Различной культурной принадлежностью памятников определяется не важность их изучения, а пути и способы увязки, характер включения.

Таков аспект, в контексте которого мы говорим о «поиске и обнаружении памятников», о «фиксации памятников», все это в рамках проблематики «охраны памятников», а также о «памятниках такого-то времени, такого-то края, такой-то культуры».

Есть еще два аспекта, очень близких к этому, но несколько более ограниченных (точнее, налицо сдвиг границ).

5) **Археологические находки**. Эту сферу рассмотрения ограничивает полевой источник поступления. Поскольку полевая археология долго рассматривалась как поставщица вещей для коллекций, термин «*находки*» в русском языке ассоциировался именно с такими вещами (также в англ. — «finds»). Когда же интересы к археологическим объектам расширились на сооружения, конфигурации заселенности и т. п., термин «находки» оказался не очень подходящим для них, и в таких контекстах стали говорить об «*открытиях*» (англ. discoveries), хотя тогда уж точнее было бы в параллель «находкам» говорить о «полевых открытиях»: ведь «открытия» могут быть сделаны и не в поле.

Иной была судьба слова «находка» (Fund) в немецкой археологической терминологии. Здесь, в силу расширения интересов, само это слово стало обозначать не обязательно отдельно обнаруженную вещь, но и целый комплекс вещей. Для немцев и жилище — Fund, и погребение — Fund, и клад — Fund.

Ясно, что для рассмотрения материала в этом аспекте нужны и более общие термины и более частные. Если эта потребность долго остается незамеченной, то термины становятся многозначными или значения сдвигаются от общих к частным. Однако разработка классификации по условиям обнаружения, необходимая для исследований в этом аспекте, неминуемо ведет к систематизации этих понятий и к упорядочению терминологии: «вещи», «находки», «сооружения», «памятники» — все эти термины получают узкие значения и подчиняются в единой системе.

6). **Археологические экспонаты** — это материальные древности, находящиеся в коллекциях и музеях вне зависимости от того, выставлены ли они для обозрения (в экспозиции, на выставке) или хранятся в фондах, но могут быть выставлены. Эта сфера ограничена музейным каналом ознакомления исследователя с объектами. «Осмотр экспонатов», «ссылки на экспонаты», «публикация экспонатов» — вот контексты, в которых это понятие применяется.

Чисто музейное значение имеет классификация экспонатов по их экспозиционной ценности. Оцениваются уникальность экспонатов, их репрезентативность, аттрактивность (привлекательность), наконец, просто дороговизна. Для археологов, не работающих в музее, эта классификация профессионального интереса не представляет. Но с сортировкой экспонатов в музее имеет дело и другая классификация — по степени надежности информации (подлинники, копии, реконструкции, подделки и т. д.). И уж эта классификация представляет для всех археологов больший интерес.

Мы подошли вплотную к осмыслению наших объектов как археологических источников.

7) **Археологические источники.** В этом термине отражена главная, определяющая функция наших объектов. Тем не менее мы так называем их не всегда. Надо определить, чем ограничено использование понятия при выборе такого синонима для его обозначения. Мы называем свои непосредственные объекты археологическими источниками, рассматривая их в системе использования информации как внутри нашей отрасли науки (двигаясь от эмпирически наблюдаемых объектов к познаваемым сущностям), так и вне этой отрасли (добывая информацию для других наук, например). Когда мы говорим о «реконструкции прошлого на основе археологических источников», то это не только стилистическая тонкость в выборе словосочетаний, но и отражение сути дела.

Подходя к нашему материалу с этой стороны, мы предпримем такую его разбивку, которая вынесет на первый план сходства и различия по закодированности информации и, стало быть, по первичным познавательным возможностям. Информацию, извлекаемую из погребений, придется расценивать, обрабатывать и использовать иначе, чем информацию, поступающую из поселений, а из кладов, иначе, чем из случайных находок. Критериями этой классификации оказываются условия формирования источника, при которых и по которым происходило отложение в нем информации.

Таков перечень общих понятий синонимов понятия «археологические источники». Каждому из этих понятий соотнесена та или иная классификация материала (эти классификации намечены и перечислены). Теперь можно предпринять их более подробный обзор.

3. Просматривая на разную глубину

А Контролер все это время внимательно ее разглядывал, — сначала в телескоп, потом в микроскоп и наконец в театральный бинокль. Наконец, он сказал:

— И вообще ты едешь не в ту сторону.

Из всех внешних, т. е. непосредственно наблюдаемых, параметров археологических объектов самым существенным, самым влиятельным оказывается материал (вещество), из которого состоит объект (из которого он изготовлен). Конечно, и размер (формат, габарит) может в некоторых ситуациях иметь значение (например, при упаковке), и вес (при транспортировке), и цвет (при фотографировании), и фактура поверхности (при снятии оттисков-эстампов) и т. п. Но, во-первых, многие из этих особенностей в значительной части обусловлены именно материалом, а, во-вторых, от материала зависят и многие выводные особенности объектов, не выступающие непосредственно при эмпирическом наблюдении: функциональное назначение, культурные связи, принадлежность к эпохе и пр.

Издавна в археологических публикациях находки группировались по материалу. Вначале порядок следования видов материала был произвольным (сперва наиболее дорогие материалы или наиболее обильно представленные). Но после «скандинавского археологического переворота», введенного в первой половине XIX в. «технологическую», археологическую периодизацию «по материалу» (каменный век — бронзовый век — железный век), сложилась стандартная схема, соответствующая порядку введения основных материалов в культуру, насколько он виден археологу: 1) кремень (и другие кварцевые породы); 2) камень (мягкие породы); 3) кость и рог; 4) керамика; 5) металл: медь, сплавы на медной основе (бронза, латунь и т. п.), благородные металлы, железо; 6) дерево (древесина); 7) прочие органические вещества (кожа, ткани и т. п.). Иногда в этой схеме кость и рог, слабо представленные, убираются с первых мест и переносятся в соседство с древесной (с которой их связывают и технические приемы обработки). Нередко выносятся в конец схемы керамика, но по причине противоположной: это часто самый обильный раздел, и в середине схемы он оказывается слишком пространным, психологически разрывает структуру схемы. Иногда вперед выдвигаются разделы, наиболее ярко характеризующие публикуемый памятник или культуру, например, металл.

Еще и сейчас многие археологические публикации выдержаны по этой схеме. Однако для публикаций, особенно для обобщающих работ со сравнительным анализом разных памятников и с результатами осмысления информации, эта схема давно уже не считается идеальной. Критикуя ее за описательность и близорукость, американец У. Тейлор в 1948 г. в программном труде «Исследование археологии» противопоставил ей другую, более прогрессивную схему, распределяющую данные по функциональным блокам прошлой культуры, некогда живой: пища, одежда, социальная организация, религия и т. д.¹⁹ Но еще в 1935 г. советские археологи А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий в своей новаторской книге рассматривали археологические материалы

¹⁹ Taylor W. W. A study of archaeology. Menasha, 1948, p. 61, 69.

степного бронзового века по разделам социокультурной активности: собирательство, охота, рыболовство и т. д.²⁰

Распределить так полученные сведения, конечно, сподручнее для последующей реконструкции исторического прошлого— само это распределение ведет к такой реконструкции. Но проделать это распределение не так просто, как распределение по материалу. Ведь в отличие от того это распределение не предопределено непосредственными эмпирическими наблюдениями, а носит в большой мере в одной характер. Чтобы распределить объекты по сферам культуры и социальной активности, нужно знать состав этих сфер и функциональное назначение обнаруженных объектов. Чтобы очертить состав сфер, разумеется, приходится обращаться к общей этнографии, этнологии, культурной антропологии, социологии, а не к данным конкретным археологическим источникам. Но и о функциональном назначении обнаруженных археологических объектов нельзя судить, исходя лишь из них самих. Все наши суждения о прежних функциях древних вещей, об их назначениях, смысле, а вместе с тем и о подходящих для них названиях — «нож», «копье», «скребок», «курант» — более или менее предположительны. Нередко это почти достоверные определения, иногда просто условные этикетки, чаще—привычные ярлычки с неопределенной степенью вероятности. Можно натолкнуться в археологических публикациях на честную подпись под фотоснимком: «предмет неизвестного (или: непонятого, неопределенного) назначения». Но если такой подписи нет, это еще не значит, что все в порядке. Как отметил с горьким юмором английский археолог Г. Чайлд, другое стереотипное обозначение— «ритуальные предметы» — это всего лишь «научное выражение того, что мы не знаем, для чего они предназначались».²¹

Определения и названия находкам подбираются иной раз сразу, на основе личного жизненного опыта археолога. При этом исходят из допущения, что устойчивость коренных потребностей человека ведет к далеко заходящим совпадениям при их реализации в условиях разных эпох и культур. Имеется в виду, что людям всегда были нужны обувь, нож, сосуд для питья, ложе и т. д. и что эти предметы должны всегда иметь примерно одну и ту же форму, легко распознаваемую современными людьми. Между тем это лишь часть истины. Потребности менялись, выбор возможных решений одних и тех же задач нередко оказывался весьма широким, а средства, которые кажутся естественными в одной культуре, чужды и непонятны другой. Мы не можем сообразить, почему бронзовый «листовидный нож» степного бронзового века — обоюдоострый, без затупленной спинки. Поэтому спорим: одни называют эти находки «ножами», другие — «кинжалами», третьи — «наконечниками копий», четвертые — «бритвами». Скамеечку-подголовник, применяемую у восточных народов, мы, найдя при раскопках, не могли бы ассоциировать с нашей подушкой, не опираясь на сведения этнографии. Поэтому первоначальный набор определений и названий «сходу» служит лишь для первоначальной ориентировки, затем исправляется и дополняется на основе привлечения «этнографических параллелей», построения и проверки гипотез, учета, систематизации и осмысления диагностических признаков тех или иных функций вещей в культуре — признаков формальных, контекстных, трасологических и т. п.²²

²⁰ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935.

²¹ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1953, с. 276.

²² Vencl S. K otázce interpretace funkce pravěkých předmětů. — *Archeologické zohledy*, 1961, t. XIII, seš. 5, s. 678—693.

Однако одно дело — установление функциональных назначений древних вещей (это задача культурного определения), а другое дело — упорядочение установленных назначений (отрасль археологической систематики). Распределение по сферам культуры или социальной деятельности (охота, скотоводство, земледелие, религия и т. п.) — это один из видов такого упорядочения. Распределение по характеру службы вещей, по родам их действия в этих сферах (орудия, оружие, утварь, убор, украшения и т. д.) — другой вид, более тесно связанный с формами и материалом вещей. Третий — распределение непосредственно по топологическим формам (круглые, кубические, стержнеобразные, плоские и т. п.) и по характеру рабочего конца или края (граненые, острые, округлые и т. п.). Это упорядочение ближе всего к непосредственному наблюдению (и поэтому удобнее для создания определителей и для службы определения вещей, для экспертизы), но удаленнее от социокультурных связей: близкие формы могут и не смыкаться по сфере и характеру употребления в культуре. Нелегко было отличить каменные культурные подвески от оселков, кремневые ножички от наконечников стрел, догадаться о назначении парных песчаниковых полуцилиндров (литейные формочки или «выпрямители» древков стрел?) Именно поэтому в ряду внешних параметров упорядочение по форме не могло конкурировать с упорядочением по материалу, хотя оба они идут от непосредственного наблюдения.

Гораздо более употребительна классификация археологических остатков (так мы их тогда именуем) с точки зрения их сохранности. На первый взгляд может показаться, что эта классификация опирается исключительно на данные непосредственного наблюдения: разве не видно, хорошо ли сохранился предмет, или он сильно поврежден, так что эти «археологические остатки» справедливо называть «жалкими остатками»? Не достаточно ли для выявления повреждений знать характер древней поверхности подобных предметов и как выглядит свежий излом? Но, во-первых, уже это означает сравнительный анализ и выводную деятельность. Во-вторых, этого часто недостаточно: не все материалы хорошо отражают различия в древности излома. И уж, во всяком случае, этого мало, чтобы оценить размах повреждения. Для этого нужно знать, каким был предмет раньше, знать его нормальный облик. Знать, что за предмет перед нами (К счастью, это не всегда необходимо, иначе образовался бы порочный круг, ибо для определения предмета желательно иметь его в целом виде).

По степени сохранности «археологические остатки» распадаются на три главные группы: *целые предметы, фрагменты и следы*.

1. **Целые предметы** — это дискретные в своих главных функциях вещи, способные в жизни часто и без затруднений менять свои соотношения с другими вещами, прочно удерживая при этом вместе свои составные элементы. В археологии «целый» не значит «совершенно неповрежденный», «абсолютно сохраненный», а значит только «неразломанный». Целостность — понятие относительное. Конечно, в процессе старения неизбежно утрачиваются некоторые детали и связи. В археологии принято считать древний предмет целым, если не нарушены грубо его внешняя (топологическая) форма и внутренняя структура и он не расчленен на составные части, на компоненты.

2. **Фрагменты** (куски, обломки, обрывки, осколки) распределяются по трем разрядам:

а) если предмет расчленен на составные части, разрознен, разломан, но все обломки налицо и сохраняют в совокупности полное представление о форме предмета, то предмет может быть восстановлен

без дополнительной информации. Такой *фрагментированный полный и достоверный* объект, полностью во всех своих фрагментах наличный и надежно собирающийся, но все же не целый в обиходном смысле, иногда называют «*археологически целым*»;

б) если фрагменты очень мелкие и при всей своей многочисленности сохраняют только часть формы предмета, то мы вынуждены выбирать из нескольких (а то и множества) возможных версий составления и склеивания обломков одну, наиболее вероятную. Пусть даже очень вероятную, но все же не достоверную! Такой предмет мы характеризуем как *фрагментированный полный гипотетической формы*;

в) если не все обломки от предмета налицо, но в наличных все же сохраняется часть формы, то мы констатируем *фрагментированный неполный* предмет, представлен ли он многими фрагментами или несколькими, некоторыми или даже одним фрагментом (это уже различие не принципиальное).

3. Следы (англ. traces) в археологии это такие остатки бытия, такие свидетельства существования древнего предмета, что в них даже детали, части этого предмета не присутствуют в своем непосредственном виде, а сохранены либо в сильно преобразованном виде, либо как результаты воздействия на другие предметы. Следы распределяются по трем разрядам:

а) *деформированные остатки* — это всякого рода спекшиеся сплавы, шлаки, пепел, нагар, накипь, тлен, прах. Во всех этих случаях расчленение предмета столь дробное, что всякое представление о прежней форме не сохранилось в наличных компонентах, утрачено. Сохранились же материал (вещество), общие данные о размерах, иногда пропорциях. Но мы часто не знаем даже от чего эти остатки — от всего предмета или от его части или от нескольких подобных предметов. Вдобавок нередко изменение состава здесь очень значительное, потому что те факторы, которые так радикально расчленяют предмет, обычно сильно изменяют и его состав (так воздействуют огонь, бурная вода и т. п.);

б) *отпечатки* (англ. imprints, реже — impressions) — это такие результаты непосредственного воздействия одного предмета (ныне обычно исчезнувшего) на второй, при которых в этом втором (сохранившемся) предмете остается негативное изоморфное изображение формы первого (исчезнувшего) предмета. Немецкие археологи конца XIX в. сообразили, что темные круглые пятнышки в гладко зачищенном горизонтальном срезе, образующем дно котлована в раскопках древнего поселения, есть не что иное, как следы истлевших древних столбов и колышков. Это позволило реконструировать планы жилищ столбовой конструкции, планы дворов, плетней, загонов для скота и т. п. Примерно в то же время итальянец Фиорелли, тогдашний руководитель раскопок Помпей, догадался заливать гипс в пустоты, куда частенько проваливалась лопата землекопа, и получил гипсовые отливки погибших и истлевших жителей города, заваленных спекшимися в цемент вулканическим пеплом и ливневой грязью. Гипс передал даже предсмертные выражения на лицах. В некоторых могилах Англии и в курганах наших степей обнаружены отпечатки покойников в глинистом дне могилы, а самих трупов нет, даже скелетов не осталось — либо полностью смыты, либо давно утащены грабителями или животными-землероями. Такие смутно прорисовывающиеся образы английские археологи называют на профессиональном жаргоне «духами» (ghosts);

в) «*отметины*» (этим русским термином я предлагаю передавать английский археологический термин «marks») — это такие результаты непосредственного воздействия одного предмета (ныне исчезнувшего)

на другой, которые не сохранили сколько-нибудь полного отображения формы первого предмета. Это следы касания орудий, сработанность, изношенность, места химических реакций, биологические проявления и т. п. В английской литературе к таким «отметинам» причисляются некоторые типы признаков наличия археологических объектов на аэрофотоснимках: темные сгущения растительности (*crop-marks*), почвенного рельефа (*soil-marks*), распределения влажности (*water-marks*) и др.

Распределение археологических остатков по степени сохранности имеет большое значение для использования их как археологических источников. Оно помогает оценивать возможности дальнейшего сохранения их и восстановления утраченных частей информации, помогает выбирать надлежащие способы восстановления.

Классификация археологических памятников по временной и культурной принадлежности уже весьма удалена от непосредственного наблюдения и носит определенно характер выводной, хотя еще источниковедческий — не задевает выводов исторического и социологического плана. Прибегают к ней буквально на каждом шагу и частенько перекраивают, но только в деталях — ее основные конфигурации весьма устойчивы.

Наиболее понятными широкой публике и поэтому наиболее употребительными критериями хронологического распределения оказываются *абсолютные* даты,²³ но они же и наименее устойчивы, потому что своих собственных опор в определении абсолютного возраста археология не имеет. Она использует шкалы абсолютного отсчета времени из других наук (письменного источниковедения, нумизматики, радиохимии, физики, геологии) и сложными цепочками относительной хронологии²⁴ привязывает к ним свои материалы. Чем сложнее и длиннее такие цепочки, тем больше в них накапливаются погрешности и колебания, тем менее надежны конечные результаты. Кроме того, эти результаты зависят от не всегда окончательных выводов смежных наук — выводов, не контролируемых археологией и изменяющихся без ее ведома.

Поэтому археологи предпочитают распределять свои материалы по ячейкам *относительной*, а не абсолютной хронологической системы. Сама эта абсолютность становится в распределении относительной: в системах абсолютной хронологии в качестве таких классификационных ячеек фигурируют отрезки времени, ограниченные рубежами исторических эпох (т. е. в сущности ячеек относительной шкалы) или сугубо условными вехами летосчисления (тысячелетия, века и т. п.).

Ячейки относительной хронологической сетки археологи берут либо из *общей «археологической периодизации»*, либо из *локальных культурно-исторических периодизаций*,

²³ *Абсолютная хронология* определяет «возраст» памятников, находок, событий и т. п., т. е. расстояние во времени от них до настоящего момента — точно или приблизительно, прямо или через посредство соотнесения с условной вехой, расстояние которой от настоящего момента заведомо установлено (напр.: «Рождество Христово» — Р. Хр., Anno Domini — A. D., или начало Олимпиад).

²⁴ *Относительная хронология* определяет расположение явлений во времени относительно друг друга, обнаруживает одновозрастность объектов, одновременность событий и синхронность процессов или устанавливает их последовательность. Если в этом последнем случае она также оценивает (точно или приблизительно) и расстояние между ними во времени (*интервал*), то такую хронологию одни выделяют внутри относительной как *измеримую*, другие причисляют к абсолютной и называют «*плавающей*»: в их представлении это как бы отрезок абсолютной шкалы, не закрепленный жестко на якоре в океане времени, не привязанный к настоящему моменту или отведенной от него вехе.

Общая «археологическая периодизация» построена на историко-технических основаниях — по сменам ведущего материала и ведущих технических приемов в изготовлении орудий. Это предложенная в первой половине XIX в. датчанами «система трех веков» (каменного, бронзового и железного), развернутая позже в систему «шести веков» (палеолит — мезолит — неолит — энеолит, или медный век, — бронзовый век — железный век), а затем еще более разросшаяся и раздробленная.²⁵ Например, в палеолите различают нижний, средний и верхний, или ранний (древний) и поздний, а в каждом из этих разделов по несколько эпох: дошелльскую, шелльскую, ашельскую, мустьерскую и т. д. Вносились предложения заменить некоторые звенья (ввести «керамикум» — век керамики, объединяющий поздние звенья, от неолита начиная, или объединить верхний палеолит с мезолитом в «лептолит»). Предлагалось и вовсе отказаться от всей схемы, изменить принцип археологической периодизации (вместо истории техники взять за основу историю культуры в целом или смену производственных отношений и т. п.). Однако применяемая археологическая периодизация доказала свою правомерность и практическую для археологии²⁶ и удержалась в исследовательской работе.

Примером локальных колонок относительной хронологии может служить условная минойская система А. Эванса для бронзового века Крита: периоды раннеминойский I, II и III, среднеминойский I, II и III и позднеминойский I, II и III (сокращенно: РМ I—III, СМ I—III и ПМ I—III). По ее образцу были созданы периодизации для элладского бронзового века (РЭ I и т. д.), для кикладской культуры (РК I и т. д.) и др. Другой пример — периодизация О. Монтелиуса для Севера первобытной Европы: 4 периода неолита, 6 периодов бронзового века, 8 периодов железного века. С ней конкурировала периодизация Софуса Мюллера, с иным количеством периодов и иным размещением рубежей между ними.

В распределении памятников по культурам меньше условности. Затруднения возникают в основном при столкновении с памятниками смешанного или переходного типа. Однако такие затруднения снимаются, если не настаивать на резких границах между ячейками — культурами. Время от времени археологи по-новому группируют культуры, исходя из интереса к тем связям между ними, которые раньше не привлекали внимания или не были известны. Например, круг неолитических культур с ямочно-гребенчатой керамикой в лесной полосе европейской части СССР в последние десятилетия пришлось перекроить: волосовская культура оказалась инородной, родственные ей и другим культуры нашлись на Украине и на Балтийском побережье и т. д. Разгорелся спор и о том, группировать ли эти культуры и дальше прежде всего по характеристикам их керамики или перестроить все на основе анализа кремневого инвентаря (и даст ли это новую группировку). Однако обычно при подобных перемещениях огромные серии памятников переводятся из одной группы в другую всей массой, без сложных внутренних перестроек. И вообще подобные перемены случаются нечасто. Еще меньше условности в распределении памятников по географическим регионам: здесь границы жестко предопределены природой и политической картой.

²⁵ Daniel G. E. A hundred years of archaeology. London, 1950, p. 38—54, 239, 246, 251.

²⁶ Klejn L. S. Die Konzeption des «Neolithikums», «Äncolithikums» und der «Bronzezeit» in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart. — In: Neolithische Studien, I. Berlin, 1972, S. 7—30.

Более узкое значение для археологов имеют обе классификации, определяемые музейным подходом к объектам археологии, — классификация экспонатов по экспозиционной ценности (по их пригодности для выставки, для показа публике, для иллюстрации и демонстрации неких идей и т. п.) и классификация их по надежности привязки информации — по их подлинности (проходя через эту классификацию, экспонаты, очистившись от негодных, становятся археологическими источниками). Обе они относятся не только к объектам археологии, а как раз в археологии сфера их применения занимает лишь незначительную часть поприща.

Для выявления экспозиционной ценности археологических объектов первое, что нужно, — это отделить портативные от недвижимых (которые почти невозможно изъять из среды, не разрушив их, разве что вырезав монолитом — вместе с частью среды). Далее необходимо отделить уникальные от рядовых, репрезентативные (представительные, типичные, красноречивые) от нерепрезентативных (невыразительных или атипичных), аттрактивные (яркие, привлекательные) от скучных, наконец, драгоценные в материальном смысле от не имеющих товарной ценности в современном мире.

С точки зрения подлинности нередко обходятся грубым делением всех объектов на *подлинники* и *фальшивки*. Первые-де годятся быть источниками, вторые — нет. На деле существенных различий больше, а оценка пригодности тоньше и сложнее. Одно дело — *древние подделки* (вещи, созданные еще в древности и только похожие на легально и правильно сделанные, а на самом деле сделанные иначе, из других материалов и т. п.); иное дело — *недавние подделки* (якобы древности), *подделки* и *подправки* (видоизменение частей настоящих древностей), *подлоги* (тайное перемещение вещей, древних или современных, и включение их в комплексы, где их не было в древности), *мистификации* (любые ложные сведения о находках). Это достаточно широкий диапазон. Первая из перечисленных категорий сама предоставляет современному ученому ценные сведения об историческом прошлом, а последняя образует переход к *невольным ошибкам*.

Оставшиеся в нашем перечне две классификации имеют в археологии столь широкое применение, что их стоит рассмотреть подробнее. Именно они, а не какая-либо из перечисленных, группируют археологический материал в такие конфигурации, которые теснее всего связаны с содержанием источников — с информацией о прошлом.

4. Находки и открытия

— Я никаких насекомых не обожаю... — объяснила Алиса. — ...Но я могу сказать, как их зовут.

— А они идут, когда их зовут? — небрежно спросил Комар.

— Нет, не идут.

— Тогда какой же прок знать, как их зовут? — спросил Комар.

— Ну, — сказала Алиса, — им это ни к чему, а нам это все-таки полезно. Иначе зачем вообще у вещей есть имена и названия?

Со своими объектами археолог впервые встречается «в поле» (так археологи именуют все многообразие местных условий природной и культурной среды, в которых залегают археологические объекты до их обнаружения археологом). Стало быть, прежде чем выступить архео-

логическими источниками, они должны восприниматься как *археологические находки и открытия*. Соответственно, классификации археологических источников предшествует классификация находок и открытий по условиям обнаружения, тоже одна из важнейших в археологии.

Эта классификация возникла постепенно, стихийно, она складывалась в систему незаметно для самих археологов. Поэтому в ней использованы термины, уже бытовавшие в археологии. Часто это термины с широким значением, и при использовании их для требуемых практикой узких понятий возникавшей классификации старые значения приходилось сужать. Старые широкие значения, однако, обычно сохранялись в обиходе с ограничением сферы применения. Получается, что смысл того или иного термина зависит от контекста: в одном случае он имеет широкое значение, в другом — иное, узкое.

Как раз такая история произошла со словом «памятник».

Что получится, если археологу всегда и везде исходить из интеллигентного, литературного, «ученого» употребления слова «памятник» — в широком значении, синонимичном слову «древности» и т. п.? При раскопках хазарско-славянской крепости Саркел — Белая Вежа на Дону был обнаружен клад серебряных монет. Монеты помещались в горшке, а горшок был спрятан в печи славянского жилища. Применим термин. В указанном смысле крепость — это памятник, но жилище — тоже памятник, и печь — памятник, и горшок — памятник, и каждая монета — памятник. Все это памятники, но они заключены один в другом, а тот — в третьем и т. д., подобно матрешкам. Классификационное неудобство очевидно, но имеет ли оно практическое значение? Да, как только мы станем различать виды объектов и дифференцированно обращаться с ними. Например, в полевой археологии действует правило: раскопки необходимо доводить до конца, чтобы был непременно раскопан весь... тут обычно говорится, *памятник*. И тотчас в конкретной ситуации возникает недоумение: что же должно быть, согласно правилу, раскопано полностью — монета, горшок, печь, жилище или крепость? Все это объекты разного ранга, к ним применимы различные правила и для выражения их требуются разные термины, а достаточно терминов полевой археология не накопила. В то же время в общетеоретической ученой литературе накопилось обилие терминов-синонимов. Это хоть и не излишество, но контраст. При простом привлечении терминов из литературного обихода в полевую археологию образуются неясности. Язык не терпит этого и создал *de facto* другое употребление: когда речь идет о конкретных находках и открытиях полевой археологии, никто не именуется находку или открытие любого ранга «памятником». В этом обиходе слово «памятник» закрепилось только за одной из ячеек классификационной иерархии, одного определенного ранга. То же произошло и с другими словами широкого значения — «находки», «артефакт».

Эта классификация по условиям обнаружения. В ней различаются три основных категории, три ранга объектов: *находки, сооружения и памятники*. В этой классификации учитывается еще одно, вспомогательное (но необходимое) для нее, понятие, заимствованное из геологии: *отложения*.

Находки — это портативные объекты некогда самостоятельного функционального назначения; впрочем, так именуются нередко также портативные и легко отделимые детали (и даже части) таких объектов, но уже не обязательно портативных. Фибула (застежка), подвеска, бузина (детали ожерелья), капитель (архитектурная деталь здания) — вот примеры находок. Термин «находки», таким образом, имеет в археологии два значения: широкое (все, что найдено в поле) и узкое (только

портативные объекты). Однако в обоих значениях этот термин очень тесно связан с полевой археологией: «находками» именуют только объекты, поступившие «с поля» — из разведок и раскопок, но не объекты, дошедшие через старые коллекции.

Иногда требуется термин, не имеющий такого ограничения, для передачи информации от полевой археологии к последующим стадиям работы. Такого термина, точно совпадающего по объему с термином «находки» (в узком смысле), нет. Но есть более узкие термины, пригодные для передачи информации. Это термины «артефакты» и «вещи». Термин «*артефакты*» использован аналогично термину «находки» — (к широкому значению добавлено второе, узкое). Но это все же иное значение, чем у слова «находки»: «артефактами» в этом узком смысле именуются не всякие находки, а только объекты культурного происхождения (сюда не входят природные — камни, кости и т. п.). Зато «артефакты» — это не обязательно находки, не обязательно материалы полевой археологии, но и, скажем, экспонаты музеев. В данной классификации термин «*вещи*» почти идентичен в русской терминологии термину «артефакты» (в данной функции у них различия чисто стилистические). В английской и немецкой терминологии используются аналогичные термины англ. artifact, нем. Artefakt, в английской также finds (находки).

Сооружения — это недвижимые (не портативные) объекты некогда отдельного функционального назначения, обычно крупные и нередко сложные. Их невозможно отделить от земли и местности, не разрушив. Каждый из них специализирован, выделен тем, что имел в живой культуре одно определенное назначение (по крайней мере, главное): хозяйственная яма, колодец, могила, жилище-полуземлянка — все это сооружения. В английской терминологии для этого понятия используется термин «feature» (букв. «черта», «особенность», «подробность рельефа местности»).

Чтобы определить памятник как ячейку рассматриваемой классификации, нужно сначала ввести понятие «отложение». Отложением археологи — вслед за геологами, но с некоторой переработкой — называют накопления материальных остатков культуры вместе с веществом природной среды. В соответствии с нормами русского языка словом «отложение» называется и процесс накопления, а не только его материальные результаты. Отложения, мощность (высота) которых ничтожна по сравнению с протяженностью, а верхняя и нижняя границы сравнительно четко обозначены и проходят приблизительно параллельно друг другу, называются «слоем». Однако в обиходе словом «слой» иной раз обозначаются любые отложения (хотя для них существуют и иные названия: «пласт», «линза», «прослойка»). В этом смысле выражением «*культурный слой*» обозначаются отложения на местах обитания, обильно насыщенные культурными остатками — вещами, обломками костей, мусором, веществами отходов и т. п. Отложения, свободные от такого содержимого, называются «стерильными». Однако от *природных отложений* такого порядка стоило бы отличать *насыпные наслоения*, которые в полном смысле стерильными уже не являются: они переделаны, перемещены, и в любом их месте могут оказаться вещи или вещества, не заложенные туда природой, хотя вероятность встретить их здесь гораздо меньше, чем в культурном слое.

Памятник — это совокупность сооружений, отложений и вещей, оставленных людьми в одном месте и связанных в силу этого в одно целое еще в жизни или уже при отложении или после такового. Священных, стало быть, условиями нахождения, контактностью, отделенностью от других подобных объектов. Поэтому памятником может счи-

таться и одно, но отдельно расположенное сооружение с относящимися к нему отложениями, вещами и их остатками (если все это при нем есть). В английском и немецком языках для этого понятия использованы аналогичные слова, причем в немецком различие широкого и узкого значений нашло формальное выражение: русскому «памятник» и английскому «monument» соответствуют два немецких термина—в широком значении «Denkmal», в узком «Bodendenkmal» (букв. «памятник на почве», «памятник на местности»).

По определению для объединения предметов, их остатков, отложений разного рода в памятник не требуется ничего, кроме их связи условиями нахождения—соприкосновением или территориальной близостью, отдаленностью от других подобных скоплений. Не требуется ни свидетельств функционального взаимодействия предметов в прошлом, ни одинаковости возраста этих предметов, ни хотя бы их принадлежности к одной культуре.

Может возникнуть вопрос: какой прок в таком понятии? Ведь есть иные понятия, роль которых ясна. Так, есть понятие, определяемое одновременно упокоения в земле всех элементов некоей группы, всех составных частей некоего целого. Совокупность предметов, одновременность упокоения которых гарантирована условиями их обнаружения,—это «*замкнутый комплекс*» (нем. *sicherer Fund, geschlossener Fund*, англ. *assemblage*). Могила, которую со времени похорон никто не вскрывал,—хороший пример замкнутого комплекса (иногда термин сокращают и говорят просто «*комплекс*»). Ясна роль такого понятия: это инструмент в установлении одновременности древних вещей и их функциональной взаимосвязи. А памятник?

Но дело в том, что прежде, чем обратиться к сопоставлению замкнутых комплексов, надо разобраться в них—именно в полевой археологии и в первичной интерпретации ее материалов. Надо установить наличие и границы этих комплексов, распутать, то, что перемешано, расклассифицировать по культурам. Та ячейка, в рамках которой приходится этим заниматься, и есть памятник. Мало того. Археологу важно выявить не только одновременность каких-то вещей, но и неодновременность, разновременность. Подчас единственная возможность сделать это—проследить их взаимоналожение там, где они оказываются на одном месте, т. е. в памятнике.

Конечно, если в памятнике накопились и механически смешались элементы разных культур, то для дальнейшей работы следовало бы разделить их по культурам, и надо обладать соответствующим понятием. Это понятие должно покрывать совокупность однокультурных элементов одного памятника, отчлененных от элементов других культур. В американской археологии для него есть специальный термин—«*компонент*» (*component*), в археологии Старого Света, к сожалению, нет.

Итак, слово «памятник» приобрело в обиходе полевой археологии узкое (хотя и важное) значение и не может в таком контексте означать любой древний предмет, даже отдельно обнаруженный (случайную находку и т. п.). Между тем и полевая археология нуждается в термине, который покрывал бы всякие отдельно обнаруженные древности—и один предмет, и несколько предметов, обнаруженных вместе далеко от других, но не связанных надежно в единый комплекс (т. е. не памятник), и памятник. Ведь все это пункты на археологической карте, имеющие нечто общее в значении для полевой археологии: это результаты разведки, дающие информацию о прошлом (например, о заселенности края) и подлежащие дальнейшему изучению, возможно, посредством раскопок. Поэтому общий термин нужен. В русской тер-

минологии для этого применяется термин «местонахождение» (в английской — site).

Более дробное различие внутри каждой из перечисленных категорий — находок, сооружений, памятников, отложений и местонахождений — может проводиться по разным критериям в зависимости от задачи. Так, скажем, некую совокупность памятников можно разбить на группы по возрасту, а можно по культурам или по топографическим условиям (горные, пустынные, прибрежные, подводные и т. п.) и т. д., но наиболее широкое значение в археологии имеет их группировка как археологических источников. Этот критерий проникает (в качестве вспомогательного) в данную классификацию, как и в другие. Но есть классификация, в которой он служит основным.

5. Как формировались археологические источники

Алиса сидела на берегу ручейка и прилежно резала пирог.

— Ничего не понимаю! — сказала она Льву... — Я все режу и режу этот пирог, а он опять срывается!

— Ты не умеешь обращаться с Зеркальными пирогами, — заметил Единорог. — Сначала обнеси всех пирогом, а потом разрежешь его!

Конечно, это было бессмысленно, но Алиса послушно встала, обнесла всех пирогом, и он тут же разделся на три части.

— А теперь разрежь его, — сказал Лев, когда Алиса села на свое место с пустым блюдом в руках.

Классификация объектов как археологических источников, одна из важнейших в археологии. Это — классификация по способам кодирования информации в источнике и по вытекающим отсюда познавательным возможностям, путям извлечения информации из источника. Способ кодирования информации в источнике обусловлен тем, как, почему, зачем этот источник формировался — обретал свою форму и структуру, насыщался соответствующей этому информацией, соответственно ее преобразовывал и консервировал. Стало быть, классификация археологических источников — это классификация по условиям формирования материальных древностей. В одних условиях возникали древности одного рода, в других — другого, в третьих — третьего. В первых аккумулирована информация одного характера, во вторых — другого, в третьих — третьего. Каждая такая группа источников представляет нам свои, особые познавательные возможности и требует специфических, на нее рассчитанных методов извлечения информации.

Что следует понимать конкретно под *условиями формирования источника*?

Всякий археологический объект, сколь бы он ни был сложным, сколь бы разнообразную и богатую информацию ни содержал, все же не способен осветить нам всю исследуемую культуру или всю эпоху. Он неизбежно является какой-то частицей древней культуры, притом частицей, которая участвовала в жизни культуры на каком-то отрезке. Абсолютизируя эту реальную особенность археологических источников, западные археологи скептического направления (в частности, англичане С. Хокс, Г. Даниел, С. Пиготт) утверждают сугубую ограниченность

информационного содержания источника. По их мнению, источник в основном рассказывает о себе самом (он ведь тоже часть культуры и факт истории) и о своем ближайшем окружении; дальше его связи очень нерегулярны, запутаны и туго поддаются дисциплинированному познанию, а отдаленные от материальной культуры сферы бытия—язык, мораль, идеи — и вовсе недоступны археологии.²⁷ Опровергая эту позицию, лидер американской «новой археологии» Л. Бинфорд впал в противоположную крайность: с его точки зрения, в каждой клеточке культурной системы отдаются толчки, полученные системой в любой точке, и, следовательно, отражается жизнь всей системы, отражается по строгим законам, которые делают возможным научное познание: по одной клеточке можно узнать всю культуру.²⁸ Но и это не так. Беспристрастный наблюдатель найдет даже в современной культуре элементы и целые участки, совершенно не затронутые тем или иным великим событием эпохи и даже любым ее крупным событием.

Всякий археологический объект содержит информацию не только о себе самом и не только о своем ближайшем окружении. Но всякий археологический объект как аккумулятор информации неполон. Он дает нам не всю картину культуры и эпохи, а *вырезку*. Даже если бы удалось собрать полную сумму всех вырезок, из них было бы не так-то просто составить древнюю культуру: в силу многозначности и полифункциональности многих деталей культуры они могли занимать в ней разные места; сумма деталей еще не образует целого и нередко может образовать его по-разному. Между тем многие вырезки безвозвратно утрачены, другие повреждены, третьи сохранились неплохо, но пока не найдены и не скоро будут найдены. Нужно максимально использовать познавательные возможности, которые предоставляет каждая найденная вырезка.

Когда мы говорим, что условия формирования источника определяли характер отложившейся в нем информации, то имеется в виду, что они диктовали конфигурацию вырезки — *истоки и критерий отбора информации, способ ее фиксации, отношение зафиксированного образа к реальному миру*. Конечно, все это связано с тем, как возникал данный археологический источник, каково было в этом соотношение сил природы и человеческой деятельности, стихийных процессов и сознательных усилий, коллективной работы и индивидуальных действий, создания и разрушения, рутины и творчества. А это определено тем, какова была структурная позиция объекта в экосистеме (т. е. в системе «культура плюс среда»). Если же речь идет о культурных объектах, то каковы были функциональное назначение и использование, а затем «демобилизация» объекта, приведшие к данному археологическому результату. Это совокупное воздействие можно обозначить как *функционально-археологическую результатанту*. Она учитывает, чем предназначен был служить и чем реально служил данный объект людям и какую форму отставки получил. Все объекты, схожие по этому комплексному показателю, будут схожи и по конфигурации своей информационной вырезки — не обязательно по содержанию информации, (хотя нередко и по тематическому составу), но уж непременно по принципам ее отбора, фиксации и по образительности.

Практически археологи давно группируют свои источники по этому показателю, когда подбирают пригодные способы извлечения информации из источника. Сложившиеся в археологическом обиходе *катего-*

²⁷ Hawkes C. F. C. Archaeological theory and method: some suggestion from the Old World. — «American Anthropologist», 1954, vol. 56, p. 155—168.

²⁸ Binford L. R. An archaeological perspective. New York—London, 1972, p. 94—95.

рии» источников — от «городищ», «селищ», «курганов», «кладов» и «петроглифов» (наскальных изображений) до «фибул» (застежек), «колов» (медальонов), «подвесок» или «скребков» и «проверток» — выделены именно по этому показателю.²⁹ Тот, кто намеревается осмыслить обнаруженное городище, несомненно, постарается ознакомиться с уже опубликованными исследованиями городищ, хотя бы и другой культуры, другой эпохи, другого края. Он выберет наиболее поучительные исследования городищ, давшие богатую информацию, убедительные, экономичные. Работающий над плоским (бескурганым) могильником обратится к образцовым исследованиям аналогичных источников. Исследователь лепной керамики поищет образцы среди исследований лепной же керамики и т. д.

Это чисто эмпирическая группировка. Она позволяет уменьшить пестроту материала, отойти от изолированного рассмотрения каждого объекта по отдельности, «поштучно». Она сводит их в группы («категории») — единицы низшего этажа в здании классификации. Но этих «категорий» множество, и способы дешифровки их информации, стихийно накапливаемые, неизбежно должны оставаться неупорядоченными, трудно обозримыми, а выбор их необоснованным, доколе не удастся укрупнить ячейки классификации, объединить категории в блоки на верхнем этаже классификационного здания, наметить логичную схему общего деления всего материала. Тогда от эмпирического накопления способов дешифровки легче будет перейти к теоретическому решению задачи: к выявлению всего спектра возможностей, к поиску новых способов, к обоснованному выбору адекватных приемов. Это поможет избежать ошибочного применения методов дешифровки. Конечно, логичнее было бы с этого начать, но коль скоро этого не произошло, возможно, что практика исследовательской работы, в которой археологи повседневно оперируют этими категориями («городища», «курганы», «резцы», «скребки» и т. д.), так сказать, потребляют их, подскажет теории, как разделить всю совокупность — «разрезать Зеркальный пирог», по выражению Л. Кэрролла.

6. Тематическое деление

Задача состоит в том, чтобы найти критерии общей группировки «категорий» по условиям их формирования, определившим характер информации. Какие же условия так кардинально определяли характер информации, отложившейся в источниках?

Конечно, сказывалась принадлежность объекта к той или иной сфере культуры, связь с той или иной отраслью жизнедеятельности общества. Естественно ожидать, что об этой сфере можно больше всего узнать из осмысления данного объекта. Если раскопана мастерская, то она дает больше всего сведений о развитии ремесла, если храм — то о религии, если хлев — о животноводстве и т. д. Но это банальное предположение оправдывается лишь очень приближенно, только в общем и целом, и не имеет большого значения.

²⁹ В археологических руководствах обычно указано, что «категории» выделены по функциональному назначению. Это неверно: функциональное назначение нередко очень долго остается неизвестным археологу или известным сугубо предположительно. То, с чем археолог имеет дело непосредственно, есть суммированный результат назначения, использования и разрушения, в каком-то результате зачастую назначение очень трудно распознать, а в схожих предметах разные назначения нелегко различить и разделить. Курган может оказаться намогильным холмом или памятной насыпью, а может — руинами сырцового мавзолея, или отвалом, или участком вала, использованным под кладбище (как было в Саркеле — Белой Веже). Клад может быть сокровищницей или «зачачкой», жертвоприношением, и т. д.

Ведь если из предмета можно извлечь «больше всего» данных о такой-то сфере, это еще не значит, что все добываемые из него сведения будут только о ней, и не значит, что самые интересные сведения окажутся о ней, и не значит, что самые надежные или вразумительные или доступные — тоже о ней. В культуре многие явления из разных сфер очень тесно переплетены; в жизни общества нередко один предмет проходит через различные сферы человеческой деятельности, и каждая оставляет на нем следы (становящиеся информацией о нем). Любая древняя церквушка может рассказать не только о бытовавшей религии, но и о строительном мастерстве и архитектуре, ряде ремесел, развитии изобразительных искусств, о культурных связях с другими краями и т. д.

Конечно, в археологии предпринимались смелые обобщающие исследования с целью упорядочить средства и способы реконструкции исторического прошлого — жизни человеческих обществ, их облика, сгруппировать эти средства по сферам культуры и жизни общества. При этом исследователи поступали примерно так: рассматривали в современном облике каждой сферы культуры части, предположительно наиболее близкие к древнейшему прошлому, и выделяли в этих частях то, что имело бы шансы сохраниться и отложиться в археологических остатках. Прикидывая, в каком виде все это в конечном счете могло бы в этих остатках оказаться и в каких именно, археологи затем искали такие элементы в реальных археологических материалах. В итоге получалась для каждой реконструируемой сферы культуры весьма пестрая коллекция ее археологических следов, в самых разных категориях археологических источников. Поэтому все основные труды подобного рода — книги Гордона Чайлда, Грэхема Кларка и Берты Шернквист³⁰ — не привели к стройной группировке категорий археологических источников (да это и не было их целью).

Что ж, можно представить противоположную задачу — попытаться перевернуть схему логических цепочек корреляции, начать продвижение не от сфер культуры и социальной жизни, а с противоположного края — от категорий археологических источников.

В течение многих десятилетий археология накапливала знания о тематической информативности разных категорий своих источников и раскладывала их по категориям. Это знания о том, какие сферы исторического прошлого каждая категория освещает, как эта информация в данной категории закодирована и как эту информацию извлекать. Одна за другой появлялись методологические разработки такого плана по отдельным категориям источников.³¹ Но вот свести их воедино, чтобы категории сгруппировались тематически, по своему информацион-

³⁰ Childe V. G. 1) *Social evolution*. Cleveland, 1951; 2) *Piecing together the past. The interpretation of archaeological data*. London, 1956; Clark G. *Archaeology and society*. London, 1959; Stjernquist B. *Archaeological analysis of prehistoric society*. London, 1972; см. также работы по отдельным сферам культуры: Кларк Г. *Доисторическая Европа. Экономический базис*. М., 1954; Renfrew C. *Social archaeology*. Southampton, 1973; Gjessing G. *Socioarchaeology*. — *Current Anthropology*, 1975, vol. 16, N 3, p. 323—342; Trigger B. *The archaeology of government*. — *World Archaeology*, 1974, vol. 6, N 1, p. 95—106; Kohl Ph. L. *The archaeology of trade*. — *Dialectical Anthropology*, 1975, vol. 1, p. 43—50.

³¹ Напр., о поселениях, жилищах и архитектуре см.: Воронин Н. Н. *Архитектурный памятник как исторический источник*. — *Советская археология*, 1954, вып. 19, с. 41—76; Vencl S. *K otázce interpretace pravěkých staveb*. — *Archeologicke Rozhdey*, 1968, t. 20, N 4, s. 490—510; *Settlement archaeology*. Ed. by K. C. Chang. Palo Alto, 1968; о погребениях и могильниках см.:

ному содержанию, по освещаемым сферам культуры — это никому не удалось.³²

7. Историк и источник

Не успела Алиса и глазом моргнуть, как она начала падать, словно в глубокий колодец. То ли колодец был очень глубокий, то ли падала она очень медленно, только времени было достаточно, чтобы прийти в себя и и подумать, что же будет дальше.

... А она все падала и падала. Неужели этому не будет конца?

Перечислив (вдобавок к сведениям о религии) множество тем (из разных сфер культуры), получающих освещение в результате раскопок одной небольшой церквушки, необходимо добавить, что вот как раз о религии далеко не все основные и нужные данные можно получить из раскопок одной церквушки (или даже всех церквей данной эпохи и данного края!). С другой стороны, помойная яма может рассказать не только о пищевом рационе, составе стада, предметах домашнего обихода (посуде и т. п.), но и об обычаях удалять «нечистое» и о религиозной регуляции питания (в чередовании прослоек с костями то звериными или птичьими, то рыбьими видна смена: мясоед — пост — мясоед — пост...). Но яма расскажет обо всем этом не сама и не всякому. Кстати, при раскопках именно такой ямы в Саркеле (Белой Веже) на Дону смысл чередования ускользнул от молодых археологов, чуждых религии, но чередование заметил и о смысле его сразу догадался старик, хорошо знакомый с религиозным бытом.

О чем расскажет источник, зависит вообще не только от прежнего места данного предмета в системе культуры и, значит, от его связей в ней — прямых и косвенных, но и от того, сколь изошрен современный исследователь, много ли он уже знает об этой древней культуре, широк ли круг доступных ему аналогий для лучшего понимания, как глубоко он сумеет забраться, прослеживая связи этого предмета в древней культуре — прямые и все более косвенные, звено за звеном. Но то, чего исследователь не умеет и не знает сегодня, он сможет и узнает завтра, а то, чего не осилит он завтра, достигнет его преемник, и этому прогрессу не видно конца. А это значит, что источник неисчерпаем, и предсказать, о чем расскажет источник, можно лишь очень грубо и неполно и классифицировать источники по этому признаку заранее, до

Gąssowski J. O roli cmentarzysk jako źródeł do badania struktury społecznej ludności. — In: *Archeologia Polski*, t. 1, 1957, s. 19—34; Binford L. R. Mortuary practices: Their study and their potential. — *Memoir of the Society for American Archaeology*, 1971, N 25, p. 6—29; Häusler A. Zur Problematik der Gräbersoziologie. — In: *Moderne Probleme der Archäologie*. Berlin, 1975, S. 83—102; окладах см.: Geißlinger H. *Horte als Geschichtsquelle*. Neumünster, 1967, и др.

³² В книге В. М. Массона, представляющей собой новейшее обобщение подобных разработок (Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976), сделана такая попытка, но автор не проявил последовательности. В его книге порядок рассмотрения корреляций между археологическими данными и реконструируемыми системами смешанный. Часть материала в первой половине книги излагается все же по реконструируемым системам (производство, обмен, демография), и только другая часть — по категориям источников (жилища, погребения и т. п.). В результате не только нарушилась логика изложения, но и чрезмерно сузилась интерпретация каждой категории источников — у каждой появилась главная тема, вытесняющая иную информацию (скажем, трактовка жилищ почти свелась к реконструкции форм семьи, трактовка погребений — к имущественной и социальной дифференциации и т. д.).

извлечения из них доступной информации, бесполезно. По этому признаку полезно группировать добытую информацию, а не источники.

Это общее правило — оно относится не только к археологии, но и к истории. Историк и источник взаимосвязаны. Они зависят друг от друга. Качества каждого из них не оценить, не зная качеств другого.

Какие же еще критерии, связанные с *происхождением источников*, позволяют провести крупное размежевание среди категорий, привести их множество к единому порядку, сплотить их в несколько обширных разрядов? Иными словами, какие еще *условия формирования археологического объекта* должны были в разных категориях источников одинаково сказываться на характере отложившейся информации? Если именно на характере, а не на тематическом составе, то, вероятно, искать надлежит в круге тех условий, которые уже были учтены как факторы кристаллизации ячеек на низшем этаже классификационного здания.

Важно, каково было генеральное размежевание в выборе исходного очага возникновения информации — не столько в какой социальной сфере он размещался, сколько в какой *зоне информационного процесса*: там, где информация образуется естественно и просто, или там, где она возникает в сложных накоплениях и подвергается многим преобразованиям; расположен ли очаг возникновения основной информации глубоко и в удалении от конечного накопителя — археологического объекта — или поблизости от него.³³ Еще важнее, каково размежевание в принципах отбора информации: формировался ли источник так, что в передаваемых им образах смежная действительность отражалась хотя и неполно, но безразлично, с равномерными пропусками, или же в его образы какие-то элементы действительности (точнее, информация о них) проходили свободно, а иные не пропускались, так что облик и пропорции древней действительности искажались? А когда искажались, то как искажались? Примерно одинаково или по-разному, с резкими различиями из-за разных *сортировочных фильтров*, определяющих, что пропускать, что задерживать? Каковы основные виды этих фильтров? Каково размежевание в способах кодирования и хранения информации: выражена ли она в знаках-индексах (частях самих реалий) или в иконических знаках (изображениях) или в символах (сугубо условных изображениях)?

Однако все эти условия определяли характер информации источников только с одной стороны — со стороны *объективных* факторов. Между тем, как было показано выше, характер информации определяется взаимодействием факторов с двух сторон, и никак нельзя сбрасывать со счетов факторы *субъективные*. Субъективные в том смысле, что они характеризуют активность субъекта исследования, т. е. ученого. Эта субъективность относительна и отнюдь не равнозначна произвольности и полной неопределенности, индетерминированности. Ведь деятельность субъекта исследования во многом определена объективными, от него не зависящими условиями — уровнем науки его времени, ресурсами его учреждения и т. п. В числе этих объективных условий, так сказать, включающих в действие и регулирующих субъективные факторы, могут оказаться и какие-то условия формирования источников, какие-то *предопределенности* в конфигурациях информационных вырезок. Одни древние условия формирования впоследствии могут облегчать современному человеку понимание источника, другие — затруд-

³³ Клейн Л. С. К разработке процедуры археологического исследования. — В кн.: Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975, с. 42—53.

нять, и это различие может оказаться в числе решающих для требуемой классификации.

Таковы в совокупности основные опоры для построения классификации археологических источников как источников. Поскольку это информационный подход к проблеме, а информационный подход в археологии еще очень молод, не приходится удивляться тому, что самой классификации такого плана, сколько-нибудь мотивированной и развернутой, в распоряжении археологов еще нет. Однако первый набросок, хоть и очень обрывочный, существует. Его предложил археолог из ФРГ Г.-Ю. Эггерс.

8. Схема и жизнь

Несколько минут Алиса стояла, не говоря ни слова, — только глядела на раскинувшуюся у ее ног страну. Это была удивительная страна. Поперек нее бежали прямые ручейки, а пространство между ними прямые ряды кустов делили на ровные квадраты.

— По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску, — сказала, наконец, Алиса. — Только фигур почему-то не видно... А впрочем, вот и они!

Эггерс применил два критерия деления: по *характеру отбора* элементов культуры, составляющих в конечном счете археологической памятник, и по *понятности принципов отбора* современному археологу. Каждый из критериев у него получается дихотомным (двоичным).³⁴

Рассматривая характер отбора, Эггерс выявляет как раз те *фильтры*, о которых выше шла речь. Суть дела можно пояснить простым примером. Если мастер, взяв кусок кожи, выкроил подошву для башмака, то об этой обуви и ее производстве археолог сможет судить двумя путями: 1) по самому предмету — слегка стоптанной или даже ненашенной подошве в составе башмака (скажем, на ноге покойника) и 2) когда самого предмета нет — по его негативу, т. е. по краевому остатку кожи, сохранившему большое отверстие в форме подошвы и выброшенному на помойку. В каждом случае информация неполна, однако состав ее различен. В первом случае (*позитивная выборка*, по Эггерсу) есть форма, размер, материал, связь с другими деталями, характер древнего использования и т. д. Во втором случае (*негативная выборка*) есть материал и размер, из формы дан только контур, остальное отсутствует (вот разве что способ изготовления предмета проступает несколько яснее).

Распространив этот критерий деления на всю материальную культуру, мы должны будем причислить к *позитивным выборкам* все те источники, которые доносят до археолога какую-то часть предметов, действовавших в культуре, доносят в сравнительно целом виде и в комплекте. Концентрированное представление о такого рода источниках дают современные так называемые «капсулы времени» — закупоренные контейнеры с отобранными современными предметами для наилучшего представления о нас у потомков, как бы ракеты, направляемые в будущее. Во время всемирных выставок в США в землю зарывали такие ракеты с аксессуарами американского образа жизни. К *негативным*

³⁴ Eggers H. J. Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959, S. 264—268.

выборкам отойдут все те источники, которые доносят до археолога нечто иное — не части, изъятые из тела культуры при ее жизни, а совокупность отходов культурной жизни, все то, что при жизни культуры в ней не функционировало, признавалось негодным к этому, мешало и потому выбрасывалось. Где-то в стороне оно собиралось и накапливалось с врезанными в него отпечатками, негативами, косвенными характеристиками функционировавших элементов культуры, включая остатки этих элементов, сработанные и переставшие функционировать. Наиболее типичный образец такого источника — помойка.

Если исходить из примера с подошвой, может показаться, что позитивные выборки гораздо ценнее как источники для археологов, чем негативные. Что это не так, убедиться нетрудно — стоит только распространить принцип деления на более широкие части культуры. Взять хотя бы указанные выше показательные источники — «капсулы времени» и помойку. Сразу становится очевидным, что позитивные выборки имеют не только преимущества перед негативными, но и недостатки. Позитивная выборка, захватившая предметы такими, какими они действовали в культуре, формируется и попадает к археологу только в том случае, если сами древние люди позаботились о том, чтобы изъять эти предметы из живого обихода и законсервировать для потомков, или для божества, или для собственной надобности в будущем. А это значит, что *позитивная* выборка есть результат сознательного отбора, в большой мере свободного, иногда произвольного, во всяком случае, субъективного. *Негативная* же выборка содержит накопления, сложившиеся естественным путем. Вещи, а также их обломки, отходы жизни, отбросы поступали туда без специального, сознательного, отбора: люди отправляли их туда непроизвольно, непреднамеренно, сами того не замечая, механически, как выбрасывают окурок. Значит, негативная выборка представляет более объективный источник информации? По Эггерсу так.

Однако при этом не стоит забывать, что объективность негативной выборки (в смысле: непредвзятость, всеядность, отсутствие субъективных предпочтений) не гарантирует адекватности (полноты и точности) отображения. Ведь отображению подлежит культура, какую она была при жизни, какою функционировала, а посредником отображения здесь служат те отходы жизнедеятельности, которые никогда не функционировали или, хоть и функционировали, но достигли такого состояния, что уже не могли функционировать. Они отлагались, так сказать, рядом с действовавшей культурой, отнюдь не обязательно повторяя ее формы. Отражение здесь косвенное, с преобразованиями.

Таким образом, оба вида выборки страдают некоторой ущербностью как источники информации. Ни тот, ни другой не могут считаться безупречными, оптимальными и достаточными. В большой мере они взаимодополнительны.

Другой критерий деления, предложенный Эггерсом, — сколь понятны современному человеку принципы древнего отбора элементов культуры в данную выборку (все равно, позитивную или негативную). Вернее, очевидны они или скрыты, определены они сразу или нет. Мы, конечно, знаем, зачем отбирались вещи для «капсул времени», а значит, догадываемся и о том, с какими пристрастиями и предпочтениями, с какими табу отбирались. Понятны нам и причины, по которым попадали вещи на помойку. И «капсулы времени», и помойка — это, если определять по Эггерсу, *выборки на известных основаниях*. А вот иной казус: археолог, идя по берегу реки, натолкнулся на кремневый наконечник стрелы с глиняным черепком от неолитического горшка. В этом случае исследователь не может уверенно решить, почему эти вещи ока-

зались здесь и почему в таком сочетании — потерял ли их некто или оставил специально, был ли то один человек или разные люди разной культурной и этнической принадлежности, побывавшие тут в разное время, наконец, занесли эти вещи сюда сами древние люди или позабыл недавно коллекционер, нашедший их в другом месте. Такая находка составляет как источник то, что Эггерс именует *выборкой на неизвестных основаниях*.

Поскольку у Эггерса два критерия деления, каждый с альтернативным (двоичным) решением, и оба критерия равноправны и независимы друг от друга, то границы делений взаимно пересекаются, образуя сетку (2×2) из 4 клеточек. Разнося по этим клеточкам категории археологических источников, Эггерс, однако, занимает только 3 клетки, оставляя четвертую свободной, а в эти три помещает в каждую по одной категории. По Эггерсу, погребение — это *позитивная выборка на известных основаниях*, поселение — *негативная выборка на известных основаниях*, клад — *позитивная выборка на неизвестных основаниях*. Может показаться странным, что поселение как источник приравнено к помойке, но ведь археологу обычно достается поселение, оставленное жителями, которые, конечно, унесли с собой почти все ценное, все годное к дальнейшему функционированию. Если жители не ушли, а живут на том же месте, то в археологический объект превратились заброшенные ими жилища, заваленные отбросами и строительным мусором новых зданий и ставшие нижним слоем отложений, — тут сходство с помойкой еще нагляднее. Итак, три клеточки схемы у Эггерса заняты.

Впрочем, сюда вписывается и четвертая категория, в значительной мере подпадающая под определение *негативной выборки на неизвестных основаниях*, — это «отдельная находка», т. е. изолированный элемент или несколько элементов культуры (предмет или несколько его обломков, два-три предмета, нередко отходы производства и т. п.), встреченные вне комплекса, вне связи с сооружением. Отдельная находка может оказаться в составе памятника, хотя и вне функциональной связи с другими его компонентами, а может попасться современному человеку как «случайная находка» — не при специальных археологических полевых работах (разведках или раскопках). Это как раз тот казус, который взят здесь для примера негативной выборки на неизвестных основаниях. Теперь занята и четвертая клеточка.

Схема подкупает ясностью, простотой и прикладными возможностями в деле методологической оценки категорий. Однако эта простота и прямолинейность в то же время несколько настораживают: хватит ли жизненности в этом шахматном мире? Сам Эггерс понимает, что эта четырехклеточная сетка может служить только наброском классификации археологических источников — для общей методологической ориентировки в их категориях. Сам же он отмечает, что сюда не укладываются наиболее ценные для археолога источники, — «древние города, погибшие от стихийных бедствий», застигнутые врасплох и зафиксированные как бы моментальным фотоснимком в том виде, какой они представляли при жизни. Никто ничего не отобрал, не истощил, не унес. Таковы Помпеи, заваленные пеплом и грязью, превратившимися в цемент. Такова минойская Тера, опустившаяся под воду при взрыве вулкана. Эггерс рассматривает такие памятники, как *источники с полной комплектностью*. Это не вполне точно, даже если оставить в стороне ограниченность самого комплекса. Ведь многое погибло при катастрофе, другое истлело и изменилось от времени, и в итоге перед нами, конечно, тоже выборка. Но выборка, в которой участие древнего человека в отборе сведено к минимуму, почти к нулю — *выборка стихийная*.

А как разместить в клеточках схемы такие категории археологических источников, как «петроглифы» («наскальные изображения»), «святилища», «поля древнего земледелия», «древние дороги», «военные сооружения» (валы и рвы, как, скажем, Змиевы валы на Украине)? Дело не в том, что не хватает клеток — можно бы разместить и по нескольку категорий в клеточке. Дело в ином: некоторые категории просто не вписываются в эту схему, не укладываются в границы ее клеток и не характеризуются достаточно ясно и полно ее определениями. «Петроглиф» — позитивная выборка, но известны или не известны основания, по которым рисунок нанесен на скалу? А «древняя дорога» — позитивная или негативная выборка? Скорее позитивная: налицо то, что служило людям в древности. Но позитивность здесь не та, что в погребении, и нельзя эти категории загнать в одну клеточку. Для дороги не отбирали ни дезинформирующие элементы, ни отбросы. Дорога была функционировавшей частью древней жизни — частью, которая иной раз почти в неизменном виде дошла до нас. А «поле древнего земледелия» — позитивная или негативная выборка? Да здесь, пожалуй, вообще не очень применим сам вопрос. Он не имеет значения и смысла. Поле то же самое, но оно и заброшено, впрочем, хотя и заброшено, снова служит полем. . .

Неладно и вообще с распределением «оснований» (мотивов) на «известные» и «неизвестные». И «известность» и «неизвестность» весьма относительны. Так ли уж неизвестны нам мотивы оседания монет и других ценностей в кладах? Этих мотивов не так много (изъятие «лучшей» монеты из обращения про запас, запрятывание богатств от опасности дома или в дороге, «умерщвление» богатств для использования «на том свете», votивное жертвоприношение богествам), и обычно можно выявить детали, свидетельствующие о том или ином мотиве. С другой стороны, так ли уж известны нам мотивы древнего захоронения покойников? В большой мере это иллюзия, основанная на внешнем сходстве древних способов захоронения с современными. Имелось ли в виду создать покойному удобное вечное пристанище или только бивак на пути в мир иной, обезопасить покойного от покушений (грабителей и т. п.) или, наоборот, предохранить живых от злости мертвеца? Сопровождающий инвентарь и пища — это личное имущество покойного или дары сородичей? Они предназначены для самого покойного или для божеств? Кого изображают каменные изваяния на могиле — божество-покровителя, павшего героя или побежденных им врагов? Обо всем этом нередко идут споры, а в тех случаях, когда споров нет, это еще не значит, что есть ясность или согласие.

Наконец, у Эггерса приняты во внимание только источники монументальные (сооружения и памятники) и совершенно не учтены как источники портативные археологические материалы — находки, артефакты и т. п.

Стало быть, критерии Эггерса, при всей их методологической ценности, относительны и недостаточны для построения всеобъемлющей системы археологических источников. Эти критерии позволяют выявить лишь часть необходимых характеристик и увязать воедино лишь некоторые (хотя и важнейшие) археологические источники.

9. Виды практики и источники

Задумаемся, однако, над тем, что связывает воедино оба критерия Эггерса, к чему он их приложил, на что нацелил классификацию. Это все тот же отбор элементов культуры древними людьми для того предмета, комплекса или сооружения, словом, для той выборки,

которая затем подверглась воздействию последующих поколений и стихий и, наконец, стала для нас археологическим источником. Стараясь ухватить характер, логику отбора элементов и оценить понятность этой логики для нас, Эггерс в обеих задачах подступает вплотную к *мотивам*, которыми руководствовались древние люди, создавая то, что стало для нас тем или иным археологическим памятником. Логика отбора определяется этими мотивами, понятность или непонятность их логики для нас — это явность или неявность мотивов. Если мы хотим сделать следующий шаг, проникнуть глубже к корням распределения информации по категориям источников, то, видимо, надлежит рассмотреть ту собственно *практическую деятельность* людей, в которой непосредственно и возникали эти мотивы, в которой они действовали и которая приводила к созданию этих выборок — археологических источников. В этой деятельности, в этой практике и надо различить такие ее виды, которые расходятся по мотивам и способам отбора элементов для создаваемых вырезок материальной культуры.

Критерий этого различия — не просто *жизненная функция* данного объекта материальной культуры, как могло бы показаться. У ножа, топора, бусины функции разные, но с точки зрения искомого критерия эти вещи в ряде случаев должны оказаться однотипными. У жилища и помойной ямы функции разные, но и эти сооружения могут оказаться в одной группе источников, причем вместе с названными только что. С другой стороны, оружие, найденное в погребении, и оружие, найденное в культурном слое поселения, как источники информации весьма различны, хотя жизненная функция у этих предметов была одна. Стало быть, искомым критерий — не непосредственно различия в жизненных функциях предметов или комплексов, а нечто иное, лишь косвенно связанное с функциями.

Это нечто, более важное для формирования археологических источников, для сложения того или иного их информационного облика, — совокупность материальных, территориальных и диапозонных характеристик деятельности. Сюда входят: а) *материальная оснащенность и результативность* деятельности — много ли от нее должно остаться материальных остатков и изменений в материальной среде; б) *территориальная* распределенность деятельности — будут ли эти остатки и изменения сосредоточены в одном месте или разбросаны по разным местам; будет ли этот разброс случайным, безразличным или он как-то рассортирует по этим местам остатки; в) *широта и ориентировка культурного диапазона* — разносторонняя ли это деятельность или специфическая; повседневная и обычная или редкая, особого назначения; широкая по захвату культурных элементов или узконаправленная; тесно связанная с другими видами деятельности или весьма отделенная от них; нацеленная на исчерпывающую эксплуатацию функционирующих элементов культуры (до полной отработанности) или на их сохранение в годном для работы состоянии.

Если мы взглянем на деятельность древних людей под этим углом зрения, то окажется, что, как бы ни была разнообразна практика, основных видов деятельности³⁵ всего четыре. Их можно обозначить словами: 1) *обитание*, 2) *хранение (упокоение)*, 3) *созидание*, 4) *пробывание (посещение и передвижение)*. *Обитание* — наиболее обширный, почти всеобъемлющий вид деятельности, втягивающий в себя отдельные

³⁵ В данном контексте, в отличие от разработки М. С. Кагана, слово «деятельность» не выступает философской категорией и понимается как «практическая активность», а не как способ существования и специфическое отличие человека (ср.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974, с. 3—6, 50—53, 80).

операции всех остальных видов; от него остаются богатые материальные остатки, сосредоточенные на одном месте; ассортимент остатков весьма широк и представительен, но обычно в нем преобладают «негативы» — отработанные элементы культуры. Это единственный вид деятельности, от которого остается культурный слой. *Хранению* (или *упокоению*) подвергаются специально отобранные части культурного достояния (включая тела умерших людей и иногда животных), драгоценности и т. п. Как правило, это объекты в «позитивном» состоянии, и часто сосредоточившиеся подробно, но однородную информацию. Под *созиданием* здесь условно (исключая созидательную деятельность на местах обитания и упокоения) имеются в виду те преобразовательные действия, в результате которых остаются отдельные сооружения (обычно военно-оборонительного, ирригационного, горнодобывающего, транспортного или культурного назначения). Это рвы, копи, насыпи, каменные или деревянные конструкции, изображения на скалах, словом, объекты большей частью в «позитивном» состоянии. Хотя и очень узкие по отбору элементов, даже обычно скупые, они в совокупности более разнообразны и широки по диапозону, чем результаты упокоения. От *пребывания* остается мало материальных следов (часто вовсе не остается), и они рассеяны по разным местам, которые люди посещали и по которым проходили или проезжали. Как правило, это остатки изолированные, узкого набора, но безразлично распределявшиеся и обоих видов — как «негативные» (колеи и выбоины на дорогах, обломки вещей), так и «позитивные» (потерянные вещи).

Однако если прямолинейно перенести эту разбивку видов древней практической деятельности на современные археологические источники,³⁶ то образовавшиеся четыре группы все же не будут обладать четким размежеванием в желательном аспекте. В некоторых группах окажутся и источники-«позитивы» и источники-«негативы», и узкие и широкие, а понятность мотивов и вовсе не учтена. Очевидно, приведенных характеристик практики недостаточно для оценки ее результатов как источников информации. Нужно еще добавить испытующий взгляд на мотивы формирования источников со стороны получателя информации — субъекта исследования, археолога. Но взгляд, обусловленный объективными качествами самих источников (остальные данные о субъекте неразумно было бы включать в классификацию источников). А это значит, что нужно ввести в число критериев *способ поступления материализованной информации о древней человеческой практике к потребителю (получателю) — археологу, т. е. механизм превращения материализованной информации о человеческой практике в археологический источник*. Иначе говоря, критерием становится вид археологизации результатов древней человеческой практики, т. е. *путь изъятия предметов и комплексов из живого обихода*.

Здесь тоже не так уж много основных разновидностей: 1) *катастрофа*, стихийная или устроенная людьми, приводит к полному поступлению всего, что было при жизни и уцелело — и «позитивов» и «негативов» — в археологический памятник, и дальше уже от условий и времени залегания зависит сколько из этого сохранится до раскопок; 2) *специальный вынос* некоторых предметов и комплексов в хорошем состоянии («позитивы») за пределы живого обихода в стабильную среду (или создание их сразу там), где они затем сохраняются и ветшают в зависимости от времени, условий и своей прочности; 3) *нормальное выпадение* культурных остатков из живого обихода на месте обитания

³⁶ Близкий к этому облик имеет классификация археологических источников в чехословацких «Основах петроархеологии» (Stelcl J., Malina J. *Zaklady petroarcheologie*. Brno, 1975, табл. 6, s. 84).

и труда или поблизости: выпадают отходы производства, пищевые отбросы, обломки предметов и сработанные, изношенные предметы по окончании их жизненного цикла («негативы»); 4) *аномальное выпадение* из живого обихода целых годных к функционированию предметов и даже комплексов («позитивы»): случайные потери на дорогах, при переправах и т. п. Сюда же можно отнести неубранные тела погибших людей (поскольку они не были специально подготовлены к гибели и сохранили к моменту гибели свой обычный облик).

Итак, тоже четыре разновидности.

Вот теперь можно составить сеть координат, в которой должны найти место и групповую принадлежность все основные категории монументальных археологических источников (табл. IX). Это и есть классификация археологических источников по условиям их формирования. В каждой ячейке ее должны объединиться источники, близкие по характеру закодированности информации и, следовательно, по требованиям, которые надо соблюдать при дешифровке.

В таблицу попадают только простые (в смысле: гомогенные, с однородным составом) источники. Формирование одного такого источника шло в основном при одних и тех же условиях. Но есть источники сложные по составу. Разные части такого источника формировались при существенно различающихся условиях и должны были бы попасть в разные ячейки нашей классификации. Однако их приходится рассматривать как части одного источника по тем же причинам, по которым разнокультурные и разновременные отложения на одном месте образуют один многослойный памятник (напоминаю: в процессе отложения и после него те воздействуют друг на друга — нарушения слоя, перекопы, взаимопроникновение вещей, а в процессе исследования переснято друг друга — например, в установлении хронологии). Так же и здесь: части взаимосвязаны, дешифровать их сочетание можно иными способами, чем осмысливать их порознь.

Пример такого сложного источника — *городище*. Это отжившее укрепленное поселение; его образуют культурный слой плюс система оборонительных сооружений (валы, рвы, крепостные стены и т. п.). Культурный слой может подстилать часть стены, перекрывать ров, падать в насыпь вала, обломки стены могут смешиваться с культурным слоем и т. д. Другой пример такого сложного источника — *пещеры* с палеолитическим культурным слоем и живописью на стенах и потолке (т. е. с функцией святилища). *Древние города* — третий пример (они нередко включают в себя кладбища, храмы-святилища, дороги, мастерские, свалки и даже поля древнего земледелия).

Достаточную для опознания описательную характеристику каждой из 18 простых категорий этой классификации и 3 или больше сложных категорий можно найти в литературе.³⁷ Методологические же характеристики их хотя и разрабатываются,³⁸ но пока неполно, выборочно и односторонне, а сводки характеристик такого рода и вовсе нет.

Еще слабее затронуты методологическими разработками портативные археологические материалы как источники — все то, что, будучи найдено в составе комплекса (поселения, погребения и т. п.), именуется *инвентарем*, а вне комплекса — *отдельными находками*. Обычно они даже не фигурируют в предлагаемых классификациях археологических источников, причем нет и оговорок, что классификаци-

³⁷ Мерперт Н. Я. и Шелов Д. Б. Древности нашей земли. М., 1961; Амальрик А. С. и Монгайт А. Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966, с. 144—162.

³⁸ См. сноску 31 на с. 103.

Таблица IX. Классификация монументальных археологических источников по условиям их формирования

* **	I. Обитание	II. Упокоение	III. Создание	IV. Пребывание
А. Катастрофа	1. Погибшие поселения (слой разрушения)			13. Затонувшие корабли
Б. Специальный вынос	2. Специализированные лагеря (промысловые, горно-промышленные и т. п.)	4. Могильники и погребения 5. Клады 6. Жертвоприношения (включая votивные клады)	9. Сооружения оборонительные, ирригационные и транспортные 10. Святилища и культовые сооружения, включая петроглифы и лабиринты)	14. Места сражений 15. Культовые места
В. Нормальное выпадение	3. Отжившие поселения (культурный слой) — стоянки открытые и пещерные, селища, руины городов	7. Помойки и свалки, костница 8. Отхожие места и копролиты	11. Горные выработки (копи, рудники, шахты) 12. Мастерские	16. Поля древнего земледелия 17. Дороги
Г. Аномальное выпадение				18. Отдельные («рассеянные») находки

* Виды человеческой практики, обусловившей формирование археологических источников.

** Способы археологизации результатов древней человеческой практики, сказавшиеся на характере археологических источников.

ей охвачены лишь монументальные древности: авторам просто не приходит в голову, что в археологии есть еще и иные источники.³⁹

Если попытаться представить классификацию портативных материалов как археологических источников (табл. X) по образцу классификации монументальных источников, то некоторое соответствие способам археологизации (точнее условиям, определяющим путь археологизации) здесь составит ценность вещи для живой культуры: «*позитив*» или «*негатив*». Найдется и некоторое соответствие видам древней практики как критерию, определявшему начало формирования

Таблица X. Классификация портативных археологических источников по условиям их формирования

** *	А. Позитивы	Б. Негативы
I	1. Сырье	6. Пустая порода
II	2. Заготовка	7. Шлак
III	3. Полуфабрикат	8. Брак
IV	4. Готовое изделие	9. Отходы производства
V	5. Сработанная (сношенная) вещь	10. Следы применения вещей

* Стадии жизненного цикла вещи, на которых вещь выходила из обихода и поступала в процесс археологизации.

** Значение предмета для древней культуры при ее жизни, сказавшееся на пути археологизации и на характере источника.

источника, отношение этого начала к моментам жизненного цикла людей и вещей. Это будут пункты выхода вещи из обихода — на какой стадии жизненного цикла вещи и, следовательно, в каком состоянии она «выбывает из игры» и поступает в процесс археологизации. Здесь различимы следующие стадии: 1) *сырье*, 2) *заготовка*, 3) *полуфабрикат*, 4) *готовое изделие*, 5) *сработанное (сношенное) изделие*. Это линия «позитива». На линии «негатива» ее стадиям соответствуют: 1) *пустая порода*, 2) *шлак*, 3) *брак*, 4) *отходы производства*, 5) *следы от применения* данной вещи (следы орудия или оружия и т. п.).

Однако и этой классификации свойственна ограниченность: не охвачены материалы, документирующие состояние природной среды, с трудом укладываются пищевые отбросы, костные остатки и т. п. К тому же на практике здесь различия в материале, технологии и функциональном назначении нередко перевешивают при выборе методов извлечения информации из источника, и эти критерии часто оказываются предпочитаемыми при группировке портативных источников. Какая группировка окажется в этом разделе более рациональной, плодотворной и живучей, покажет будущее. Поработать над обобщением и развитием методов исследования, видимо, стоит в разных распределениях.

³⁹ Одно из приятных исключений составляет чехословацкое руководство по петроархеологии (Stelcl J., Malina J. *Zaklady petroarcheologic*, s. 84).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая эту книгу, непривычную для археолога, надо бы ответить на естественный вопрос: а зачем было делать ее такой — без конкретного разбора археологического материала, без демонстрации планов и фотоснимков, без живого рассказа об увлекательных и талантливых исследованиях и даже без развернутого сообщения практических методических рецептов? В книге преобладают раздумья над глубинными проблемами, обобщенные наблюдения жизни науки, логические рассуждения, дефиниции. Автор старается всесторонне осветить дискуссионные темы, выбрать или найти лучшие решения, проверить их обоснованность, разработать обоснования, если их нет, и предлагает читателю размышлять вместе. Более того, некоторые сюжеты откровенно предоставляет читателю додумать самому.

Все это создает сложности. В условиях, когда теоретические исследования по археологии только-только набирают силу после длительного застоя,¹ когда теоретическая работа нова и непривычна для археологов,² так легко сбиться в рассуждениях на «холостой ход»! Мы, археологи, уже начали отличать теоретические разработки от эмпирических обобщений,³ но еще с большим трудом отделяем теоретическую археологию от археологического пустословия. Граница между ними бывает слабо уловима и в других науках. В своей книге «Репуха» (для названия взято слово «чепуха» и прочитано как бы с латыни) физик А. И. Китайгородский в поисках опознавательных признаков этого сорняка на поле науки привел убийственные примеры разных видов наукообразного пустословия: круговые цепочки определений, претенциозную заумь, украшенные иностранными терминами банальности.⁴ Что греха таить, есть и в современной археологии статьи, вся теоретичность которых — в непроходимом «ученом» языке (с греческими корнями, английским акцентом и немецким синтаксисом), в жонглировании цитатами из классиков (дежурный набор переходит из статьи в статью), в физикоподобных формулах, по которым ничего нельзя рассчитать, в обозначении простых понятий модными терминами без изменения смысла и в несомненном отлете от потребностей практики.

¹ Клейн Л. С. К оценке эмпиризма в современной археологии. — «Проблемы археологии и этнографии», вып. 2. Л., 1977, с. 13—22.

² Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки. — «Советская археология», 1970, № 2, с. 16.

³ Клейн Л. С. Археологическая теория. — В кн.: Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978, с. 8—16.

⁴ Китайгородский А. И. Реникса. М., 1967.

Вот почему желательнее в заключение предпринятого разбора проверить себя — перебрать в памяти результаты разбора, взвесить и обобщить их идейно-теоретическую значимость, наметить практические приложения.

Первый результат, который, как можно надеяться, пригодится археологам и будет полезен для студентов, — это систематизация одного важного пучка фундаментальных понятий археологии и некоторых производных понятий. Автор стремился выяснить реальные соотношения между ними, предложить работоспособные определения и упорядочить термины. Нередко один и тот же термин разные археологи используют для разных, иной раз взаимоисключающих понятий и соответственно определяют его каждый по-своему. Ведь у каждого из этих видных археологов есть свое понимание археологии, своя общая теория или проспект таковой, а значит, каждому из них требуется своя система понятий, в которой термины находят место и определение. Естественно, неодинаковое. Дабы не узурпировать коллегияльных прав и не навязывать свою унификацию, в одном учебнике толковый словарь терминов просто сложили из наиболее авторитетных дефиниций, не выбирая для каждого термина чью-нибудь одну дефиницию. Получилось 3 дефиниции «признака», 4 дефиниции «традиции», 5 дефиниций «типа», 5 — «артефакта», 8 дефиниций «культуры» и т. д.⁵ Что ж, зачем отрицать реферативную полезность такой сводки (ее можно и расширить), но археологи давно тоскуют по единому языку и нормативному толковому словарю.⁶ Без этого трудно сохранить взаимопонимание и проследивать нить рассуждений от работы к работе, трудно вести дискуссию. Но система понятий должна удовлетворять требованиям определенной общей теории; до выбора или разработки таковой строгую, стройную и полную систему понятий не создать. Однако, исходя из сложившейся ситуации и из специфики учебного пособия, автор предпочел другой путь: минуя стройные, но остающиеся индивидуальным достоянием авторов понятийные системы, описать пока что реальное наличие, динамику и функционирование понятий и терминов в современном массовом научном обиходе и соответственно этому определить их, введя строгость, где это допускает реальное употребление, и отмечая все противоречия, неопределенности, расхождения и тенденции изменений.

Второй результат предпринятого разбора — это выяснение места археологических источников среди других источников информации. Здесь особенно важно сопоставление археологических источников с историческими и на этой основе обнаружение специфики археологического познания, определение границ предмета археологии, выявление сходств археологического исследования с историческим и отличий первого от второго. Жизненное значение этого результата для археологии обусловлено тем, что в современной теории и практике археологических исследований у нас специфику археологического познания либо прямо и открыто отрицают (маститые археологи), либо игнорируют (большинство), либо возводят в абсолют (несколько увлекшихся радикалов). Это проявляется в методике исследований, сказывается на качестве научной продукции, подтачивая ее убедительность и стабильность. Хочется надеяться, что предпринятый разбор поможет рассеять иллюзию простоты и общедоступности осмысления археологического

⁵ Malina J. Archeologie: jak a proč? Brno, 1975, s. 158—165.

⁶ Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие... — «Советская археология», вып. 2, с. 10—11.

материала, предостережет историков от дилетантского самоуправства в археологии. Предостережет и археологов от превышения своей компетенции. В этом разборе заключено теоретическое обоснование необходимости особой глубокой профессиональной подготовки археологов (между тем у нас распространено убеждение, что достаточно легкого «натаскивания», чтобы из историка сделать археолога, и в вузах археология числится не «специальностью», а дополнительной «специализацией» при истории). Намеченные здесь контуры процедуры археологического исследования составляют основу для систематизации методов археологии. К такой систематизации мы стремимся не просто из любви к порядку, из пристрастия к схемам или коллекционерского азарта. Такая систематизация нужна для того, чтобы преодолеть нередкую еще случайность в выборе оптимального метода, хаотичность в прохождении этапов исследования и некомплектность в выполнении необходимых операций.

Третий результат предпринятого разбора реализует применительно к некоторым темам общей археологии два подхода, связанных с современной кибернетизацией научного знания — *семиотически-информационный подход и системный подход*.

Первый из них еще только находит дорогу в археологические исследования, пока толкая археологов больше в сторону сбора и обработки количественных данных, иногда к робким попыткам перенести в археологию некоторые методы лингвистов.⁷ Между тем этот подход глубже, и для археологии он имеет коренное значение, так как позволяет понять и обосновать выделение археологических источников. Этот подход сложнее, чем его нередко представляют, и он требует смелого преодоления некоторых укоренившихся вульгаризаторских предрассудков, в частности он ухватывает динамику информации (не полагая последнюю неизменной) и требует учитывать не только объективные, но и субъективные факторы информационного процесса и процесса исследования.

О *системном* же подходе к археологии сейчас много говорят, но реализация его частенько сводится к простому переименованию схемы в «модель», комплекса в «систему», состава в «структуру». Иногда также к тому, чтобы добрую старую классификационную иерархию подавать как скользящую шкалу: «элемент — подсистема — система —...». А это ничего не меняет. Системный подход может быть плодотворным только в гораздо более целенаправленном, сложном и динамичном понимании.⁸ Одно из его проявлений — в осознании многофункциональности и многомерности крупных явлений культуры и в поисках взаимозависимости разных функций, соответственно деталей из разных сфер бытования данного комплекса. В силу этого, в частности, отпадает упование на единую, универсальную, оптимальную или единственно правильную классификацию археологических источников, равно как и исторических источников. На месте же одного понятия («археологический источник»), с жесткими границами и простой делимостью, оказывается система взаимосвязанных понятий, позволяющая дать разностороннее описание сложного, многомерного явления в разных

⁷ См. об этом: Klejn L. S. A panorama of theoretical archaeology. — «Current Anthropology», 1977, vol. 18, N 1, p. 9—10, 18.

⁸ Подробнее об этом см.: Klejn L. S. Marxism, the systemic approach and archaeology. — In: The explanation of culture change. Ed. by C. Renfrew. London, 1973, p. 691—710.

аспектах его функционирования. Теми же принципами продиктован отход от жестких шаблонных увязок тех или иных археологических фактов с теми или иными историческими явлениями, да и вообще отказ от изолированного истолкования отдельных археологических фактов или комплексов — вне археологической системы (или, точнее, систем: хронологии, хорологии,⁹ типологии, экологии, культуры). Нетрудно заметить, что в этом вопросе, как и в ряде других, системный подход выливается в конкретизацию положений материалистической диалектики.

Все три результата не содержат завершенных и детализированных разработок. От этого результаты, разумеется, теряют в удобстве для немедленного практического приложения, но зато выигрывают в устойчивости и в способности стать приемлемыми для многих. В возможности послужить отправным пунктом для дальнейших размышлений и работы.

⁹ Хорология — пространственное распределение объектов на местности; гео- и топографическое изучение окрестной среды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. «Археологические источники» — фундаментальное понятие археологии	4
Глава I. В исторической перспективе	6
1. Современная ситуация и исторические корни	—
2. Выделение понятия «исторические источники»	7
3. Ограничение понятия с появлением и развитием критики источников	9
4. Остатки и предание	15
5. Обособление понятия «археологические источники»	17
6. Осознание сложностей	20
7. Есть ли в археологических источниках историческая информация?	24
Глава II. В системе понятий	26
1. Источники в познании прошлого	—
2. Исторические источники — границы и отбор	32
3. Парадоксы источниковедения	36
4. Отражение в вещественных источниках	39
5. Слова и вещи: необычный перевод	45
6. Где конец археологии?	48
7. Археологическое отражение	54
8. Материальные древности	56
9. Специфика археологических источников	60
Глава III. От археологических источников к историческим	63
1. Две программы: традиционное сравнение по объему	—
2. Пересмотр сравнения по объему	65
3. Две программы: сравнение по структуре	70
4. Сравнение функций	74
5. Очередность операций	79
Глава IV. Виды археологических источников	81
1. Антик — памятник — артефакт	—
2. Семь поворотов одного явления	86
3. Просматривая на разную глубину	90
4. Находки и открытия	96
5. Как формировались археологические источники	100
6. Тематическое деление	102
7. Историк и источник	104
8. Схема и жизнь	106
9. Виды практики и источники	109
Заключение	115

ИБ № 573

Клейн Лев Самуилович

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Учебное пособие

Редактор *В. В. Макарова*

Обложка художника *Б. Х. Петрушанского*

Техн. редактор *А. В. Борщева*

Корректоры *М. В. Унковская, К. Я. Евнина*

Сдано в набор 05.06.78.

Подписано к печати 10.10.78.

М-07394.

Формат 70×108¹/₁₆. Бум. тип. № 1.

Печать высокая. Гарнитура литературная. Уч.-над. л. 10,0. Печ. л. 7,5. Усл. печ. л. 10,5.

Тираж 6000. Заказ 229. Цена 35 коп.

Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.

Типография Изд-ва ЛГУ им. А. А. Жданова. 199164, Ленинград, Университетская наб., 7/9.